

«Мы сочиняем
свой театр...» (стр. 12–13)

Иван СИКОРСКИХ.
Актер театра-студии
на Красной Пресне

Фото Евгения СТЕЦКО

Михаил Кондаков — «Депутат в резерве». Фотоочерк
Документальное кино: правду, и только правду
Антон Антонов-Овсеенко. Дело о расстрелянной переписи
Странницы отечественной словесности. Лев Мей
Повесть Рекса Стэята «Всех, кроме пса, в полицию...»

ISBN 0131—6656

смогу ¹¹ 30

Анатолий ДЕРЯБИН,
доктор экономических наук,
заведующий сектором теории
и методологии ценообразования
Института экономики АН СССР

ЧТО ПОЧЕМ?

ПОТЕРЯЛА ЛИ ОСТРОТУ ПРОБЛЕМА ЦЕН

Если спросить рядового труженика нашей страны, улучшилась или ухудшилась экономическая ситуация за время, прошедшее после июньского (1987 года) Пленума ЦК КПСС, принявшего решение о коренной перестройке экономики, ответом скорее всего будет: ухудшилась. И он будет недалек от истины. Дефицитность и инфляция за это время не ослабились, как ожидалось, а существенно усилились. Товаров народного потребления недостает для удовлетворения текущего спроса на 30—40 миллиардов рублей. А ведь, кроме того, в предыдущие годы накоплен неудовлетворенный спрос более чем на 100 миллиардов рублей. Едва ли не ежедневно дефицитными становятся все больше товаров.

Поэтому независимо от нашего желания и даже воли растут цены, в том числе, конечно, и розничные. От рубля 1960 года (в современном масштабе) к 1987 году осталось только 42 копейки. В последние годы, по оценкам экономистов, цены увеличиваются на три-четыре процента ежегодно.

Из-за возрастания дефицитности и усиливающейся инфляции происходит дискредитация идей революционной перестройки общества.

Экономическую реформу невозмож но проводить, когда есть дефицит и инфляция. Чтобы хозяйственный механизм работал нормально, нужно их устранить. Коль существует дефицит, нет стимулов повышать качество, внедряя достижения науки и техники — самая низкокачественная продукция быстро реализуется. Предприятия невозможно отоварить заработанные деньги — чтобы, например, построить дом для рабочих. Значит, экономические рычаги не действуют. При дефиците нет и социальной справедливости, которая состоит в том числе в том, чтобы на каждый трудовой рубль каждый человек мог купить любой товар.

Верхоглядство, которым, увы, страдает кое-кто и в наших высших экономических ведомствах, сразу подталкивает к самому простому из всего арсенала экономических средств — к повышению цен. Это избавит, дескать, от дефицита; можно ликвидировать убыточность некоторых отраслей, сделать прибыльными убыточные и низкорентабельные предприятия. Все отрасли, объединения и предприятия получат такую прибыль, которая позволит перейти на самофинансирование и сразу же начать вносить платежи в бюджет за используемые ресурсы. Одним словом, так просто и такие результаты. Почти экономическое чудо!

Такое чудо и пытается совершить Госкомцен СССР. Между тем анализ преобразований, намечаемых этим ведомством, показывает, что они прямо противоречат коренной перестройке экономики. Радикальная реформа ценообразования подменена реформой цен, а последняя сводится к повышению всех видов цен и тарифов. Реформа же ценообразования — это создание принципиально нового порядка (организации, принципов, методологии и методики) определения цен. Общее повышение цен — разовое мероприятие. Такие повышения, но в меньших масштабах, проводились и ранее. И все они дали значительно больше отрицательных, нежели положительных результатов.

Самое плохое то, что предполагается резко и на беспрецедентно огромную сумму (около 200 миллиардов рублей) повысить оптовые цены. Проведенные теоретические исследования (имеется даже математическое доказательство) и серьезное изучение исторического опыта нашей страны и мировой практики свидетельствуют, что **повышение оптовых цен неизбежно приводит не к уменьшению, а к нарастанию дефицитности всех товаров, возникновению неуправляемой галопирующей инфляции**.

Попробуем разобраться, как это происходит. Известно, что цену товара можно разделить на три части. Первая часть — это стоимость сырья, материалов, топлива, износ оборудования и т. д. Положим, что она равна 30 рублей. Вторая часть — зарплата. Пусть она составит в нашем примере 50 рублей. А третью часть — прибыль — определим в 20 рублей. А теперь представим, что этот товар, имеющий цену в 100 рублей за единицу, является каким-то условным средством производства.

Увеличим цену в два раза. Если зарплата не будет изменяться, то легко определить, что прибыль возрастет с 20 до 90 рублей, то есть в 4,5 раза. Прибыль расходуется на расширение производства. Но в новых условиях предприятие на эти цели может использовать в натуре столько же, сколько и до повышения цен, то есть 40 рублей. Ведь от роста цен не становится больше станков, кирпича, цемента и т. д. Остальные 50 рублей оказываются как бы «лишними».

Но они не исчезают. Они из безнадежного оборота по тысячам различных каналов постепенно переходят к работающим. Это скажется на резком росте инфляции и дефицита. Такое уже быва-

ло, и не раз. Вспомним, еще в 1968 году мясом и маслом были буквально забиты все холодильники страны. Но вот результаты резкого повышения оптовых цен 1967 года дошли до населения. И уже в 1969 году эти продукты стали дефицитными. В 1983 году создались условия для некоторого снижения розничных цен. Но подошли результаты повышения оптовых цен 1982 года, и с 1984 года стал быстро нарастиать общий дефицит потребительских товаров.

Таким образом, повышение оптовых цен не улучшает, а обостряет трудности в экономике. Вот еще один канал этого. Сейчас предприятия отчисляют часть прибыли в государственный бюджет и в фонды министерств. Отчисления в бюджет понятны. За счет них государство финансирует и строительство новых объектов, образование, и оборону, и множество других общегосударственных потребностей. А вот куда идут министерские фонды, отчисления в которые много больше, чем отчисления в госбюджет? Убыточным или малорентабельным предприятиям.

Коллективы-передовики недовольны. Они своими достижениями покрывают убытки нерадивых. Передовому мало остающихся средств, чтобы совершенствовать производство. Отстающему тоже мало денег, получаемых от министерства, чтобы реконструировать устаревшую технику. Вот все и топчутся на месте.

При повышении цен, ясное дело, число прибыльных предприятий резко увеличится. Все или почти все будут получать прибыль. А раз есть прибыль, значит — хорошо работаешь. При этом перераспределение средств от передовых к отстающим будет замаскировано. Ведь от повышения цен товаров не станет больше, а отстающие за «хорошую» работу начнут требовать и получать за «зароботанные» средства и новые ставки, и премии. Меньше, чем ранее, останется для передовых. Вот это очень плохо. Амнистировать ценами техническую отсталость, низкое качество, некомпетентность руководства, беспроизводственность и потери — это не улучшать, а ухудшать экономическое положение.

Нужно также понимать, что от уровня оптовых и закупочных цен зависит уровень розничных цен. Рогатки, которые упорно стоят на пути превращения безнадежных рублей в наличные, всегда, хотя и с трудом, но преодолеваются. В экономике не может существовать двух валют, это экономический абсурд.

Поэтому повышение оптовых цен безусловно требует и немедленного огромного повышения розничных цен. У политического руководства после повышения оптовых цен не остается какого-либо выбора в решениях. Ситуация похожа на то, как если бы поезд мчался без механизмов изменения скорости и тормозов. Политическое управление экономическими процессами будет утрачено.

Огромное повышение розничных цен на продукты питания (в 2—2,5 раза) с компенсационными выплатами населения не только не решит проблем дефицита и инфляции, но, напротив, усилит их. Это мероприятие, намечавшееся Госкомценом СССР, может иметь роковое последствие для перестройки. Во-первых, компенсационные выплаты, которые целиком или частично должны распределяться в зависимости от среднедушевых доходов в семьях, нанесут экономический удар прежде всего по тем слоям трудящихся, которые служат социальной базой перестройки (интеллигенция, высококвалифицированные рабочие). Они, как правило, имеют более высокие зарплаты и относительно малочисленные семьи при двух работающих. Во-вторых, компенсационные выплаты могут резко обострить межнациональные отношения, так как перераспределение доходов произойдет в пользу республик с многодетными семьями. В-третьих, выплаты компенсаций в пользу низкодоходных групп населения усилят уравнительность в распределении, нарушат пропорции в системе оплаты труда, что, конечно, снизит стимулы к росту производительности труда. В-четвертых, резкое повышение цен на продовольствие приведет к насилиственной ломке привычного питания (что чрезвычайно усиливает социальную напряженность), к абсолютно непредсказуемым изменениям в структуре спроса (ни в одной стране мира никогда так резко и одновременно цены не повышались).

Все изложенное позволяет сделать вывод, что невиданное по масштабам повышение цен и тарифов в нынешней социальной и политической ситуации приобретает характер безоглядной авантюры, осуществление которой может привести к пагубным последствиям.

Что же делать? Прежде всего надо осознать, что нам нужно не простое повышение цен всех видов, а действительно радикальная реформа ценообразования. А это предполагает самое решительное измене-

ние способов определения цен. Вместо предельно централизованного установления цен нужно ввести свободное ценообразование в рамках социалистического рынка.

Но вот здесь какая сложность. Свободное ценообразование (чтобы производитель любой продукции мог договориться о цене с потребителем) можно вводить лишь тогда, когда разработаны методы управления рынком. Ведь ясно же, что в условиях дефицита производители немедленно повысят цены. Об этом свидетельствует опыт социалистических стран: Польши, Венгрии, Югославии, Китая.

Значит, прежде чем совершить переход к свободному ценообразованию, нужно стабилизировать рынок. Только в этом случае он станет управляемым. Иначе неизбежен стихийный рост цен. Надо, следовательно, устранять дефицит.

Тяготы, связанные с коренной перестройкой экономики, глубинными структурными изменениями в производстве, в выведении производительных сил общества на современный мировой уровень, будут нести, если смотреть правде в глаза, в любом случае трудящиеся. Но вопросом, имеющим решающее значение, является то, будут ли они нести эти тяготы как потребители (за счет снижения уровня жизни) или как производители (за счет интенсификации и повышения качества труда).

Повышение цен, крупное разовое или постепенное, с компенсациями или без них, означало бы, что все тяготы, связанные с ликвидацией дефицита, были бы «по-братски» распределены между всеми членами общества. Между тем основная масса трудящихся не имеет прямого отношения к возникновению дефицита. Не все одинаково работали раньше и работают сейчас. Поэтому «братское» распределение тягот нельзя считать справедливым.

Следовательно, нужно искать другие способы преодоления дефицита. И они есть. Это прежде всего снижение затрат всех видов. Много говорят об убыточности производства мяса и мясопродуктов, молочных и иных товаров. Розничные цены не покрывают затрат. Но какие это затраты, чтобы их покрывать более высокими ценами? Ведь потери тех же мясопродуктов огромны. Они достигают 10 и более процентов. Значительно больше потери других продуктов: овощей, фруктов, зерна...

Второй путь преодоления дефицита и инфляции — решительный отказ от экономической «подкормки» убыточных и неэффективных хозяйств. В стране насчитывается 6,5 тысячи колхозов и совхозов, которые работают с убытками. У многих хозяйств оплата труда превышает валовой доход. Их, в сущности, содержат те, кто лучше работает.

Надо ли держать убыточные хозяйства, которые в буквальном смысле слова сами себя не кормят? Ведь они практически только потребляют, но ничего не дают обществу. А повышение цен опять легализует положение таких «хозяйств».

Есть ли и другие возможности для уменьшения затрат? Конечно. По расчетам, ликвидация только 2–3 процентов самых отсталых предприятий приведет к сокращению расходов в народном хозяйстве на 10–12 процентов не только без уменьшения объема производства,

но даже при его увеличении. Ведь передача передовым предприятиям сырья, материалов, энергии, трудовых ресурсов позволит увеличить выпуск продукции. Но не обязательно закрывать убыточные предприятия. Иногда их нужно просто передавать в собственность коллективам. Так, гравийный завод в Кировской области ежегодно приносил не менее миллиона рублей убытка — без малого по 12 тысяч на работающего. Понятно, что если кто-то приносит в месяц по тысяче рублей убытка, то он не только иждивенец, который живет за счет другого, но на него работает еще 5–6 человек, чтобы своим прибавочным трудом компенсировать «деятельность» такого работника.

Сейчас завод превратился в кооператив «Гравийный». И за четыре месяца работы не только избавился от убытков, но и получил 20 тысяч рублей прибыли. Кооператоры сами зарабатывают на хлеб свой насущный, и хорошо зарабатывают — в среднем по 500 рублей в месяц. А выпуск гравия и песка увеличился на третью.

Третье важное направление ликвидации дефицита — всемерное поощрение производства высокодоходных товаров, которые, кстати, довольно часто дефицитны — например, женских колготок, книг и журналов, бытовой радиотехники и т. д.

Четвертое направление — решительное сокращение расходов государственного бюджета на финансирование различного рода «строек века», экономическая эффективность которых весьма сомнительна и реальную отдачу от которых можно получить лишь через 15–25 лет.

Есть и другие направления работы по оздоровлению экономики. Но работники центральных экономических ведомств, обычно соглашаясь с тем, что нужно снижать затраты, тотчас же указывают на то, что дефицит надо устранить немедленно, а это можно якобы сделать только повышением цен. Но можно, и не повышая цены, в самое ближайшее время увеличить предложение товаров минимум на несколько десятков миллиардов рублей.

Во-первых, надо увеличить продажу тех товаров, которые залежались в торговле и на складах предприятий, товаров, производство которых может быть быстро увеличено: хрустальной и фарфоро-фаянсовой посуды, ковров, изделий из серебра и мельхиора, многих ювелирных изделий, отечественной радиотехники (кроме телевизоров), тканей и трикотажа из синтетических и искусственных волокон, постельного белья, изделий из натурального меха, женских капроновых колготок и т. д. Понятно, что продать их можно, лишь снизив розничные цены на 25–30 процентов. Снижение цен не только позволит увеличить товарооборот. Оно укрепит доверие широких масс трудящихся к перестройке.

Во-вторых, нужно резко (в несколько раз) увеличить розничную продажу некоторых видов средств производства (оборудования, приборов, транспорта...). Прирост товарооборота может составить, по нашим расчетам, не менее 5 миллиардов рублей. Приобретение таких средств производства кооперативами и отдельными гражданами позволит уже в самом ближайшем будущем существенно увеличить производство товаров народного потребления и услуг.

В-третьих, крайне необходимо увеличить рыночные фонды на все виды стройматериалов по меньшей мере в два раза. Это также прибавит к товарообороту несколько миллиардов рублей. На эту же сумму следует уменьшить расходы по государственным капиталовложениям. Рост розничной продажи стройматериалов, особенно в сельской местности, позволит увеличить объем жилищного строительства за счет средств населения без уменьшения вводимого жилья в целом по стране.

В-четвертых, полностью использовать возможности внешней торговли для увеличения внутреннего товарооборота. Некоторые экономисты предлагают взять у капитанов кредиты и на них приобрести потребительские товары. Однако это очень опасный путь. Внутренний товарооборот можно увеличить на полтора-два десятка миллиардов рублей только за счет оптимизации структуры как импорта, так и экспорта.

Надо увеличить импорт товаров народного потребления, которые продолжают оставаться дефицитными и приносят не менее 7–10 рублей внутреннего товарооборота за 1 инвалидную рубль. Среди этих товаров радиоэлектроника, растворимый кофе, кофе в зернах, какао-бобы, чай, цитрусовые, рыба и т. п. Необходимо увеличение импорта этих товаров примерно в два раза, то есть на 1–1,5 миллиарда инвалидных рублей. Их можно получить за счет изменения структуры закупок (меньше покупать не такие эффективные товары народного потребления).

Следует особо отметить, что правительство сейчас начало действовать именно в этих направлениях, то есть сокращать лимиты централизованных капитальных вложений и строительно-монтажных работ, увеличивать продажу стройматериалов и разного оборудования гражданам и кооперативам, уменьшать расходы на содержание аппарата управления, повышать эффективность внешней торговли и т. д.

Многие мероприятия в области цен можно начать уже сейчас. Так, нужно более существенно дифференцировать цены в зависимости от качества продукции. Возьмем цену на то же мясо. Мороженое, которое привозится из-за границы, продавать по два рубля. А охлажденное, парное — дороже. Дифференцировать цену разных частей туши.

Или — продавать дороже экологически чистый продукт. Сейчас десять копеек стоит картошка, напичканная химией, и экологически чистая. А должно быть так: хочешь есть мясо, выращенное на естественных пастбищах, или в магазине и плати за килограмм десять рублей. Картошку, выращенную без удобрений? Плати рубль. Хлеб, выпеченный на особых дрожжах? И за него уплати больше. И, кстати, получая доход от повышения цен, не следует торопиться немедленно пускать его в оборот, ведь далеко не каждый рубль обеспечен товарами. Государство будет как бы выкупать неоправданно выданный рубль; пусть он приходит в бюджет, но не рассматривается как доход. Вот так можно ликвидировать неудовлетворенный спрос.

Словом, не повышать цены нужно, а реформировать ценообразование, финансирование, кредитование, денежный оборот.

Следует создать механизм, который сдерживал бы гонку цен. Необходимость этого ощущают все. Но, к сожалению, создается впечатление, что бюрократические подходы здесь пока берут верх. Об этом свидетельствует опубликованное в начале февраля нынешнего года постановление Совмина СССР «О мерах по устранению недостатков в сложившейся практике ценообразования».

Читая это постановление и приходишь в состояние шокового удивления. Ведь по форме — все вроде и верно. Осуждается практика постоянного роста цен. Но Госкомцен СССР (выступающий «забойщиком» концепции роста цен и тем снискавший к себе едва ли не такую же задушевную ненависть подавляющего большинства граждан нашей страны, как и небезызвестный Минводхоз СССР), под руководством которого сложилась практика бесконечного роста цен, осуждается лишь за «слабую координацию». Оказывается, он «недостаточно привлекает общественные организации», «мало уделяет внимания профилактике» и т. п.

Что же входит в число мер по недопущению роста цен? Опять «повысить роль госзаказа», «принять меры к совершенствованию», «решительно прекратить повышения цен» и т. д. Но особенной «новизной» отличаются приказы «усилить контроль за качеством и ценами», «принять необходимые меры» к тому, чтобы цены на картошку и овощи не росли, «усилить контроль за правильным применением цен», а «цены и тарифы не должны повышаться» и для этого нужно «существенно улучшить работу по контролю», «не допускать необоснованного повышения цен» и «обеспечить неотвратимость применения санкций».

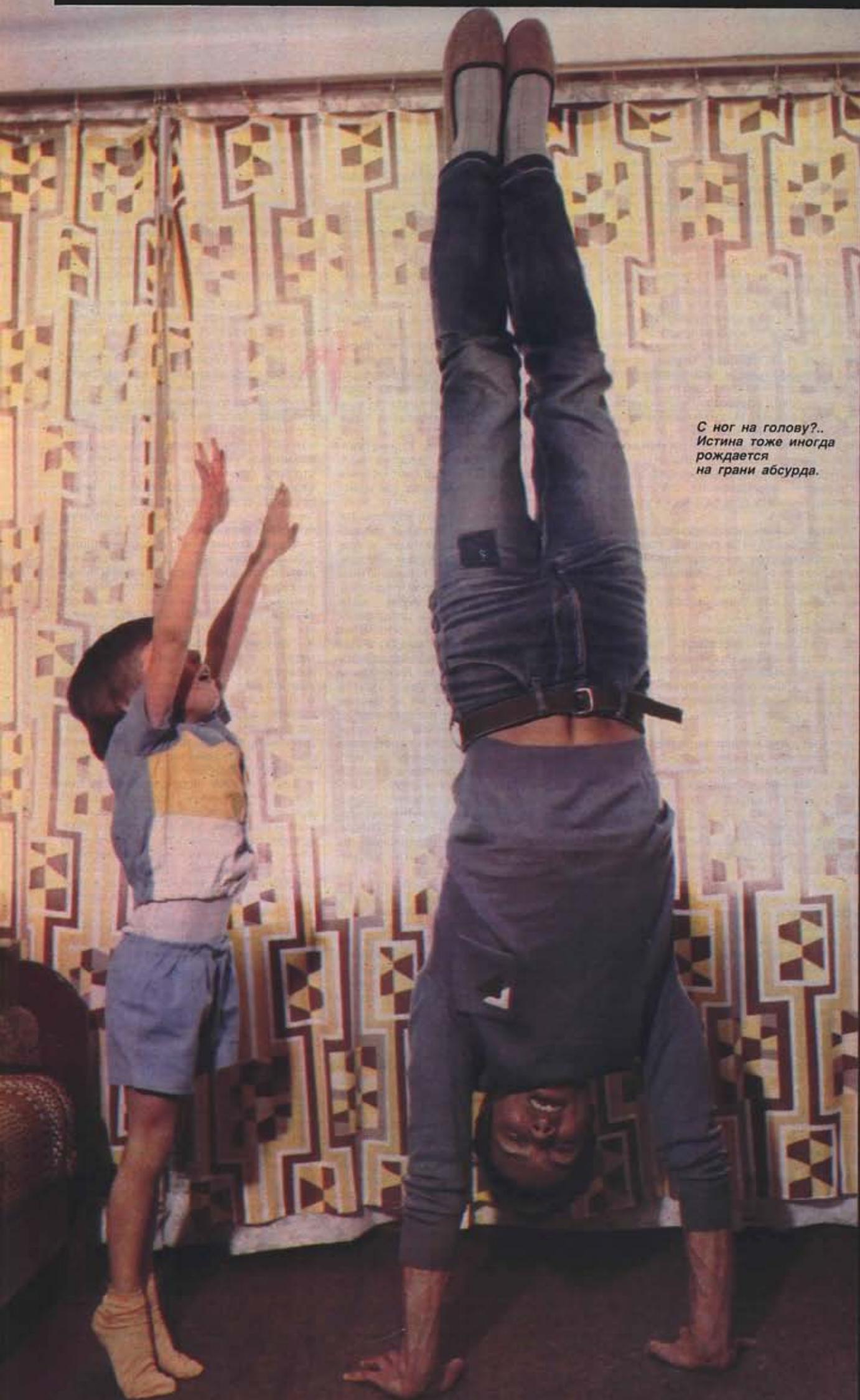
Все в лучших бюрократических традициях. Работников Госкомцена СССР воспитывают как малых ребятишек, которым невдомек, что и как делать. Возникает вопрос — а что, Госкомцен до этого постановления не догадывался, что у нас практика сводится к росту цен? Знал. И не только знал, но и подготовил предложения по небывалому их повышению.

Что же касается приказа «цены и тарифы не должны повышаться», то он очень напоминает совет лекаря, который серьезным тоном приказывает больному не болеть и температуру вперед не повышать.

...Вроде бы проблема цен потеряла свою остроту. На мартовском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС было объявлено, что в ближайшие два-три года розничные цены останутся без изменений. Можно бы и успокоиться?

Но оптовые-то цены будут повышаться! Примечательно это всерьез, уже готовы новые прейскуранты на уголь, нефть, электроэнергию, средства производства... Наивно думать, что сие не затронет рядового потребителя. Экономика у нас одна, рубль один, деление его на «безналичный» и «наличный» — просто условность. Повышение оптовых цен будет означать резкий рост инфляции, и после этого политическому руководству ничего не останется кроме как повышать розничные цены.

Повышение любых цен создаст крайне тяжелую ситуацию. Ученые нашего института разрабатывают варианты, которые дали бы возможность избежать этой акции. Не надо торопиться с повышением оптовых цен!

С ног на голову?..
Истина тоже иногда
рождается
на грани абсурда.

Глубокой ночью, с 26 на 27 марта, в небольшом конференц-зале Архангельского горисполкома окружная избирательная комиссия сообщила: за Кондакова проголосовало 49,79 процента избирателей, за Барашкова — 39,66 и за Садкова — 5,43.

— Это ж надо! — обескураженно сказал кто-то из сидящих рядом со мной, — не хватило каких-то долей процента...

Мне, присутствовавшему при работе счетной комиссии, была известна «недостача» не только в относительном, но и в абсолютном измерении — 466 голосов.

Вернувшись в Москву, в Центризбиркоме выяснил: такой «недобор» оказался рекордно малым в масштабе всего Союза...

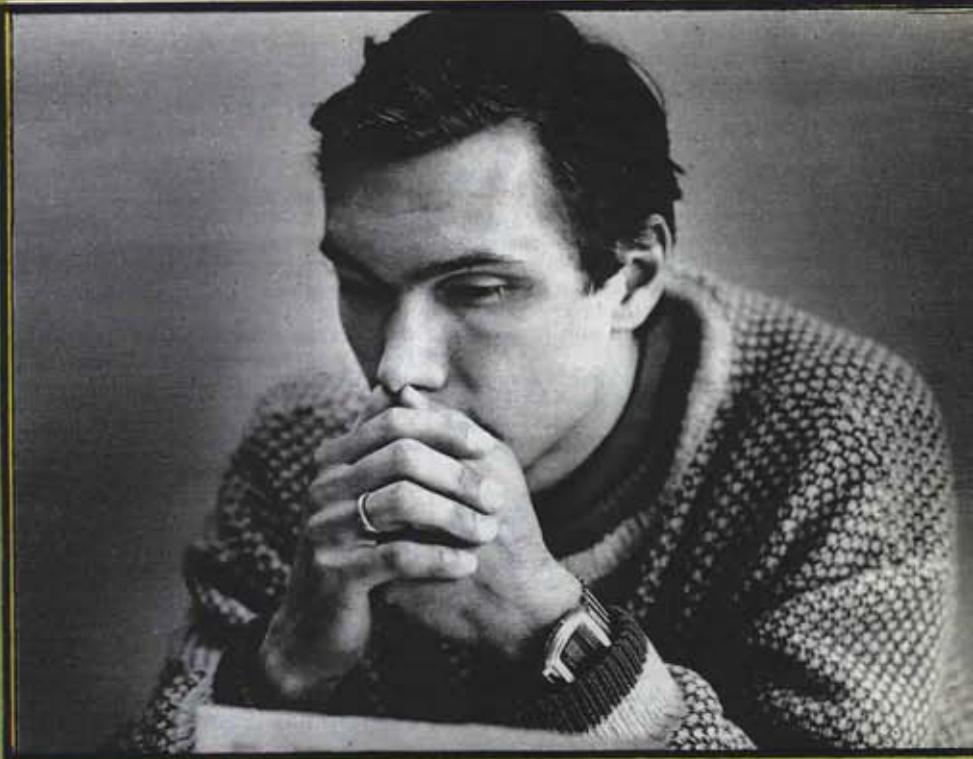
«ЕЩЕ

Валерий МАЙОРОВ
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Михаил Кондаков, оказавшись лидером по числу полученных голосов, победы на выборах 26 марта не одержал. Я пишу эти строки за неделю до повторного голосования и даже стараюсь не предполагать, каким окажется их результат. Правда, должен признаться: не беспристрастно ожидаю того, чем закончится напряженная, изнурительная, нервная, порой выходившая за рамки корректности (не по вине кандидатов!), предвыборная борьба в Архангельске. Но все же интересует меня иное: кто они, отважившиеся, выражаясь старым штylem, ступить на стезю государственной политической деятельности? На какой сумме социальности, нравственности, интеллекта базируются их взгляды и подходы к перестроечным процессам? Доста-

точен ли запас гражданской активности, смелости, принципиальности или это рыцари на час, оказавшиеся на грани общественного интереса в силу тех или иных случайностей, чьего-то конъюнктурного расчета, кабинетных игр?

И понятен наш интерес к Михаилу Кондакову — он один из немногих в стране молодых рабочих, попавших после «отборочных раундов» предвыборной кампании в списки для голосования. Определяющим моментом служило для нас и то, что кандидатуру Михаила, наряду с несколькими производственными и учебными коллективами, собранием жителей микрорайона, выдвинул и пленум Архангельского горкома ВЛКСМ. (Тут следует, пожалуй, заметить, что в былье годы такое обстоятельство осталось бы абсолютно незамеченным. А ныне дало повод противникам Кондакова говорить о нем как о «ставленнике аппарата».)

Нелегок путь
в политику.

Выборы прошли.
Выборы — впереди!

Накануне выборов газета «Моряк Севера» провела небольшой опрос экипажей судов, находившихся вдали от родного порта. Вот радиограмма, пришедшая от В. Дятлова, капитана теплохода «Константин Юон»: «Буду голосовать за Кондакова. Он смел и бескорыстен в постановке принципиальных вопросов. За его плечами уже есть реальные депутатские дела. Как рабочий человек Михаил малоузяйим для бюрократов. Тем более что, работая над своим самообразованием (знаю, к примеру, что Кондаков один из самых активных членов философско-политического клуба), Михаил здорово вырос как оратор, полемист, умеющий аргументированно и убедительно отстаивать свои взгляды...»

С. Груничев, секретарь партийной организации теплохода «Бакарица»: «Кондаков не случайный кандидат. Он человек неравнодушный, горячий. Те проблемы, что поднимает, не носят местнического характера. Они злободневны, насущны для всей страны...»

Мнение плотника технической службы пароходства А. Тюхова: «Жаль, что из трех кандидатов по нашему округу пройдет только один. Но не будем забывать о выборах и в местные Советы. Сегодняшних кандидатов, не прошедших в парламент страны, мы сможем избрать, к примеру, в областной Совет... Что до завтрашних выборов, то склоняюсь сердцем к Барашкову. А умом и двумя руками проголосую за Кондакова».

...В три часа ночи 27 марта на выходе из конференц-зала горисполкома я говорил Михаилу, чтобы не огорчался, не вешал носа, что он лидирует и что вообще будущее за такими, как он, Кондаков. Но мои утешительные «примочки» в общем-то не очень были нужны ему:

— С самого начала трезво смотрю на вещи и готов к любому исходу. Через две недели ситуация может сложиться не в мою пользу. Но если ввязался в политику, надо осознавать, что это не спорт: здесь не обязательно победа за сильнейшим...

Кондаков хотел еще что-то добав-

ПОБОРЕМСЯ!!!

вить, но в этот момент в него вперилось око телекамеры, и он улыбнулся интервьюеру, подошедшему с микрофоном...

«Грумант», влажный в пожелтевший, простеганный вдоль и поперек людьми тропами лед гавани, стоял у приличной стенки завода «Красная кузница».

По сухопутным понятиям, на буксирном катере портофлота шел капитальный ремонт, называемый на морском языке большим заводским, после которого предстояло идти на класс регистра, то есть получать как бы новый паспорт.

Ступив со льда на мостки, мы поднялись вслед за Кондаковым на палубу. Заметив нас, навстречу вышли одетые в каски парни — члены экипажа, Мишины товарищи.

Кондаков — моторист на «Груманте». Конечно, интереснее было бы побывать на судне во время работы, когда не большой и неказистый буксир манипулирует в акватории порта океанскими лесовозами, сухогрузами, заводя их на стоянки, к пирсам или же, наоборот, выводя на большую морскую дорогу.

С виду это самая что ни на есть черновая, однообразная работа. Ни тебе романтики дальних странствий, ни мало-мальского морского антуража. А поди ж ты! — попасть в экипаж такого суденышка, оказывается, не так-то и легко. Если откроется вакансия, новичок проходит не формальный, а прилично контролируемый испытательный срок. Остаются только профессионалы, трудяги, да и натурой не мелкие, не рвачи и не ловчилы. Потому-то на «Груманте» (впрочем, как и на «Поморе», «Севере», «Мурмане» и других портовых буксирах Северного морского пароходства) такой сбитый, стабильный, хотя и молодой в возрастном отношении коллектив. За последние годы на грузки здесь выросли (одновременно с сокращением штата) — отсюда и омоложение экипажей. Оправдывающее, к слову, одно из расхожих стереотипных представлений о молодых моряках: среди них, оказывается, немало таких, кто не видит первостепенного смысла в «загранке», во всяких там валютных приобретениях, если ради этого надо надолго покидать семью.

В экипаже «Груманта» четырнадцать человек.

...Миша Кондаков пришел сюда шесть лет назад. После армии. Успев закончить перед воинской службой техническое училище, где и приобрел специальность.

На многих предвыборных собраниях избиратели задавали ему вопрос: не собирается ли он продолжать свое образование? Иногда по интонациям чувствовалось: вопрос «на засыпку», с намеком на высокий образовательный уровень его конкурентов по предвыборной борьбе. В первую очередь Юрия Анатольевича Барашкова, доцента Архангельского лесотехнического института, популярного в студенческой среде, известного в городе выступлениями против командно-бюрократических структур.

Что мог ответить Миша? Что рос без отца, а мать получала более чем скромную зарплату? Что все десять классов отучился хорошо, но как-то само собой предполагалось, что надо после школы самому зарабатывать на жизнь? Все это так. Но корень-то в другом. В том, что любит он свой буксир. И работу моториста. Он так и отвечал:

— Не думаю в ближайшем будущем менять место работы.

В одной из аудиторий услышал от Кондакова более просторный ответ на вопрос, ставший типичным.

— Закономернее все же говорить об образованности, а не об образовании. Если нет таланта, призвания к научной работе, то никакой диплом не поможет стать ученым. И наша общая беда в том, что многие из своих рабочих местах с дипломами и знаниями остаются дилетантами. Уверен: наступившее время изменит систему ценностей. Мы лишь тогда выйдем из застоя, когда на любом месте будет первоклассный

профессионал. Ну, а если человек он еще и с широким кругозором, умеющий объясняться и доказывать свою правоту не между темами или по бумажке, если имеет независимый взгляд на вещи, так важно ли, есть у него диплом или нет?

Кондаков — хороший оратор. Логичен и лаконичен. Хотя иногда через скучу разок — эту свою слабость он знает и, похоже, потихоньку избавляется от нее. С ним интересно говорить. Особенно на экономические темы, которые-то и волнуют нас сейчас больше всего. Этот предмет он знает в объеме многочисленных публикаций последних лет плюс соответствующие работы Ленина, плюс свои соображения, связанные с личными наблюдениями, так сказать, по месту работы и жительства.

Я спросил Кондакова, что он считает главным, стержневым в предвыборной программе?

— Хотим того или нет, но мы будем иметь столько демократии, политической культуры, социальной справедливости, сколько позволит нам экономическое состояние общества. Поэтому приоритетное внимание отдаю развитию экономики, где решающий фактор — отношение людей к труду. Мы работаем плохо, потому что работаем не «на себя». Мы должны — просто обязаны! — вернуться к здравому смыслу, передав абстрактно обобществленную собственность настоящим хозяевам: землю — крестьянам, фабрики — рабочим... Реформа хозяйственного механизма станет предпосылкой демократизации политической системы... Это, считаю, основа основ!

В один из вечеров я приехал в ЖЭУ № 5. Расположено управление в одной из многоэтажных жилых коробок по улице Тимма. В этот вечер Михаил как депутат Октябрьского районного Совета вел прием избирателей.

...Полчаса — никого нет. Час — никого нет. Полчаса до окончания дежурства — никого нет.

— А ты знаешь, я доволен, что никто не пришел.

Я даже опешил — и это говорит депутат?

— Не удивляйся, — успокоил Кондаков. — Не пришли, значит, в моем микрорайоне ни у кого не течет кран, не протекает крыша, не пропадают из почтового ящика газеты и журналы, ну и так далее...

Так вот в чем дело! Не знаю, как там с избирателями рангом повыше, а депутатам райсоветов, если судить по опыту Кондакова, на дежурствах приходится, по сути дела, заменять то бюрократу-управдома, то нерадивого работника ЖЭУ, то еще какого-нибудь чиновника из нашей доблестной коммунальной службы.

И мы на пару с Мишей стали мечтать — как должна измениться депутатская работа на местах? Ведь именно с таких низов при истинно демократической системе начинается ток идей и инициатив, поднимаясь к самым вершинам власти. Не это ли именно и имел в виду Ленин, когда сказал про кухарку, участвующую в государственном управлении, что, однако, было воспринято и реализовано сталинскими конституционерами столь извращенно и скользко — депутатские мандаты по разрядке. (В скобках замечу: и в нынешней выборной кампании не избежали мы этого). Как-то еще аукнется инертная тяга к обязательному «представительству»?! Михаил высказал, по-моему, дельную мысль: когда пройдут выборы в местные Советы, от дежурств по ЖЭКам и прочим присутственным местам надо отказаться напрочь. А в городских и районных исполкомах, во Дворцах культуры создать депутатские центры, работающие, как и Верховный Совет СССР, постоянно. Может быть, перекинуть сюда одну-две штатные исполнкомовские единицы; привлечь к работе в этих центрах активистов из неформальных объединений и групп, доверенных лиц депутатов, их добровольных помощников. Пусть они предварительно проработывают поступающие наказы и передают их тому или

иному депутату для конкретных решений в бытовой сфере, культурной или гражданско-политической. И такие центры, где будут объединены народные избранники всех рангов, помогут и «неформалам» устанавливать контакт с исполнительной властью, предупреждать социальное напряжение...

А знаете, с чего начался Михаил Кондаков как общественный деятель? С привода в милицию...

Три года назад в один из летних дней в центральном универмаге двое парней, стоящих под плакатом, собирали подписи. На плакате местного художника Валерия Федухина вверху была крупная надпись «Мы против!». Под ней — силуэт человеческого сердца, пересеченный строкой: «Проектброса части вод северных рек на юг». Одним из парней был Михаил Кондаков. Он первым откликнулся на призыв молодежной газеты провести акцию протеста.

Для Архангельска той поры это было необычно. А необычное пугает, вызывает синдром запретительства. На всякий случай сборщиков подписей забрали в отделение.

Сейчас, когда в городе вспоминают этот случай, акцентируют внимание на том, что в конце концов Михаил на деньги, собранные комсомольцами портофлота, поехал в Москву и доставил подписи в «Правду», тем самым внес архангелогородскую лепту в борьбу с пресловутым «проектом века». Меня же куда больше радует тот факт, что Михаил в отделении «обратил в свою веру» самих работников милиции...

Сейчас этот сыграл свою роль и в том, что вскоре Кондакова выдвинули кандидатом в депутаты райсовета. (Два года назад это значило: выдвинули — следовательно, и избрали.) Но вскоре кое-кому, видимо, пришлосяожидать об этом.

В октябре позапрошлого года (правда, после энергичного вмешательства из Москвы) по областному телевидению был показан сюжет, снятый оператором Стасом Новицким, долгие месяцы не допускавшийся местными властями к показу, — о служебных злоупотреблениях при заселении престижного дома, построенного «на набережной». Это территория Октябрьского района областного центра, и поэтому депутат Кондаков решил вмешаться в «скользкое» дело. Переговорил с автором фильма, изучил соответствующие документы и на очередной сессии райсовета, состоявшейся через две недели после телепередачи, сделал депутатский запрос.

— Получил я тогда хороший урок, — вспоминает Миша, — но усвоил его не так, как предполагали некоторые.

Суть преподанного урока такова: депутаты решили рассмотреть поставленный вопрос лишь на следующей сессии. Тогда Кондаков предложил: отдать квартиры, незаконно полученные должностными лицами, признать недействительными. Но и это предложение поддержано не было. Да и могли ли его поддержать те «слуги народа», для которых исполнкомовский чиновник триедин, как бог — и отец, и сын, и дух святой?

— Ничего, уходят эти времена, — говорит Кондаков. — Жаль только, что некоторые под занавес успевают разжиться. И никаким законом их не дотать.

— Но переделать законы по силам новым депутатам.

— К тому дело идет...

Я соглашусь с Михаилом и думаю о том, что ему и многим другим, не только воспринявшим, но и работающим на перестройку, удастся осуществить все задуманное. Отдать заводы рабочим. Землю — крестьянам. Морские суда — морякам... Построить в Архангельске детские парки, возродить народные промыслы, привести к цвету захиревший, но еще до революции прославившийся яхт-клуб.

Да мало ли чего удастся, если взяться за дело со здравым смыслом и чистой совестью!

...Впрочем, вряд ли удастся Мише получить в ближайшем будущем новую квартиру (хотя кто-то пытается по городу подлецами слушок, что он, дескать, уже живет в «доме на набережной») — когда еще подойдет его очередь в портофлоте? А на какую-либо «внечередность» (если вдруг предложат) он не пойдет. Совсем.

В одной из бесед с Кондаковым затронули тему депутатов-рабочих. Я рассказал о телепередаче, прошедшей по московской программе незадолго до нашей командировки. В ней представитель Центральной избирательной комиссии говорил о низком проценте зарегистрированных кандидатов-рабочих, заметил, что надо, мол, что-то предпринимать. (?)

— А что? — саркастически воскликнул Кондаков. — Устроить «разгон учредительного собрания»?

— При выборах, вероятно, число рабочих снизится еще, — предположил я.

— Согласен, — уже спокойно сказал Кондаков, — но давай посмотрим на вещи здраво, без предвзятости и эмоций... В большинстве своем чьи интересы представляли депутаты-рабочие в прежних Советах? Трудящихся? Отнюдь. Все той же административной системы, ее аппарата, который и отбирал из рабочей среды удобных для себя кандидатов. Тех, кого можно было привлечь, не будем говорить о том, что любовью, настоящим уважением такие «выдвиженцы» не пользовались прежде всего среди самих рабочих. Они, хотя и не по своей воле, дискредитировали, подорвали авторитет рабочего класса и его политическую активность... И то, что в народные депутаты сейчас выдвинуто мало людей «от станка» — вполне закономерно. Но, уверен, положение будет быстро меняться, рабочий класс скажет свое слово, восстановит свой авторитет...

Да и потом, — продолжал Кондаков, — претит мне само это деление по анкетным признакам, когда речь идет о высшем государственном органе власти, где должны собираться сильные умы, независимые и дальновидные, способные выработать и принять законы, которые помогут стране выйти из тупика.

...Кондаков как в воду глядел. Когда материал был уже написан, я узнал, что при повторном голосовании народным депутатом избран Барашков.

Сначала я удивился — и это после такого «предварительного» преимущества Михаила? По недолгому размышлению понял — да ничего сверхъестественного нет: просто логика политической борьбы не укладывается в рамки наших прежних представлений. Сейчас, когда на обломках дрессированного послушания и «одобрямыса» рождаются новые принципы политического жизнеустройства, нам предстоит эту логику осмыслить и освоить. И мы искренне поздравляем Юрия Анатольевича — выбор, сделанный народом, сомнению не подлежит. Не усвоим такой подход в качестве постулата — быть нашей демократии похожей на срубленную к новогоднему празднику елку, где под привлекательной мишурой кроются оговорки, ограничения, запреты...

Ничего. Подрастем. Освоимся. Поздравляемся и привыкнем к неизвестности поворотов и зигзагов соперничества за мандат. Научимся анализировать ход предвыборной борьбы, собственные ошибки в ней.

Такова настоящая политика. Искусство возможного, как ее называют...

А как же Миша?

Звонко ему спустя несколько дней:

— Огорчен?

— Было. Уже прошло. Главное — избран депутат достойный. А выборы — они ведь не последние. Поборемся еще...

Рад за такой ответ. Рад за человека, имеющего силы и способности для общественно-политической деятельности. И имеющего вдобавок великое преимущество — молодость, когда все впереди.

...В его годы так начинать нам было не дано.

Владимир ГРАЧЕВ,
старший оперуполномоченный
отдела уголовного
розвыска

G E N U R O W

Сыщик, преследующий преступника на вертолете...

Чудо-экспертиза, по сигаретному пеплу вычисляющая убийцу...

Оперативник, «зализывающий» грабителя эффектным приемом...

Фильмы и романы недавних времен создавали вокруг милиции ореол непогрешимости, романтики, смелости. Но одновременно в сознании людей рождался — сначала питаемый разговорами, а потом газетными и журнальными публикациями — другой образ. Милиционеры, говорили в народе, пытают невинных, вымогая признания, скрывают преступления, защищают высокопоставленных мафиози...

Оба этих образа созданы, конечно, на основе реальных фактов, но судить по ним о работе всей нашей милиции — все равно, что судить обо всем многообразии земной жизни по полоске сухумского пляжа или по безжизненной Сахаре.

Я работаю в Апрелевском (это под Москвой) отделении милиции. Люди у нас разные, но в большинстве своем — поверте моему почти двадцатилетнему опыту! — честные, трудолюбивые, самоотверженные. Работаем почти без выходных и без отгулов. А вооружены... авторучкой, ногами и головой. Автотранспорт старый, машины постоянно выходят из строя. У большинства же преступников — современные автомобили, да и с бензином у них, в отличие от нас, проблем почему-то не возникает. Нам нужны компьютеры для учета и поиска сведений о преступниках, лазерная техника для изучения следов преступлений... А уж домашние телефоны для сотрудников милиции — обязательны. Но это прямо-таки грандиозная проблема... Нет пишущих машинок. Даже бумаги и той не хватает. А что до эффектных приемов — лет пятнадцать назад я прошел спортивные сборы и с тех пор к самбо не возвращался, даже просто поддерживать форму и то времени не хватает.

Вот вам и головокружительные погони, головоломные экспертизы...

У нас мало возможностей для борьбы с преступностью. Мешает и несовершенство законов, иногда оберегающих не столько честных людей, сколько нарушителей. Примеров тому множество.

Раньше у милиции было орудие — Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с хулиганством» от 26 июля 1966 года, по которому за повторное в течение года мелкое хулиганство человек привлекался к уголовной ответственности и мог быть наказан годом лишения свободы. Сейчас этот Указ отменен, и борьба с хулиганством практически приостановилась. А я знаю по собственному опыту: первый шаг ко многим преступлениям — это, как правило, именно мелкое хулиганство, если оно остается безнаказанным. «Мелкие» хулиганы быстро превращаются в «профессиональных» хулиганов, тунеядцев, воров.

Нет правовой основы и для борьбы с тунеядством. Раньше все было ясно: не работает человек без причин и не учится — держи ответ. Теперь же можно жить на сбережения, оставшиеся от родителей, или собирать бутылки, или зарабатывать иным нечестным путем. И милиция ничего поделать не может. Надо доказать, что тунеядец живет на нетрудовые доходы. А чтобы это сделать, нужно к каждому трех оперативников приставить. Так никакой милиции не хватит.

А тунеядцы — почти готовые кадры для уголовных преступлений. Особенно те, кто вернулся из мест лишения свободы. Многие из них не только готовы пойти на нарушение закона, но и вербуют себе помощников, разлагая подростков.

Расплывчат закон по поводу ареста лиц, совершивших преднамеренные преступления. Многих преступников, увы, оставляют до суда на свободе.

И пока мы собираем доказательства, они шантажируют или подкупают свидетелей, угрожают потерпевшим и их родственникам, совершают новые преступления. С подобными случаями я в своей практике сталкивался не раз и не два. А в результате участники процесса меняют показания, а дело, побывавшее в суде, возвращается на доследование. Я, как и многие практические работники, считаю: тот, кто совершил умышленное преступление, до суда должен находиться под стражей.

Нечетко сформулирована и статья 208 УК (купка краденого). Необходимо, чтобы законодательно была закреплена возможность привлекать к ответственности лиц, склоняющих и продающих краденную промышленную продукцию, например, кислородные баллоны, покрышки от электрокаров, аккумуляторы с грузовых машин. Если у нас будет право изымать такую продукцию и налагать на скрупщиков штраф, раза в три превышающий стоимость изъятого, сбывать краденое станет некуда.

Несовершенство законов, которое мы, работники милиции, чувствуем, что называется, на своей шкуре, происходит оттого, что их разрабатывают и принимают келейно. Законотворчество должно заниматься не только чиновники Минюста и специалисты из научно-исследовательских институтов — советоваться по этому поводу надо и с рядовыми работниками правоохранительных органов (тем более, что у многих из нас высшее юридическое образование), и со всем народом. Касается это не только тех или иных статей уголовного и гражданского кодексов, но и — причем в гораздо большей степени — принятия новых законов, постановлений.

Одним из примеров разработанного келейно, недемократично закона стал фактически не работающий Закон о нетрудовых доходах. За все время его действия не припомню случая, чтобы кого-то привлекли по нему к ответственности. По-прежнему практически невозможно наказать мошенников, вовлекающих простаков в игру в наперсток. А сколько нигде не работающих торговцев цветами, имеющих большую

выручку, которая не облагается никаким налогом!

По-моему, с нетрудовыми доходами надо бороться иначе. Не так уж много людей у нас имеют возможность на зарплату купить машину, дачу. Зарплаты обычно хватает семье только на самое необходимое. И непонятно, почему люди, получающие зарплату значительно меньшую, чем я или мои товарищи, открыто живут намного обеспеченнее.

Наверное, стоит изменить отношение к тайне вкладов. Зачем делать из вклада тайну, если деньги заработаны честным путем? Это «работает» на тех, кто живет нетрудовыми доходами.

Нам просто необходима и налоговая инспекция, которая контролировала бы доходы и их источники. Она поможет раскрыть хищения и другие преступления. Во многих странах такая служба действует давно и эффективно.

Еще один пример бездействия келейно принятого постановления — слабая эффективность борьбы с пьянством. Возложено-то она фактически на одну милицию. У нас в Апрелевке два винных магазина и два ресторана. Зато ни здесь, ни в поселке Кокошкино, ни в населенных пунктах поблизости невозможно пообедать всей семьей, купить мороженого, выпить чаю. А вот вино привозят ежедневно. Люди в рабочее время стоят в очередях, но ни один местный руководитель не поинтересовался, сколько его сотрудников стоят за водкой. На предприятиях администрация старается не замечать пьяных рабочих. За спиртным приезжают на личном и государственном транспорте.

Лечение в наркологических диспансерах пока малозэффективно. Например, из 180 человек, которых я отвез на лечение в 1979 году, бросили пить и не пьют до сих пор... шестеро. Практически безрезультатно и лечение в ЛПП. Приходя оттуда, алкоголики начинают пить с первого дня — водку и самогон достать нетрудно...

Но вернемся к нашим болячкам. «Секретно», не советуясь с низовыми работниками, проводят в милиции кампании по укреплению той или иной службы. Лет двадцать назад основную роль в правоохранительной работе отводили участковым, тогда говорили, что успех дела решают именно они. Затем комуто наверху показалось, что на первый план надо выдвигнуть уголовный розыск. Выдвинули. Спустя пару лет посмотрели, что получилось: больше стало хищений. Стало быть, решили чиновники, центр тяжести надо перенести на ОБХСС. Перенесли... Теперь новое введение: профилактическая работа по месту жительства. Значит, снова надо укреплять корпус участковых. Сегодня делается многое для укрепления этой службы, участковым представляются всевозможные льготы. Но кто знает, какая служба окажется в центре внимания завтра?..

Уголовный розыск сейчас внимание обделен, а следствие этого — падение преступка и неизбежный кадровый дефицит. В нашем отделении, например, две вакансии и одна из них свободная уже два года... Какая тут профилактика преступности! Работаем по 12 часов без выходных.

Раньше часть преступлений раскрывали участковые. Я, например, в свое время сам будучи в этой роли, рассматривал заявления о мелких кражах. Теперь же какой-то умник решил, что участковым этим заниматься не следует.

Дело не только в нехватке людей и их профессиональной подготовке, но и в их желании отдавать себя нашей нелегкой работе. В милицию сейчас приходит немало тех, кто желает получать зарплату, не особенно утруждая себя. Можно ли ждать от них непримиримости к тунеядцу, взяточнику, расхитителю? Сколько еще в нашей системе людей с образованием, но не готовых

вых к опасной службе, где все решают знания, любовь к профессии и к людям, на страже интересов которых мы должны стоять. Поэтому для нашей работы надо не только обучать, но и воспитывать. По-моему, самое подходящее для этого — создание милиционерских школ по типу суворовских училищ.

Не все ладно, по-моему, и с распределением обязанностей внутри милиции. Самая большая нагрузка ложится на уголовный розыск. На ОБХСС и инспекцию по делам несовершеннолетних — значительно меньше. Надо бы объединить все эти подразделения, а также участковых в одну службу. За одним сотрудником закрепить участок и поручить ему все вопросы, которыми занимается сейчас каждый отдел. На таком участке будет не более 2—3 тысяч жителей — куда меньше, чем в ведении участкового сейчас.

Такой «новый участковый» будет отлично знать людей и положение дел в своем округе, установит прочные контакты с населением — для профилактики преступности дело незаменимое.

Такое преобразование сделает не нужным многие кресла в «верхнем» аппарате. Куда меньше станет рутинной писарской работы. Оперативный работник будет специалистом прежде всего. Можно будет объективно оценить работу каждого. Причем не должно иметь значения, где ты раскрыл преступление — на своем ли участке, на соседнем или на территории другого ОВД. (Сегодня преступление, раскрытое на чужой территории, в актив сотрудника или отделения почему-то не засчитывается.)

Надо напрочь исключить возможность и желание фабриковать липовые показатели для получения незаслуженных поощрений и продвижения по службе. Показатель «раскрываемости преступлений» — это не только мое мнение — должен быть упразднен, и как можно скорее. Уголовное дело надо возбуждать, только когда преступник найден. Если нет — вести уголовное преследование и заводить карточку с характеристикой преступления. Не надо будет «лепить» липовые и отказные постановления, составлять липовые отчеты...

И еще об одном необходимо сказать. Наверное, многие работники милиции — в особенности из органов БХСС — попадали в такую ситуацию: выходишь на те или иные хозяйствственные нарушения, и тут звучит команда из райкома (райисполкома): «Такого-то (крупного руководителя) — не трогать». Ситуация характерная для застывшего времени, когда на должности в партийные и советские органы не выбирались, а назначались удобные люди, когда руководитель — депутат уже по должности. Сейчас в связи с реформой политической системы многое, надеюсь, изменится, но тем не менее убежден, что милиция не должна быть отделом того или иного исполкома. Ее нужно вывести из подчинения районных властей. А работники правоохранительных органов не должны состоять на партийном учете в районной организации. Милиция должна быть не зависима ни от кого, кроме закона. Необходимо также вывести из подчинения МВД и прокуратуры следователей. Создать отдельное управление, подчиненное Верховному Совету СССР.

Положение дел в милиции, если называть вещи своими именами, труднейшее. И если во всем вороне нерешенных вопросов будут, как это велось до сих пор, разбираться только «наверху», толку не будет. Не под силу решить их даже десятку НИИ. Нужно провести съезд работников всех правоохранительных органов, но не высшего звена, а низового аппарата, с участием руководителей партии и правительства и представителей тружеников. Поставить на них наболевшие вопросы, наметить стратегию и тактику в правоохранительной политике. Форум, где будет услышан голос и лейтенанта милиции, и прокурора, и рядового следователя, поможет найти методы решения многих проблем.

— Дерьма, смотри, сколько в лагуне-то. Кровать посреди бросили, тут же воды по щиколотку.

— Это кровать Христа, ей положено плавать на воде.

— При чем тут Христос?

— В этой лагуне будет сниматься полнометражный фильм,— нагнала на лоб таинственные морщины, важно объявила Алалыкин.

— Какой фильм?

— «Солнцем палимый». Кровать — это декорация. Люба бросила острый взгляд на «декорацию», раскладушка вздрогнула, и из-под нее выплынула бурая плоская волна.

— Что это? — астревожилась жена.

— Я же говорю, декорация к фильму. Раскладушка с моторчиком и может перемещаться по воде вместе с Христом.

— Ага, подводная лодка, замаскированная под раскладушку! — Жена, конечно, не поверила супругу, но ей расхотелось спорить и сопротивляться: раз муж выбрал это место, значит, быть прикованным к нему два выходных дня. — Только скажи, зачем мы все-таки здесь остановились? На ход креветок хочешь посмотреть?

— Хочу, — вздохнул Алалыкин. — Когда идет чилим — море гудит. Не слышала, как гудит море в день чилима?

«Орудья» была в руках у Саньки. Окинув духа глазами, Санька понял, что ни удрать, ни спрятаться в кустах либо в песке, ни взять духов слезами не удастся. Он сырь вздохнул и протянул примитивную острожонку, могучему родственнику старика Хоттабыча.

— Только что нашли, здесь, на берегу.

— Врешь, парнишоночка!

— Врать мне запрещают в школе! — наотмашь рубанул «подсолнух». Дух даже закачался, возился удивленно на светлое растение, потом перевел взгляд на своего мускулистого собрата.

— Будем брати! — ответил собрат, шевельнув волевой тяжелой челюстью, и добавил: — Врать тебе, значит, в школе запрещают?

— Запрещают, — невинно подтвердил «подсолнух».

— А браконьерить, парнишоночка, не запрещают?

— Что такое — браконьерить? — «Подсолнух» запустил в ноздрю палец и склонил голову набок, распахнув пошире желтоватые, цвета спелой китайки глаза.

Дух тряхнул в руке острожку и примерился, словно собираясь насадить на нее Саньку. Алалыкин не выдержал, с горестно-испуганным криком выбросил перед собою руки, растопырил пальцы и, громко затопав ногами, понесся вперед:

— В чем дело?

— Вам чего надобно, гражданин?

— Это мои дети, Вениамин Семенович и Александр

Валерий ПОВОЛЯЕВ

ООНД ЧИЛИМ

ЧИЛИМ

У Алалыкина фамилия из тех, что не позавидуешь: незвучная, корявая, схожая с неким несущественным кривобоким растением, совершенно неинтеллигентная фамилия. Алалыкин! Ну, что это такое?..

Выходные дни Алалыкин любил проводить за городом, брал жену, двух белоголовых пацанов — Саньку и Веньку, таких же низеньких и крепкогоних, как папа, и уезжал к морю, на берег Анивского залива, либо на озера, тихие, рыбные, с нежной водой — Тунайча и Изменчивое. Озерные берега ровнее, обиженнее, чище и уютнее морских, озерный берег — дом! Но в пору чилимного хода никакой дурак не будет разбивать стан на озерах, только на море.

Чилим — это дальневосточная креветка, крупная, мясистая, с нежным панцирем, беззащитная и сладкая, много знатнее и вкуснее королевских креветок гамбари. Кто не пробовал чилима, тот вообще ничего не пробовал и на Дальнем Востоке не бывал. Иногда дальневосточную креветку называют шrimps, но реже. Бывает травяной шrimps, бывает песчаный: травяной — крупный, угловатый, с медленными движениями, жирный; песчаный — меньше, вытащенный на берег, он старается забиться в песок, с трудом преодолевая лень, по-собачьи работает лапками, хвостом, усами, острым рогатым носом, каждой своей скорлупкой, словно в песке ждут его прохлада и спасение; есть отдельные особи — медвежатники, с мощной, специально сплюснутой для водяного тарана головой-грудью, с устрашающими черными, как у тараканов, глазами. Медвежатников Алалыкин не любил: мясо у них волокнистое, жесткое, медвежатники — это перестарки.

Когда Алалыкин ел чилима, его охватывал молодой восторг. Он с волнением глядел на море, на задымленные, насквозь просматривающиеся солки, на небо и летящих птиц, на жену свою Любку. Но при взгляде на нее молодое волнение в Алалыкине сходило на нет, он вздыхал и вновь становился самим собою.

Официально ход чилима должны были объявить через четыре дня, но он вовсю уже шел, без команды рыбхозовского начальства — чилиму наплевать на ликовую начальственную печать. Алалыкину захотелось узнать, будет в этом году чилим или нет, и он вопреки всему разбил палатку не на озере, а на берегу ржавой, с бензиновыми разводами лагуны, посреди которой плывала разодранная кровать-раскладушка.

— Тут вонь, пахнет гнилью и прелыми водорослями, — сказала Алалыкину жена.

— Да? — рассеянно удивился Алалыкин, с шумом втянув в себя воздух. — По-моему, ты не права. Просто неподалеку цветут саранчи.

— Слышала. Я много чего благодаря тебе слышала. Но не вздумай хотя бы одну креветишку изловить — рыбохрана таких, как ты, насквозь просвечивает и штрафует, у них план по червонцам в арифметической прогрессии: за одного чилима — червонец, за двух — четыре червонца...

Алалыкин изучал плавающую раскладушку — имелся в этой «подводной лодке» некий странный надувной механизм, который позволял ей держаться на плаву.

— Пап, мы малость побродим по берегу, посмотрим. — Два «подсолнуха», Санька и Венька, так и не дали Алалыкину сосредоточиться на раскладушке.

— Далеко не уходите, сейчас чайник согрею и будем пить чай с баранками и конфетами, — предупредила сыновей Любка, доставая из рюкзака туристский примус «шмель». Движения ее были такими нежными, гибкими, молодыми, что Алалыкин перевел взгляд с плавающей раскладушки на жену.

— И вот что, Алалыкин, — Любка поймала взгляд «хозяина», — договоримся так: один день проводим здесь, на съемках фильма, а другой — на берегу Тунайчи.

— Там много комаров.

— Зато саранками не пахнет.

Белоголовые «подсолнухи» успели подобрать пару роскошных «куриных богов», две причудливые ракушки, а под выворотнем нашли остроганную палку, которой была привязана вилка. Алалыкин сразу догадался: для чилимов. Кто-то насаживал креветок на рожки. Много, конечно, такой примитивной «орудьем» не возьмешь — у зубцов нет бородок, проколотый чилим соскальзывает, но некоторый урон здешней лагуне нанести можно.

Значит, кто-то уже потревожил чилима, не устоял. А лагуна действительно попахивала навозом. Любка права. Застойная вода всегда землей пахнет.

— Бросьте вы эту пакость, может, она в заразных руках побывала, — хотел было крикнуть Алалыкин своим «подсолнухам», но не успел. На его глазах из-за утоптанного песчаного бугра возникли, словно духи, два дюжих квадратнолицых мужика, похожих друг на друга как близнецы-братья, устремились к Саньке с Венькой и перегородили им путь.

— Эй, чего вы там? Не трогайте растения! Это мои! — Крика у Алалыкина не получилось, лишь в горле что-то слабо шевельнулось, возникшая капелька воды скатилась вниз, и Алалыкин закашлялся.

— Ну-кась, парнишоночки, отдайте-ка нам свою орудью! — тихим, вкрадчиво-ласковым голосом попросил один из духов и, сев на корточки, сощурил немигающие, блеснувшие свежим оловом глаза. — Вам она уже не понадобится.

Семенович. — Алалыкин обхватил «подсолнухов» за плечи, притянул к себе и звонко чмокнул в белые макушки.

— Хорошо, что ваши, а я-то думал, кто будет за этих ребятишек платить, — усмехнулся дух, обдавая Алалыкина старым луковым запахом, глаза его залучились.

— Как платить, что платить, зачем платить? — зарыдал Алалыкин и, шмыгнув носом, покрепче прижал к себе Саньку с Венькой.

— Штраф! — Дух приподнял острожку. — «Запрещенное орудие лова» наказывается штрафом. Платить в сберкассы по месту жительства советскими купюрами — пятерками, но можно и тройками. — Дух был терпелив, очень терпелив, и Алалыкин запоздало понял, что не надо его дразнить: лопнет в духе ниточка

Рисунок Игоря Гончарука

терпения, зазвенит все в потомке Хоттабыча колокольно, и тогда все — пиши пропало.

Дух малость потемнел лицом, подвигал нижней челюстью и положил руку на пистолет; младший дух, видя это, тоже положил руку на пистолет и подвигал нижней челюстью.

Алалыкин невольно всхлипнул, из глаз проворно выкатились две крупные слезы, поползли вниз по длинному носу, сливаясь в одну крупную каплю, и застыли на кончике. На духа эта сентиментальная калля не произвела никакого впечатления.

— Бумаженцию вам прямо на природе нарисовать или домой прислать?

— Какую еще бумаженцию? — Алалыкин сдул с носа каплю, освобождая место для новой.

Белоголовые «подсолнухи» заинтересованно смотрели на отца, переводя взгляды на страшное оружие, притороченное к ремням духов. Их интересовали сейчас только две вещи: слезы отца и оружие.

— Квитанцию, чтоб не позабыли штраф заплатить. — Дух сунул руку за пазуху и извлек оттуда пачку квитанций, завернутых в прозрачный купок. — Есть у нас отдельные забывчивые личности, которые считают, что они выдающиеся, а на самом деле — несознательные. Вы как, сознательный или нет?

Алалыкин мотнул головой, сбивая с носа очередную каплю.

— Я — личность!
— Раз вы личность, нарисую вам штраф в тридцать рублей.

— За что?
— За сынов-браконьеров. Каждый из них обойдется в пятнадцать рублей.

— Вы что, действительно считаете их браконьерами?

— Конечно.

— Настояющими?
— Ну, разумеется, настоящими, — спокойно подтвердил дух, ствердив узкие длинные губы. — Раз с острогой ходят — значит, настоящие.

— Да они острогу только что увидели, она здесь, на земле, валялась.

Краем глаза Алалыкин заметил, как лихо несется к нему жена Люба, сделавшаяся враз легконогой и быстрой. Он начал успокаиваться: вдвоем-то они обязательно совладают с духами, тем более что одна женская сила равна двум мужским. Никакие духи не устоят — будут побиты, посрамлены, изгнаны. Ну, действительно, чего эти гипопотамы прицепились к двум слабеньким полухам, Саньке и Веньке, чего? А может, они не могущественные духи, а такие же уязвимые земляне, как Алалыкин с Любой?

Но духов одолеть не удалось: те оказались сильнее и упрямее: белоголовые «подсолнухи» — браконьеры, и все тут; раз имеют в руках браконьерскую «орудию», которой не токмо чилима — человека проткнуть можно. Уперлись духи — придется Алалыкину за все отвечать.

— Н-не надо никаких документов рисовать... Н-никаких квитанций, — дрожащим слезивым голосом пробормотал Алалыкин, невидящее глядя в рыжеватое задымленное пространство лагуны, в котором преспокойно плывала раскладушка, ни дна ей, ни покрышки. И чего, собственно, она плывет в этих водах? Виски у него набрякли болью, настроение сделалось вконец слезивым, трясучим: тряслись руки, трясились губы, тряслась голова, трясясь горизонт, сопки тоже дергались и подпрыгивали — жалко было Алалыкину расставаться с деньгами.

— Может, двух десятков хватит, — спросил он ослабше, — по десятке за каждого юное рыло?

— Хватит, — великодушно разрешил младший дух — пусть будет по десятке. Но уговор один: чилимов больше не бить!

— Что вы, что вы! Больше никогда, ни за что! — помотал головой Алалыкин, стараясь унять горячечную дрожь, которая не то чтобы не унималась, а, напротив, усиливалась.

— Орудие браконьерского лова мы конфискуем.

— Пожалуйста! — кивнул Алалыкин, из глаз его снова выплыли две соленые бусины, сползли к кончику унылого покрасневшего носа, соединились воедино и застыли там, кажется, навечно.

Младший дух принял деньги, проследил за взглядом Алалыкина, увидел раскладушку, не стал безмерно удивляться — подумаешь, железо плавает! — и, поддержанный одобрительным взглядом старшего, полюбопытствовал:

— А документики ваши... Можно увидеть?
— Зачем вам документики? Разве два червонца не документики?

— Пхи! — Младший дух крутанул головой. — Надо же знать, с кого две красненькие стребованы и соответственно получены. Для порядку. И орудью надо на кого-то списывать, но сама же вилка прикрутилась к деревяшке. Вилка-то новая, бифштекс можно есть.

— Любая, принеси, пожалуйста, паспорт. — Алалыкин сжал руками виски и услышал в самом себе тихий, собачий плач.

Младший дух раскрыл принесенный Любой паспорт, с колким интересом глянул на Алалыкина, сравнивая фото с оригиналом, убедился в соответствии натуры с тем, что было на бумаге, но паспорт по неведомой причине отдавать не торопился.

— Что-нибудь не так? — устало поинтересовалась Люба.

— Все так, все так, два червонца — тоже документ, — пробормотал младший дух и протянул паспорт

Окончание на 19-й стр.

ВОПРОСЫ О СЛУЖБЕ В АРМии

Мое мнение — нужна профессиональная армия. Тогда каждый солдат будет относиться к технике, как к арендованному средству производства, а не как раб к орудию труда. Помню рассказ одного «дембеля», как они с командиром взвода расстреливали в белый свет оставшиеся от стрельбы патроны, так как командир должен был сдать под расписку только гильзы. Расточительству офицеров учат еще с суворовских училищ. Мой брат рассказывал, как их командир разбрасывал по сторонам взрывные пакеты, которые не израсходовали на тактических учениях, а они были уже списаны. Можно представить после таких примеров, какой у нас должен быть военный бюджет!

Не надо бояться слова «наемники». Мы же не называем наемниками офицеров. Почему же мы должны стыдиться получать деньги за профессионализм? Ведь защищать Родину всегда было профессией.

А. КОРНЕЕВ,
Барнаул

Пишут вам моряки-тихоокеанцы с крейсера «Минск». Прочитали статью «У матросов есть вопросы», в которой говорится о крейсере «Киев». Читали и смеялись. Смеялись не оттого, что было смешно, а оттого, что было написано все в точности про «Минск». Да, наши корабли внешне похожи. Но оказывается, что похожи они еще и «флотской организацией». Все в точности, как у нас. Мы бы могли дополнить эту статью.

«Минчане»

Сейчас много говорится о профессиональной компетентности специалистов, об использовании наемных военнослужащих, чья подготовленность, несомненно, выше. Последняя проблема весьма интересна, но давайте сначала посмотрим, какими же кадрами мы обладаем сейчас.

Вас, наверное, удивит, если я скажу, что атомными установками на подводных лодках управляют люди недостаточно подготовленные, а иные и вовсе не подготовленные. И ничего, плаваем. Операторы знают и умеют всего лишь 30—50 процентов от того, что они должны знать и уметь. И причины не в умственных способностях, а в системе подготовки. Ну и в плане самокритики следует отметить, что лень-матушка тоже играет не последнюю роль. Попадая на флот, офицеры отдаются на откуп самим себе. Нет ни конкретной программы, ни контроля, ни действенной организации. По крайней мере, в жизни, а не на бумаге — этого нет.

Было бы неправильно говорить, что у нас одни неучи. Есть и настоящие

мастера своего дела. Это, как правило, трудяги, люди, не подверженные «лучевой болезни», как у нас шутят, первые признаки которой начинаются, когда после обеда человеку хочется спать, а проспится он, и ему кажется, что мало платят. Хотя вопрос оплаты тоже весьма существенный. Квалифицированный рабочий на Крайнем Севере, имея пятидневную рабочую неделю с восемнадцатичасовым рабочим днем, получает столько же, а то и больше командира боевой части на атомной подводной лодке там же, на Севере. К тому же, как правило, в семье гражданско-человека работают минимум два человека, а не один, как у нас...

Мы всегда почему-то катастрофически заняты, всегда не успеваем, все время ходим озабоченные. От бумаг круги перед глазами. Надо написать столько отчетов, планов — без них мы никак не можем. И ведь за всю мою службу не нашлось ни одного проверяющего, который бы интересовался фактическим состоянием дела, а не планами и отчетами. Любой офицер, прослуживший более пяти лет, — виртуоз крючковтирства. Он может закатить такого «горбатого», что ни одна умудренная бюрократическим опытом комиссия не подкопается.

Нельзя сказать, что у нас не борются с бюрократией. Борются. Недавно, например, отменили журналы боевой подготовки (ЖБП) в боевых частях на кораблях, которые составлялись исключительно для проверяющих. Их еще называли «журналами лжи». Так вот, ЖБП отменили, а нового ничего не придумали. Но ведь какая-то отчетность должна быть. Поэтому было приказано переименовать ЖБП в ТБП (тетрадь боевой подготовки) и продолжать вести.

Но есть у нас и образцы высокой организации, в которых есть свой положительный опыт. Это наши политические занятия. Все знают, что политзанятия — это святое дело, и никто не решится забрать матроса с этого мероприятия, потому что знает, что будет иметь дело с политработником. Вот бы это обстояло дело с занятиями по специальности!

Но качество политзанятий! С матросами проводят занятия офицеры, назначенные командиром. С мичманами такая же ситуация. С офицерами проводят занятия сам командир. Замполит же в лучшем случае ведет одну из групп, а вообще главная его обязанность — руководить политподготовкой на корабле. Эта форма вызывает серьезные сомнения. Хорошо, что сами офицеры проводят занятия, но ведь в каждом деле должны быть профессионалы. И кому, как не замполиту, этим заниматься. Так и получается, что замполит на корабле отвечает за все, а с другой стороны, ни за что. И, к сожалению, часто бывает, что политработник на корабле, кроме вопросов политики, ничем больше не занимается. Теперь самый крамольный вопрос: зачем он

тогда вообще на корабле нужен, если есть партийная, комсомольская организация?

Вызывает сомнение и система подготовки политработников. Что получается: окончив политическое училище, не имея политического опыта, он сразу становится запрограммированным проводником идей партии. А еще Ленин говорил, что политработник должен пройти через горнило работы в массах. Почему бы замполитов не растить на флоте, выбирай из числа наиболее авторитетных, грамотных офицеров, и направлять их на учебу в Военно-политическую академию?

Я специально остановился на темных сторонах нашей жизни не для того, чтобы выплыть грязь на военных и посыпать голову пеплом, а потому, что мне стоять в первом эшелоне защиты Отечества и это мое дело, каким будет флот завтра.

Капитан 3 ранга
В. ОВЧИННИКОВ,
Мурманск

Статья «У матросов есть вопросы» стоит в одном ряду с другими публикациями в молодежной прессе: тот же стиль, та же некомпетентность, те же риторические вопросы и отсутствие ответов на них. С этим набором спорить бесполезно. Вы — профессиональная молодежная пресса, и мы — профессиональные военные, думаем и говорим на разных языках.

Вы отмечаете, что военные молчат. Разве? Возьмите в руки «Красную звезду», «Советский воин», «Коммунист Вооруженных Сил». Вчитайтесь, вдумайтесь. Естественно, что там вопросы стоят и ответы на них даются в той плоскости, которая вас не устраивает. Но военная пресса сейчас активно работает на перестройку. К конкретным примерам можно отнести хотя бы последнее выступление министра обороны Д. Т. Ярова в «Красной звезде». Он говорит о роли и месте армии в обществе, ее будущем. Есть и много других примеров.

Вы пишете об «обязательной воинской повинности», а в Конституции СССР сказано «всебюджетная воинская обязанность». Обязанность и повинность есть два разных по смыслу слова, не так ли? Негоже органу ЦК ВЛКСМ делать такие ошибки.

На вопрос о роли и месте армии отвечает опять же Конституция: «В целях защиты социалистических завоеваний, мирного труда советского народа, суверенитета и территориальной целостности государства...» Эти положения конкретизируют жизнь: Чернобыль, Закавказье уточняют, чем занимается армия в периоды стихийных бедствий и братоубийственной резни. Чтобы она оставалась такой, не надо вставлять в колеса. Надо помогать, и не

словом, а делом. Пока у молодежной прессы проглядывает одно желание: найти тему посенсационнее. Какая может быть романтика и привлекательность у армейской службы после грубо подтасованной статьи «Случай в спецвагоне» и снимаемого «Ленфильмом» фильма «Караул»?

Вам легко писать, а вы попробуйте поработать в наших условиях, тогда и поговорим на равных.

Старший лейтенант
И. В. ЕГОШИН,
политработник,
Москва

Хотел бы затронуть проблему взаимоотношений кубрика и каюта-компании, то есть матросов и офицеров. Расстояние между ними не сокращается, а увеличивается по нарастающей. Известно, что молодой человек приходит служить, мягко говоря, без энтузиазма, а если таковой и есть, то он быстро проходит. Итог один: матрос смотрит на офицера, как на душегуба, который мучает его три года. Офицеру же проще самому исполнить приказание, чем ставить или упрощивать матроса, но это невозможно физически. Вот и занимается офицер целый день тем, что кричит, упрещает, а в конце концов слышит: «Товарищ лейтенант, если вы от меня не отстанете, то я совершу грубый проступок (пьянка, драка, самовольная отлучка) и вас целый месяц домой пускать не будут. Меня будет воспитывать. А у вас семья, дети». Сколько раз это слышал, а мер воздействия у меня нет, потому что никого не напугаешь нарядом вне очереди или выговором.

Конечно же, нужна профессиональная, вольнонаемная армия, где все обязанности и права оговорены контрактом. Но не все в этом заинтересованы, хотя и понимают ее плюсы. И не в деньгах дело, как это хотят представить. Просто так легче. И в первую очередь против профессиональной армии выступают политработники. И так понятна всем их ненужность, а тогда это станет просто очевидно. Вот и идет активная пропаганда против. Последнее партсобрание на нашем корабле — тому пример. Начали обсуждать проблему. Надоело, мол, за матросами бегать, подталкивать на каждом шагу. Так замполит чуть ли не врагами народа обозвал. Так что реальная мощная сила выступает против.

Большая просьба не ссылаться на мою фамилию. У нас не любят, когда сор из избы выносят. Иначе меня сгноят.

Капитан-лейтенант С.

Многие могут спросить, почему не увольняются офицеры? Ответ прост: это почти невозможно. Многие желают

ТАЮТСЯ

уволиться, но офицеров увольняют только за дискредитацию воинского звания. Тем не менее даже страх за испорченную биографию не удерживает. У нас уже около 20 офицеров написали рапорт на увольнение. Но сам рапорт не пройдет, значит, нужно дискредитировать. Вот и приходится нельзяющим несколько раз выпить, а ранее добросовестным — не выходить на службу. Что интересно, рапорты в основном написали старшие лейтенанты, капитаны-лейтенанты, даже капитан 3 ранга. Лейтенанты пока не пишут, надеются на изменения. Многие ждут закона об обороне. Говорят, в нем будет статья, согласно которой можно будет подавать в отставку после пяти лет службы. Если такой статьи не будет, то года через два-три придется себя дискредитировать, хотя в настоящее время даже пива не употребляю.

Что касается демократии, то как только началась перестройка, военные политики сразу перестроились и дали свое определение демократии в армии и на флоте. Демократия — это соблюдение уставов и законов, выполнение приказов, беспрекословное подчинение командирам и начальникам, строгое выполнение своих обязанностей и т. д. Я же понимаю это по-другому: демократия — это когда нарушаются права военнослужащего, то он может заявить командиру, что тот нарушает законность. Но, увы, по уставу это называется пререкание и обсуждение приказов командиров, что запрещено.

Я за вольнонаемную армию. Сейчас даже офицеры не хотят служить, что уж говорить про матросов. А вот если установить четко оговоренные права и обязанности и подкрепить все это соответствующей зарплатой — тогда и спрашивать можно: провинился — минус столько-то рублей, отличился — плюс столько-то. А офицерам и мичманам ввести почасовую оплату. Это должно привести к соблюдению установленной законом продолжительности рабочей недели.

Лейтенант В. ТКАЧ,
Ленинград

Как же надо вывернуться, до какой степени изошариться в желании опорочить все и вся, чтобы под прикрытием ряда справедливых фактов и упреков протащить идею: для молодого человека служба в армии не нужна и даже вредна. Исподволь читатель подводится к мысли: или армию сделать наемной — уделом тупиц и неинтеллектуалов, или изменить порядки — строем неходить, командиров не слушать, а что касается приказов — какие приказы в условиях демократии?! Договорились дальше некуда!

Надо воспитывать мужчин, чувствующих, что за спиной — твоя страна и ее надо быть готовым защитить, а сделать это можно, только прослужив в армии.

А Кононов и другие «разоруженцы» добиваются, чтобы мы воспитывали мыслящих, интеллектуальных фиалок, тепличных мальчиков, готовых не к трудностям, а к сплошным удовольствиям.

Дожили мы и до того, что наши кандидаты в народные депутаты (теперь уже депутаты) выступают с откровенно пацифистскими позициями. А обывателю это нравится. Обывателю скажи, что армия совсем не нужна — ему и это понравится. Что это — политическая наивность? Думаем, что-то другое.

Пусть военные скажут, что выгоднее стране: наемная армия или всеобщая воинская повинность.

С. КАВЕРИН, А. ГАГАРИН,
г. Городище

Итак, какой будет армия? Желание изменить ее было всегда присуще молодым солдатам и офицерам. Не у всех этот залап пропадает с годами, но подавляющее большинство, продвигаясь по службе в условиях косности и рутин, превращаются потихоньку из реформаторов в консерваторов. Молодой солдат стал «дедом», лейтенант — генералом. Они доволны своим положением и решительно не хотят ничего менять, проявляя известное неудовольствие при любых попытках ущемить их амбиции. Это они поучают нас с высоких трибун, что наемная армия — абсурд. Они боятся неизбежного в новых условиях экзамена на профессионализм и всеми силами доказывают рутинность прогрессивных начал и прогрессивность своей рутини.

Не мне с моим средним образованием считать, во что обходится обучение людей, которые через два года уходят из армии. Но не нужно большого ума, чтобы понять, сколько миллиардов рублей вылетает в стволы автоматов и пушек, в дымный шлейф ракет и самолетов во время грандиозных учений. Я не против учений, но чтобы быть профессионалом, нужно учиться всю жизнь, поддерживая «спортивную форму».

Огромное количество земли и природных ресурсов не используется из-за воинских частей и гарнизонов, пограничные зоны имеют тенденцию к росту, с развитием техники растут запретные зоны. Офицеры глухих гарнизонов, пользуясь отсутствием населения и природоохранных органов, занимаются браконьерством. Земли в ведомствах ВС калечатся и загрязняются, а контроля за этим нет — все секретно.

Тысячу раз прав автор «У матросов есть вопросы», говоря о воспитании в армии. Если человек совершает дисциплинарный проступок, то это списывается на школу и семью; если он стал Героем Советского Союза, то это заслуга армии. Рутинеры отгораживаются от нас щитом имен наших лучших граждан и патриотов, а сами почивают на их лаврах. Воспитывать молодежь —

Письма, полученные после публикации материала «У матросов есть вопросы» в пятом номере «Смены», свидетельствуют, что наш призыв к военным не остался без ответа; это радует. Радует и другое: читатели не стали заниматься разбором статьи по принципу «нравится — не нравится», а восприняли ее, как повод для серьезного разговора о настоящем и будущем армии.

Мы публикujemy лишь небольшую часть откликов как свидетельство нашей готовности продолжить этот разговор. А каким он будет, зависит от вас.

А что если вместо одного представителя из несурзано раздруного политаппарата ввести в штат подразделения юриста, который бы не подчинялся командиру этого подразделения и в то же время курировал его? Ведь сколько бы спорных вопросов можно было решить в рамках части, не посыпая рапорта по долгим инстанциям. Не секрет, что обязанности свои мы знаем хорошо, а вот права...

Офицер А. МИХАЙЛОВ

Годы застоя привели к снижению авторитета политорганов. Иного и быть не могло: слишком долго мы называли белое черным и наоборот, слишком рьяно конспектировали «Малую землю», кричали об успехах, которых не было, слишком рьяно фарисействовали на глазах у подчиненных. А люди видели в жизни совсем другое: взяточничество, развал экономики, коррупцию, протекционизм... Восстановливать утраченное доверие чрезвычайно сложно.

Мы даже не заметили, что главной функцией парторганизаций стало привлечение коммунистов к партийной ответственности. Мы перестали давать людям право на ошибку. Стоит коммунисту, в первую очередь офицеру, чуть оступиться, как перед ним возникает неизбежность сурового приговора. С беспощадностью «красной гильотины» мы рубим судьбы людей. Почему? Да лишь потому, что надо дождаться о принятых мерах. Матрос Иванов совершил «самоволку». А кто у него не подследственный начальник? Коммунист? И не привлечен к партийной ответственности? Срочно принять меры! На парткомиссию его!

А если на корабле «неуставные», то уж достанется всем — от командира боевой части до командира корабля. Всем, кроме самого нарушителя. Ему достанутся 5 суток ареста да выговор по комсомольской линии. А выговор он переживает не расстраиваясь: обычно те, кто издевается над сослуживцами, к комсомолу глубоко безразличны.

Офицер же, имеющий партийный «фильтр», практически потерян для карьеры. Он недостоин очередного звания, не рассматривается среди кандидатов на служебное повышение, не имеет возможности поступить в академию, учиться на классах. О какой близости к матросу тут можно говорить? Разве можно привить такую близость, заставляя офицера спать в одном кубрике с подчиненными?

А создание пресловутых «телефонов доверия», по которым любой моряк может позвонить в политотдел и, не называя фамилии, доложить о недостатках в части, на корабле? Не формируем ли мы целое поколение анонимщиков? Зато политорганы могут смело сказать, что, мол, идем в ногу с перестройкой и демократизацией.

Капитан 3 ранга А. РИСКИН,
политработник, Рига

Один критик спросил на пресс-конференции автора документального фильма «Казенная дорога» Виктора Семенюка: «Такой красноречивый пейзаж за окном поезда — хибары, хибары... переходящие в кладбище. Специально искали? Или монтаж?..»

Виктор Семенюк неприязненно оглядел журналистов и проворчал:

— Я бы понял, если бы такие вопросы задавал иностранец. Но вы что, не знаете, КАКАЯ у нас страна? «Казенная дорога» действительно о стране. Сюжет: едет поезд, откровенные разговоры попутчиков о жизни, а за окном — безлюдный и безжизненный пейзаж с индустриальными дымами и пустошами, сортирами и погостами. А под занавес — стоячка стрелочника, и на плитке кипит-надрывается чайник, свистят паром, паром, паром...

Единственный запомнившийся мне из прежних времен документалистики — фильм блистательного Феликса Соболева «Все твои сыновья» был снят лет двадцать назад. Следующий, так сказать, «эстетический шок» в этой области был испытан только через семнадцать лет: «Легко ли быть молодым?» Подниекса. И тот, и другой были верстовыми столбами в истории правдивого документального кино. Фильм Подниекса смотрели, по-моему, все. Фильмы Соболева помнят сегодня, видимо, лишь специалисты, хотя Феликс Михайлович — классик советского неигрового кино. Он не дожил до звездного часа документалистики. Он работал в те годы, когда этому кино не верили. «Документальный фильм» читался советским зрителем как «кино журнал» перед художественной картиной, в нагрузку к ней. В те тягучие годы, когда преобладал жанр «доски почета», прекрасных, честных, умных фильмов Соболева, затерявшихся в потоке сертины, никто не смотрел.

Похоже, за всю историю советского искусства ни одно из его направлений не совершало такого феноменального качественного скачка, как документальное кино. Но и до сих пор это зрительское, заряженное информацией искусство, активно обращенное к залу, развивается как в колбе, отгороженное от зрителя шлагбаумом кинопроката и приоткрывшееся цензуры.

Случайно ли многие фильмы, представленные на международном фестивале неигрового кино в Ленинграде, прибыли сюда без разрешительного удостоверения? Включая и тот, что получил здесь золотой приз. До фестиваля зрители их не видели, и я не поручусь, что увидят после.

«Ми-кро-фон!» Георгия Шкляревского задержала межведомственная комиссия министерств и комитетов, связанных с использованием атомной энергии.

«Театр времен перестройки и гласности» Аркадия Рудермана с подачи партийного руководства республики «арестовала» дирекция «Беларусьфильма».

«Встречному иску» того же Рудермана и Юрия Хашеватского ставились барьеры от ЦК КПБ до ЦТ.

И так далее.

Вырисовывается интересная закономерность не просто связи документального кино с жизнью, но и их обратной связи.

Международный фестиваль в Ленинграде во многом прояснил ситуацию в нашем документальном кинематографе. Ситуацию, которая мешала сравнивать кинематографы разных стран как явления, у которых разные задачи.

С одной стороны, та же «Казенная дорога», «Ми-кро-фон!», «Встречный иску», «Черный квадрат»... С другой —

виртуозный с точки зрения кинематографической выразительности фильм американского режиссера Годфри Реджио «Колдовство жизни». Немыслимым для нашей кинотехники живописным языком камера пишет как бы трактат, а может быть, притчу о развитии человечества. Путь из простейшей стихии воды и глины, путь по виткам спирали к высшей общности: городу. К потере земли, к потере себя, к сотам, к толпе, размятой собственными ногами, уходящей вновь в глину, в загадочную стихию воды...

Этот шедевр мог бы установить критерии для всего неигрового кино. Определить систему координат кино и жизни. Так оно вроде бы и было. Но наши фильмы вываливались из этой системы. Страна — не малый масштаб мира, не человечество в миниатюре. Страна — не проще и не сложнее. Это просто другое. Ну, скажем, как Библия и железная дорога. Американские документалисты читают Библию. У наших руки не доходят: строят железную дорогу. Мы не умеем наслаждаться, заметил Юрий Хашеватский (и пояснил: вот я начну смаковать рюмку коньяку, а потом не выдержу — и, хоп, залпом...). Так и в кино. Нам никогда, нет терпения смаковать природу и фактуру материала. Мы — хоп, залпом проблему — жадно, со всей злостью и яростью вынужденных abstинентов, дорвавшихся до правды.

Тарковский говорит в фильме «Андрей Тарковский»: «Кино — это мозаика из времени. Это зафиксированное время». Энергия нашего времени часто уходит в свист и пар, который силен, но пока не одолевает тяжелые дымы, все еще заволакивающие наш горизонт сернистым ангидридом и демагогией. И, однако, это удивительно, до чего тесно сплита наша жизнь с искусством и до чего непосредственны, прямо физиологичны процессы их влияния друг на друга. В этом смысле документальное кино как бы натуральная, природная часть жизни. Оно переполнено бытием и временем. Наши фильмы, как локаторы, улавливают энергию времени. Представляете, какая взрывная сила скопилась в этом реакторе? Не потому ли о советском «журналистском» кино профессионалы говорят сегодня как о лучшем в мире?

...Режиссер Центрального телевидения Галина Хавраева была единственной женщиной, работавшей в зоне разъянутого реактора Чернобыльской АЭС после катастрофы. Она отсняла уникальный материал и привезла его в Главную редакцию пропаганды ЦТ. Где ей было сделано интересное предложение... купить у нее съемку с тем, чтобы она отказалась от авторства в пользу другого режиссера — а именно главного режиссера Главной редакции пропаганды Станислава Белянина. Который в отличие от нее если и облучался, то только от лучевой трубы телевизора в Останкино. Галина отказалась. После чего ей позволили один раз выйти с чернобыльской передачей в эфир и затем, без лишних разговоров с автором пленку... размагнистили. (Об этом она рассказывает в фильме «Гонг», снятом на Ростовской студии кинохроники.)

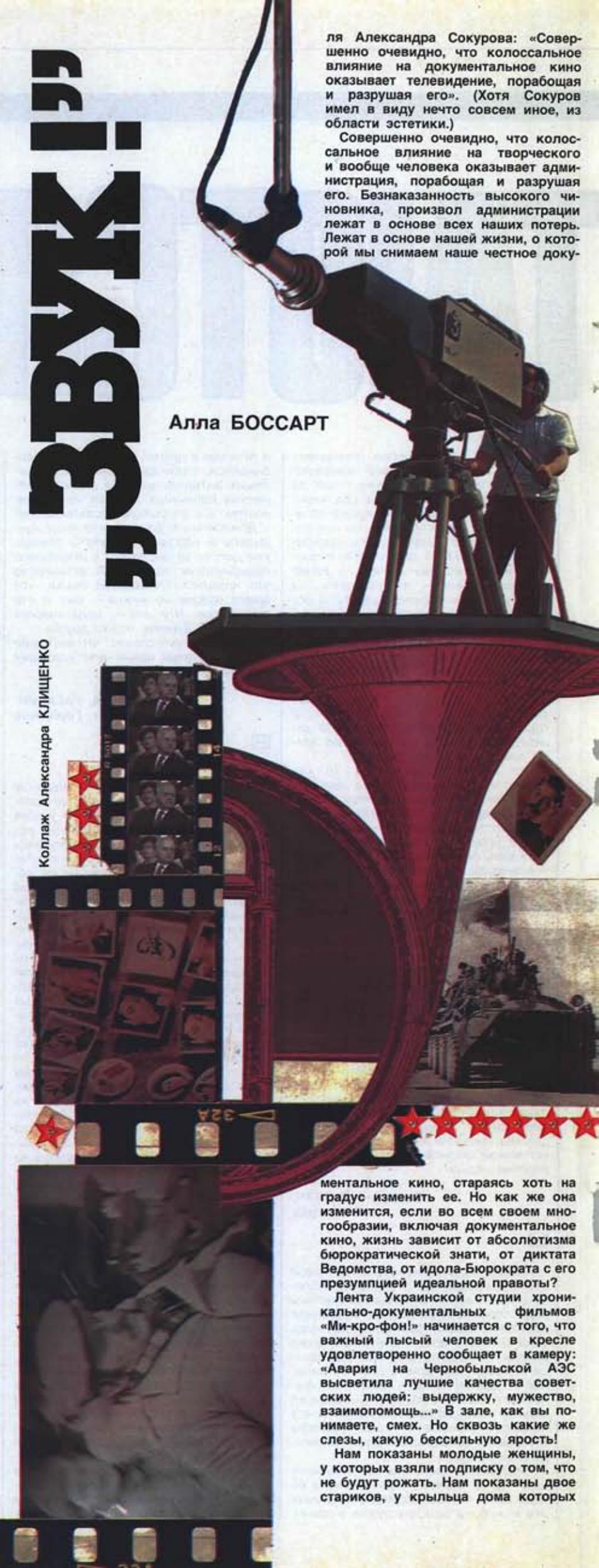
Галину Хавраеву, тяжело заболевшую, перевели из режиссеров в ассистенты. Ее коллеги молчат, опасаясь «репрессий». Станислав Беляников принимает активное участие в работе Всесоюзной комиссии телевидения Союза кинематографистов, которая запрещает «Гонг» Виктора Чепурина.

Неожиданно буквальный смысл обрели слова члена жюри фестива-

ля Александра Сокурова: «Совершенно очевидно, что колоссальное влияние на документальное кино оказывает телевидение, порабощая и разрушая его». (Хотя Сокуров имел в виду нечто совсем иное, из области эстетики.)

Совершенно очевидно, что колоссальное влияние на творческого и вообще человека оказывает администрация, порабощая и разрушая его. Безнаказанность высокого чиновника, произвол администрации лежат в основе всех наших потерь. Лежат в основе нашей жизни, о которой мы снимаем наше честное доку-

Алла БОССАРТ

Коллаж Александра Клищенко

ментальное кино, стараясь хоть на градус изменить ее. Но как же она изменится, если во всем своем многообразии, включая документальное кино, жизнь зависит от абсолютизма бюрократической знати, от диктата Ведомства, от идола-Бюрократа с его презумпцией идеальной правоты?

Лента Украинской студии хроникально-документальных фильмов «Ми-кро-фон!» начинается с того, что важный лысый человек в кресле уверенно сообщает в камеру: «Авария на Чернобыльской АЭС выяснила лучшие качества советских людей: выдержку, мужество, взаимопомощь...» В зале, как вы понимаете, смех. Но сквозь какие же слезы, какую бессильную ярость!

Нам показаны молодые женщины, у которых взяли подписку о том, что не будут рожать. Нам показаны двое стариков, у крыльца дома которых

ходит с дозиметром человек и сообщает: «2600 микрорентген...» Нам показана медсестра, она, плача, рассказывает о больных детях, о том, как растут раковые заболевания и смертность в районе. Нам показан одноглазый поросенок-мутант.

Народический район Житомирской области. 50 метров от заграждения, что отделяет село от так называемой стокилометровой зоны. Здесь, «как на острове», живут люди в ста километрах от места взрыва, подвергаясь постоянному воздействию радиации. Среди десятков сел района есть четыре, где никто не живет: там счетчик зашкаливает. А здесь, где Георгий Шкляревский с оператором Ниной Степаненко, как стalkerы, снимали свой фильм, живут. Живут, демонстрируя «лучшие качества советских людей». Живут, потому что медики, республиканские и областные власти, ведомственные начальники считают: радиация в районе «в пределах допустимой нормы». 98 процентов леса использовать нельзя. Поля заражены. Местный скот государство не принимает. Пить местное молоко запрещено. Золу рекомендовано выносить и закапывать. А вода? А почва? А печки в домах, ставшие маленьками реакторами? Радиоактивные дрова предлагают... мыть. В остальном — в пределах допустимой нормы?

Допустимый — ком?

— Для того, чтобы картина вышла, мы должны обращаться в Министерство среднего машиностроения с низкой просьбой разрешить киностудии выпуск фильма на экран. А завтра кому-нибудь в Гидромете придет в голову все, что по их части, пропускать через свои кабинеты. Где гарантия, что художник будет как-то защищен?

Шкляревский — режиссер. Он хочет, может и должен снимать фильмы. Вместо этого он неделями ходит по киевским и московским кабинетам, по министерским коврам, стучится во все двери и кричит, глотая валидол: «Чего вы боитесь?»

Фильм не раскрывает государственных тайн. Но, с точки зрения чиновников, производит более тяжкое разрушение: ломает их покой, их священное благодущие.

— Наука совершенно неспособна противопоставить этой ситуации хоть что-нибудь, — считает Шкляревский. — Значит, не будем об этом говорить? А простым людям безразлично, что думает по этому поводу наука. Они видят своих хиреющих детей. Когда врач в резиновом фартуке осматривает их детей и говорит: «Это диатез, это возрастное», — они ему не верят, и правильно делают. Только в этом районе проживает тысячи тридцать. А другие районы? А Могилевская, Гомельская области? Мы не знаем, что там. Официальные цифры смертности спокойные. Но существуют опосредованные способы получения информации. Я прихожу на кладбище и спрашиваю: ну, как у вас, мужики? И мужики мне говорят, как.

— Власти лгут народу! — кричат ораторы на митинге, посвященном Чернобылю. Но отключается радиофикация, и голос не долетает до толпы. «Микрофон!» — кричат с площади. «Ми-кро-фон! Ми-кро-фон!» — колоколом качается над белой, зараженной землей...

..А в просмотровом зале фестиваля, словно в сельском клубе, зрители гневно вскричали: «Звук!»

— Звук! — восхлинула в отчаянии и я, потому что уж так мне нравился фильм, такой шел в нем смачный текст и таких людей ловила камера, что прямо до слез раздосадовала затянувшаяся техническая наладка. Надо же, экран онемел именно в тот момент, когда на собрании общества «Мемориал» поднялся Евтушенко и, живописно поведя рукой, открыл рот... Звук! Нет, весь эпизод

прошел в тишине. Закончился — и техника благополучно заговорила.

Несмотря на помеху, «Встречный искал» Рудермана и Хащеватского получил, как известно, главный приз фестиваля — «Золотой кентавр». И тут выяснилось, что требования звука на сеансе следовало адресовать вовсе не киномеханику. Прямо смех и зло берет. Ну вырезайте — так вырезайте в конце-то концов незаметно, а не так, чтобы вся кинематографическая общественность мира всполна, как на собачьей площадке: «Voice!» — «Голос!»

Аркадий Рудерман — остроумный человек. Они с Юрием Хащеватским оба такие, знаете ли, сатирического склада люди и режиссеры (недаром при им вручался с формулировкой «за мужество, страсть и чувство юмора»). Но какова корректность!

— Нам очень жалко, что часть фильма выпала, — сказал на пресс-конференции Рудерман. — Но я себя успокоил таким объяснением: процесс расширения гласности в нашей стране небеспрерывный, в нем иногда происходят паузы. Таким образом, наш фильм не только своим содержанием, но и формой отражает перестройку.

Из зала же, как всегда, кричат: «Давай подробности!» — но Рудерман не разглашает секрета Полишина:

— Речь в эпизоде идет о телеграмме крупнейшего русского писателя, лет десять назад высланного из страны за свои произведения, разоблачающие сталинский режим. Евтушенко говорит о своей точке зрения на эту телеграмму и о своей позиции в отношении этого писателя.

Трудно не согласиться с режиссером Линой Чаплиной, живущей в эмиграции, что стадо наших священных коров стремительно уменьшается, но «пастухов» еще достаточно... Сегодня все, что не запрещено, разрешено. Однако «пастухи» ну ни в какую не хотят расставаться с кнутами ветхих инструкций тех еще времен.

В событийном центре «Встречного иска» — минская «Вандея», разгон демонстрации, посвященной памяти жертв сталинских репрессий. В сценарии этого не было. Как не было и многое из того, что вломилось в фильм как бы помимо воли авторов, под напором самой жизни. У ряда художников — не у всех — есть такой орган, который подчиняет себе всю их работу, все творчество. Он мощнее воли, и сам, в соответствии со своими потребностями определяет подбор фактов, персонажей и концепции. Этот орган называется честность. Такими художниками являются Рудерман, Хащеватский, сценарист Ирина Ефремова.

Такими художниками, стalkerами, идущими в зону, являются Алексей Адамович, Василь Быков; молодые белорусские журналисты, вставшие в оппозицию к республиканской газете; минские телережиссеры и редакторы, вставшие в оппозицию к Белорусскому телевидению; минские кинолюбители, чьи видеокамеры разбивали милиция на митинге в Курапатах, но видеозаписи сохранились и вошли в фильм; и тысячи жителей Белоруссии, пришедшие и приехавшие в Курапаты, чтобы поклониться костям мучеников — и отведавшие там слезоточивого газа.

Нет, этот фильм не «местного значения». Это действительно самый громкий фильм фестиваля, несмотря на попытку убрать звук. Потому что рассказывает он о самой страшной угрозе сегодняшнему миру, не имеющей национальности и возраста, растворенной в мире, но способной сконцентрироваться в благоприятном климате, обретя страшную убойную силу. Эта угроза — серость. Человеческая серость, уничтожающая на своем пути все, когда приходит к власти. Все, что вырывается из под знаменателя серости. Все, что

благороднее, умнее, ярче, талантливее, чем она сама. Потому что нельзя управлять тем, что лучше тебя, сильнее тебя. В разные времена эта угроза носила разные имена. Инквизиция, фашизм, культ личности, красный террор, белый террор. Сталин, Гитлер, Пиночет, Калигула. Ванда, коллегализация, еврейские погромы, Варфоломеевская ночь... Истребление чужого, непонятного, несогласного. В основе всегда лежало один только серый террор.

Силы, ученившие побоище в Курапатах; силы, предъявившие иск в защиту Сталина; силы, грабящие людей и землю вокруг Чернобыля; силы, вычеркивающие из энциклопедии Шагала, — эти же самые, не такие же, а те же силы встают на пути фильмов с ножницами и арестными кисивами. Кино равно времени плюс места.

Центральное телевидение и тут, между прочим, отличилось. От заказанной белорусским кинематографистам работы Гостелерадио поспешило открыться — уход, дескать, от темы. Но замечательно отличилась и Ленинградская студия документальных фильмов, взявшая на себя чужое дитя. Вы помните, как однажды не вышел в эфир очередной выпуск «Пятого колеса»? Это Ленинградское телевидение испытывало синдром «священной коровы» и — как бы чего не вышло — придержало сюжет о Рудермане, ЛСДФ и «Встречном иске». А остальные участники передачи в знак протesta отказались обеспечивать свои сюжеты. Дополним белорусский «список чести» ленинградцами. В конце концов замечательной ленте дали эфир. И — не забудем! — в те дни, когда она «не была еще защищена «Золотым кентавром».

Может быть, теперь мы увидим и «Театр времен перестройки и гласности»? Ленинградское телевидение не побоялось, показало. Несмотря на то, что директор киностудии «Беларусьфильм» Горбачев личным приказом запретил еретическую картину Рудермана о белорусских «энциклопедистах», под водительством великорусского деятеля Бегуна развязавших войну с витебским художником Марком Шагалом. «Вы позорите нашу перестроечную фамилию!» — в сердцах сказал по этому поводу директору студии один из секретарей Союза кинематографистов. Аркадий Рудерман не мог дать нам срезки с плёнки «Театра...» для иллюстрации материала: когда он приехал с фестиваля, его шкаф на студии был пуст — коробки с лентой «Конфисковали». Поздравление с победой Хащеватского и Рудермана на фестивале директор с перестроечной фамилией вывесить запретил...

Сейчас советское документальное кино не просто авторитетнейшее в мире. Это единственный в мире неигровой кинематограф, который существует как самостоятельное искусство. Нигде в мире он не является такой массовости и разнообразия форм, а также и такого резонанса.

Кинопублистика на Западе — в большой мере отработанная жила, ее роль передана телевидению, телерепортажу. (Может быть, поэтому многие зарубежные фильмы на фестивале, даже из бесспорно лучших американской программы, показались нам плосковатыми, слишком уж «незатейливыми».) Советская же кинопублистика переживает сейчас пору, как выразился один критик, «эйфории голой правды». Расцвет и упоение правдой.

И вот феномен из области «нет худа без добра». Многие годы, когда обнаженная правда была тем, чем сейчас еще остается обнаженное тело — неким неприличием и аморальностью, художники пускались на хитрости, изобретая метафоры. «Советский режиссер был вынужден компенсировать отсутствие реальной жизни в кино некими поэтическими

приемами...» — не без nostalгии вспоминала Лина Чаплина. И закончила фразу неожиданно: «...это выработало интереснейший киноязык, уникальный по своему богатству и образности».

Нынче можно обойтись без Эзопа. Но наша привычка к образу и метафоре стала нашей натурой. Стала ведущей эстетикой советского кино, наследуя, пожалуй, не только из старых времен, но и от русской литературы... Плохо ли это? Хорошо ли? Не знаю, мне нравится.

В американском фильме «Девушки» Кейт Дэвис один щемящий эпизод полудетского стриптиза, очень тонко снятый знаменитым Ричардом Ликом, на пять минут сменившим режиссерское амплуа на операторское, говорит о поруганной бестолковой судьбе несчастных девчонок больше, чем восемь частей подробного репортажного интервью.

Саулюс Бержинис назвал свою картину «Кирпичный флаг». Это фильм о литовском солдате Артурасе Сакалаускасе, который расстрелял семерых ребят из старослужащих, не выдержав их издевательств. Это фильм о дедовщине в армии и — в стране. Это фильм о той самой личной свободе и человеческом достоинстве. Это фильм о нашей казенной дороге. И о том, как сказал Бержинис, режиссер из Литвы, к чему приводит подмена настоящего знамени кирпичным. Оно построено перед казармой, где жили ребята. С него начинается фильм. Мы все вместе семьдесят лет строили его, а теперь все вместе ломаем. «Если мы проиграем битву за Сакалаускаса — мы проиграем битву за целое поколение нашей молодежи», — сказал кто-то на дискуссии. Я бы сказала короче: если мы проиграем битву за Сакалаускаса — мы проиграем битву.

...в шведском фильме Андрей Тарковский так говорит:

— Одни режиссеры видят мир, в котором живут, и отражают этот мир. Другие режиссеры создают свой собственный мир. В них прорезается поэт. Это Довженко, Бергман, Бунюэль, Курсава и все наиболее крупные имена в современном кино. Именно поэтому им так трудно прокатывать свои картины. Эти режиссеры всегда сопротивляются тотальному воздействию вкусов зрителя.

Ленинградский фестиваль назвали «Послание к человеку». На нем вручились призы «за человечность», «за единство знаний и духовности», «за милосердие», «за фильм, повествующий о добре и порождающий его в зрителе», «за умение любить и помнить»... Ибо поэтическая образность неигрового кино активна. Ибо активность неигрового кино человечна. Именно поэтому так трудно прокатывать лучшие картины. Их авторы-стalkerы тоже пытаются создать свой мир, сопротивляясь тотальному воздействию существующего.

...Мне позвонил из Киева Георгий Шкляревский и продиктовал один документ:

«Государственный комитет по использованию атомной энергии СССР — Председателю Госкино СССР А. И. Камшалову, Директору Укркинохронику Е. С. Шаботенко. От 1.2.89 № ДЦ 142.

Комиссия экспертов по Чернобылю, просмотрев документальный фильм «Ми-кро-фон!», считает возможным разрешить открытую демонстрацию этого фильма.

В то же время комиссия считает необходимым отметить, что тенденциозный и однобокий подбор фактов, многие из которых, по мнению специалистов, сомнительны с политической точки зрения, может нанести вред Советскому государству.

Председатель группы экспертов заместитель министра среднего машиностроения П. М. Верховых. Исполнитель: Еремеев П. И.

Первые страницы Дела о пропавшей переписи посвящены Валериану Валериановичу Осинскому. Выходец из дворян, в партию большевиков он вступил в 1907 году. Уже тогда двадцатилетний революционер выделялся глубокой эрудицией. После победы Октябрьской революции Осинский — управляющий государственным банком, затем — председатель Всероссийского совета народного хозяйства. В 1921—1923 годах — замнаркома земледелия. В конце двадцатых — начале тридцатых — член президиума Госплана СССР, начальник Центрального статистического управления, позднее — Центрального управления народнохозяйственного учета.

В качестве первого председателя Автодора Осинский в 1925 году посетил по приглашению Генри Форда старшего Америку. Форд применял систему Тейлора в области организации труда; Осинскому он предоставил возможность ознакомиться со своим огромным делом. В знак особого расположения миллиардер проводил Осинского, выехал с ним на автомобиле прямо на борт отходящего судна и оставил машину в подарок. Валериан Валерианович разъезжал потом на своем «форде» по улицам Москвы.

При Осинском автообъединение расцвело, началось строительство первых автомобильных заводов.

Доклад Осинского во Втором Доме советов «Америка или Европа? По какому пути следовать, чтобы догнать и перегнать» привлек много слушателей. Валериан Валерианович считал, что советской промышленности ближе европейский путь развития. К этому выводу он пришел после поездки по странам Европы, на обратном пути из США. Осинский ставил в пример экономику Чехословакии.

После одного выступления печати, в котором были приведены убийственные цифровые выкладки по животноводству, редактор «Правды» Мехлис обрушился на Осинского с обвинениями... во вредительстве. Шел 1933 год.

Для начала Сталин приказал арестовать сына Осинского Дмитрия. В тридцать седьмом арестовал самого. В сорок первом Валериан Валерианович находился в Орловской тюрьме. Перед сдачей города немцам его расстреляли в тюремном дворе вместе с другими узниками.

Еще одна жертва неосторожной статистики — организатор Компартии Казахстана Т. Р. Рыскулов. Одно время он работал заместителем председателя Совнаркома СССР А. Рыкова. Обследовав положение в Казахстане, Рыскулов составил для ЦК официальный доклад.

Коллективизация казахов стала подлинной трагедией кочевого народа. Обобществляли не только всех овец и лошадей, но и сторожевых собак. Не желая отдавать свое добро, казахи забивали овец и поедали мясо. Многие умерли от переедания. Потом, когда нечего стало есть, начался голод, не менее жестокий, чем на Украине. К своему совершенно секретному докладу Рыскулов приложил фотографии-свидетельства случаев людоедства.

Вот заключительное сообщение Рыскурова: «Казахстан вступил в коллективизацию сельского хозяйства с населением около 10 миллионов человек, а закончил с населением 8 миллионов».

В тридцать седьмом Великий Коллек-

тивизатор припомнил Рыскулову его статистические выкладки.

Пришла пора пристально приглядеться к статистике вообще и впрямь ее в свою колесницу. Важным козырем в затяжной генсеком политической игре должна была стать Всесоюзная перепись населения.

Первая перепись была проведена в 1920 году. Вторая — в 1926-м. Она дала итоговую цифру — 148,8 миллиона человек. Демографы рассчитали коэффициент естественного ежегодного прироста населения в 2,3 процента, причем на долю сельских жителей (тогда преобладали они) пришлось 2,7—2,8 процента, на долю городских — 1,7—1,8.

Эти выкладки дали повод Л. Б. Красину с гордостью заявить Ллойд Джорджу, а затем и французскому дипломату Демонзи о возрастающих темпах прироста населения государства рабочих и крестьян. Иностранные могли бы сообщить Красину, что, по данным мировой статистики, в Дании и Голландии естественный прирост населения составляет свыше трех процентов...

В январе 1937 года в СССР была проведена третья Всесоюзная перепись населения. Stalin возлагал на нее большие надежды. Перепись должна была продемонстрировать всему миру достижения страны социализма. Прирост населения за одиннадцать лет, прошедших с 1926 года, мог составить около 37,6 миллиона.

Однако перепись дала ошеломляющие результаты: всего 156 миллионов. Следовательно, общий прирост составляет лишь 7,2 миллиона. Сколько смертей пришлось на тюрьмы и лагеря, сколько на голод — установить невозможно.

Объявлять результаты? Не лучше ли объявить перепись 1937 года вредительской? Именно так и поступил Stalin. 26 сентября «Правда» опубликовала сообщение Совета Народных Комиссаров. Из него следовало, что в ходе переписи населения имели место «грубейшие нарушения элементарных основ статистической науки». На этом основании правительство объявило Всесоюзную перепись неудовлетворительной.

Данные переписи были немедленно изъяты и уничтожены. Правда, кое- какие цифры остались в головах руководителей статистической службы.

...Первой слепетела с плеч голова начальника ЦСУ Ивана Адамовича Краваля. Он был близок Дзержинскому, заведовал при жизни Феликса Эдмундовича отделом труда и зарплаты Главного экономического управления ВСНХ. В свое время Краваль окончил Институт красной профессуры, считался учеником «школы Бухарина». Когда пришла пора проклинать Бухарина, вынужден был проклинать вместе со всеми...

С Кравалем исчезли его замы. Впрочем, один уцелел — Александр Степанович Попов. Почему-то, повременив с арестом, послал в Ярославль, на родину Попова, специальную комиссию: не «чуждого» ли он происхождения?

Начальник бюро Всесоюзной переписи А. Квиткин считался лучшим демографом России. Он был примечен: волосы до плеч, вечная папироса во рту. Шагая по коридорам ЦСУ, беседовал с сотрудниками на ходу. Аристарха Квиткина схватили сразу же по получении крамольных данных переписи.

Среди арестованных был секретарь парторганизации ЦСУ Иван Николаевич Балашов. Но ему удивительно «повезло»: его не расстреляли, как прочих, а отправили в истребительные лагеря. Узникам Бутырской тюрьмы запомнилась коренастая фигура, открытый взгляд этого очень простого русского человека...

...1955 год. Балашов жив. Он пережил Сталина. По случаю пересмотра дел репрессированных работников ЦСУ в Прокуратуре СССР пригласили одного случайно уцелевшего статистика Давида Яковлевича Бозина. Ему довелось ознакомиться с делом И. Н. Балашова. Военная коллегия только что установила его полную невиновность... Бозин просматривает последние листы огромного тома. Вот еще один документ, венчающий «дело», — справка о расстреле Балашова.

Его убили за неделю до реабилитации. Кому-то он мог помешать, живой.

Итак, переписи 1937 года не было. Но жить вовсе без переписи населения как-то неуютно. Да и перед Европой неудобно. Генсек назначил новую перепись на 1939 год. И она дала то, что нужно: число подданных оказалось равным 170 миллионам. «Прирост» за два года — 14 миллионов.

Если вспомнить, какие это были годы, 1937—1938-й, какие урожайные на смерть, то произошло чудо. Однако при сравнении с результатами переписи 1926 года чудо сразу поблекло. 21,2 миллиона прироста за 13 лет — не густо... Это всего 9 процентов от общего прироста населения вместо ожидаемых — и естественных! — 29 процентов.

Под каким нажимом, с применением каких «поправочных коэффициентов» получена эта утешительная цифра — 170 миллионов, как удалось «причесать» непослушную статистику, мог бы рассказать Владимир Николаевич Страворский, новый начальник ЦСУ. Статистические манипуляции принесли ему в свое время звание Героя Социалистического Труда и члена-корреспондента Академии наук...

«Кто заказывает музыку, тот и платит».

Stalin мог быть доволен. Кого надо, уже убрали. Никто ничего о переписи тридцать седьмого не знает. Но нет покоя в ночном кабинете «кремлевского горца»: вот товарищи сказали, за границей какие-то статистические ежегодники издают, целые институты работают, состояние дел в моей стране изучают! Мало им своих империалистических забот!.. Но цифры-то, цифры не с потолка берут.

Да... Статистику требует неусыпного надзора. И посадил Stalin статистику под замок.

А как же все-таки быть с людьми? Маловато стало строителей. С кем пятилетки выполнять? Преднархтания без исполнителей так и останутся преднархтаниями. Пусть даже величественными, нет — пусть и то и другое.

Можно, конечно, прекратить аресты, остановить голод, вернуть землю тем, кто ее обрабатывает. Но это будет капитуляция перед частносоветническими элементами. Позор капиталистического энха не повторится. Партия Ленина — Сталина никогда не изменят принципам сталинского социализма.

И тут Вождя осенило. А что, если

попробовать увеличить рождаемость детей? Ведь так просто. И, как всегда, гениально. Да, но каким образом осуществить эту действительно гениальную идею? Не поднимать же в самом деле благосостояние народа... Хватит с него того, что мы на каждом съезде партии объявляем о дальнейшем росте всех благ. Пожелаем ему всех благ и продолжим наши размышления. Пожалуй, лучше всего запретить что-нибудь. Но что именно?

И Мудрейший запретил аборты.

Но рождаемость не увеличилась. Увеличилось число арестантов за счет гинекологов и самодеятельных «докторов», преступивших новый закон. Увеличилось число больных женщин. Точного подсчета потеря помешала война. Но это уже новые потери и новые статистические игры.

Статистика не ведает точного числа загубленных в тюрьмах и лагерях. На Лубянке после смерти Сталина уничтожили все бумаги казненных. Одни пустые папки с фамилиями подследственных остались. В лагерях ямы с миллионами трупов засекретили, зоны перекопали. А сколько кладбищ по городам и весям с землей сорвали?

И в двадцатые годы тюрьмы не, пустовали. Но число заключенных пока еще не превышало числа арестованных в царское время.

Среднесуточное количество заключенных: 1905 год — 85 000; 1906 год — 111 000; 1907 год — 138 000; 1908 год — 171 000; 1909 год — 175 000; 1910 год — 168 000; 1911 год — 175 000; 1912 год — 183 000; 1923 год — 65 000; 1924 год — 86 000; 1925 год — 98 000; 1926 год — 104 000; 1927 год — 122 000.

Мы не располагаем данными за последующие годы. Зато известна численность населения тюрем и истребительных лагерей в год большой волны — тридцать восьмом — ШЕСТНАДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ¹.

В период полицейской реакции — во всех учебниках ее называли «кровавой», «страшной» — последовавшей за революцией 1905—1907 годов, в царских тюрьмах сидело 170—180 тысяч. Что говорить, жестокое было время...

Таблица наводит и на другие размышления. После 1923 года наметилась явная тенденция к росту заключенных, в двадцать седьмом их число удвоилось. Пройдет всего десять лет — будет 16 миллионов.

Это число надо сопоставить с населением страны. По переписи 1937 года оно равнялось 156 миллионам. В 1938 году с учетом прироста могло быть 158 миллионов — почти 160.

Итак, 16 миллионов на 160. Каждый десятый. А если без детей и престарелых?

30 мая 1978 года газета «Правда» сообщала: в Ургувае 7 тысяч политических заключенных — по одному на 400 жителей. Почти столько же — в ЮАР. В Чили, со дня прихода к власти Пиночета, с 1973 по 1975 год, за решеткой побывал каждый сороковой житель. На XXV съезде КПСС делегат Испанской компартии заявил, что в его стране насчитывается 550 политзаключенных, из них половина — террористы. Это в государстве, где компартия находилась тогда под запретом.

Масштабы содеянного Сталиным лег-

¹ Цифровые данные приводятся по расчетам автора. — Примечание редакции.

Антон АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО

Дело о пропавшей

че постигнуть, обратившись к прошлому. При Иване Грозном, когда феодальная Русь сотрясала опричина, погибло четыре тысячи бояр. Это произошло четыреста лет назад.

Версальцы расстреляли в Париже около тридцати тысяч коммунаров.

Полторы тысячи агитаторов выловили российские жандармы в деревнях в дни «безумного лета» 1874 года. Эта акция получила название «великой траули».

Смерть к XIX веку стала проявлять тяготение к масштабности. В XX веке она превратилась в средство оптового уничтожения. Убитые на войне стали исчисляться десятками миллионов. Сталин и здесь внес новое, свое, сталинское, показав изумленному миру, что во внутренней войне против своего же народа можно уничтожить руками этого же народа вдвое больше людей, чем на войне с соседями.

Отдавал ли Сталин предпочтение какой-либо нации? Пощадил ли кого? Скудные данные статистики говорят, что он был существом всеядным.

В 1937—1938 годах в Азербайджане с населением 2 215 тысяч (на 1939 год) органы арестовали 28 тысяч человек, примерно каждого из тридцати взрослых. В Грузии арестовано втрое больше — 63 тысячи, хотя население Грузии превышало население Азербайджана лишь в полтора раза.

Значит, жертвой террора стал каждый двадцатый взрослый житель Грузии. Значит, не только о старых земляках-коммунистах позабылся Джугашвили-Сталин. Полные данные за все годы правления Сосо отразили бы иную картину: один замученный-казненный на десять земляков «отца народов».

Но Грузия счастливо избежала голодного моря 1930—1932 годов. Не то — Украина, хлебообильная житница страны. По данным переписи 1926 и 1939 годов, население Украины уменьшилось с 31 до 28 миллионов. Прирост должен был составить за 13 лет не менее 6,5 миллиона (если взять скромную цифру ежегодного прироста в 0,5 миллиона).

О последствиях массового террора можно написать специальные исследования. Взять, к примеру, динамику рождаемости с 1928 по 1940 год.

Статистики вычислили коэффициент рождаемости по годам: 1928 год — 44,3; 1929 год — 41,8; 1930 год — 41,2; 1931 год — 32,6; 1932 год — 32,6; 1933 год — 32,6; 1934 год — 32,6; 1935 год — 31,6; 1936 год — 34,3; 1937 год — 38,7; 1938 год — 37,5; 1939 год — 36,5; 1940 год — 31,2.

Резкое падение рождаемости — на 9 процентов — в 1931 году отразило, несомненно, грандиозную победу сталинского режима в войне против собственных крестьян. И голод. А неестественно застывшая на четыре года цифра 32,6 — что за пропасть призвана она скрыть?.. (По неофициальным данным, в 1932—1934 годах умерло 2,5 миллиона новорожденных.)

В 1936 году, когда страна начала выбираться из продовольственного кризиса, а последствия массового террора еще не успели сказаться в полной мере, рождаемость стала медленно подниматься. В тридцать девятом начался спад, в сороковом коэффициент упал до самого низкого уровня. Но эти очевидные данные не помешали одному из авторов сборника прийти к замечательному заключению: вероятность умереть

в 1938—1939 годах (в сравнении с годами 1926—1927) по всем возрастным группам уменьшилась.

Если верить таким специалистам, то террора вроде бы и не было...

Сталин нередко баловал себя беседами с известными писателями. Если бы не соображение престижа трона, который требовал, по мнению генсека, почетной изоляции, он встречался бы с деятелями культуры гораздо чаще. Взобравшись на самую вершину, Сталин внутренне чувствовал себя неуверенно. Абсолютное пренебрежение к человеческой личности странным образом уживалось в нем с почтением к крупным поэтам, самобытным писателям, ярким художникам. Этим он отличался. Хотя уничтожал так же споро, как беспаланных.

Каждая встреча с именитым мастером культуры помогала Сталину самоутверждаться. Однажды в беседе с Ильей Эренбургом генсек обронил многозначительно: «Иван Грозный и Петр Великий срубили недостаточно голов».

Когда же будет достаточно? Не рано ли подводить баланс?..

Надо войти в положение тиранов: рубить головы по одной — весьма трудоемкий процесс, требующий, как всякая тотальная война, мобилизации значительных людских и материальных ресурсов и самоуверженного напряжения сил самого правителя. Император Калигула, притомившись, воскликнул однажды: «О, если бы у римского народа была лишь одна голова!..»

Это могло бы устроить и Отца Народов.

«Задачи инквизиции — истребление ереси; ересь не может быть уничтожена, если не будут уничтожены еретики; еретики не могут быть уничтожены, если не будут истреблены вместе с ними их покровители, сочувствующие и защитники».

Вряд ли Иосиф Сталин был знаком с этим заявлением французского инквизитора XIV века Бернара Ги. Он увлекался эпохой Ивана Грозного. Но свою программу выполнил. «По Бернару Ги». И — как уже известно — со значительным превышением.

...Сталин почил, но сила инерции сталинщины была такова, что корабль, уже без великого кормчего, влекло еще три года апробированным фарватером.

В 1956 году ряянула оттепель. Президиум ЦК испросил у органов цифры. Сведения, собранные «внутренними» статистиками, выглядели так: с 1935 по 1940 год через Лубянку и ее филиалы прошло 19 840 000 человек. Из них 7 миллионов было расстреляно в тюрьмах. Остальных отправили на медленную смерть.

20 миллионов. Много это или мало? Четверть взрослого населения страны — без детей и престарелых. Почти все погибли. В числе убитых и замученных в лагерях — лучшие умы, цвет народа.

В книге Евгения Замятиня «Мы», вышедшей в свет в 1920 году, есть предсказание о непогрешимом Благодетеле и массовых казнях.

Жизнь оказалась страшнее выдумки. Обезглавить нацию, низвести народ Пушкина и Шевченко, Руставели и Радищева, Толстого и Левитана, Ломоносова и Авиценны до уровня безликой тираноподобной «массы»... Не к тому ли стремился Иосиф-Благодетель?..

читая сейчас эти скорбные строки, вздохнут с горечью: как же так: ведь только вчера...

Только вчера она готовила рукопись в очередной номер: правила гранки, договаривалась о новой «гвоздевой» публикации. Она спорила, шутила, и возле нее всегда было тепло и сердечно.

Ира прекрасно рисовала (она художник по образованию), писала стихи, но, главное, она любила людей, умела разглядеть за словом, строкой движение души. Она искала таланты и находила их. Лучшие поэтические публикации «Смены» — тому подтверждение.

Смерть всегда жестока и нелепа. Но это ощущаешь с особой остротой, когда внезапно обнаруживаешь пустоту там, где только что была яркая самообытность жизни. Мы долго еще будем ловить себя на мысли: а что бы сказала об этом Ирина, что бы она посоветовала?..

Ушел из жизни человек — умный, добродушный, честный. Но остались рисунки, картины, стихи. Осталась память сердца.

Понимаем: это утешает лишь в малой степени. И все-таки как это верно — люди живы, пока мы помним о них!

Редакция «Смены»

Трагически сорвалась жизнь Ирины Григорьевны Лобановой.

Больно и трудно говорить о ней в прошедшем времени — была. Для нас еще жив ее голос, жива улыбка ее...

Она работала в отделе литературы и искусства. Авторы «Смены»: писатели именитые и молодые, журналисты, художники — все, кто знал ее.

Ирина ЛОБАНОВА

РАССВЕТ

Проникла в сердце грусть.
И темный сумрак леса
Заманивает вглубь,
Как омута вода.
С дороги сдуло пыль,
И, словно занавеской,
Задернулась в ночи
Последняя звезда.
Туман лежал у ног,
Вдоль леса изогнувшись,
Холодный и больной,
Уйти в овраг не смог.
И легкий всплеск,
Едва к утру проснувшись,
От утренней росы
И свежести продрог.
Вдали пропел летуха.
Луна совсем поблекла.
И были у гурии
Уже видны стога.
Все было, как всегда,
Но для меня померкли
Последние в ночи
Блестящая звезда.

■

Снова
В молчанье суровом
Слово,
Рожденное мраком.
Смерть,
Ты смеешься над богом,
Жизнь
Отмечаясь ты знаком,
Сонна
Сиренева чаша,
Воздух
Так сладок и дымен.
Счастье,
Смеялось почаше б.
Путь мой извилист и длинен.
Следом за поступью гулко
Рифмо звук тамбурина.
Там,
За глухим переулком,
Месяц родился, Ирина...
Снова
Заветы наруши,
Кто-то идет в неизвестность.
Мир наш — игра и игрушки
С грустью, весельем и песней.

ВОСХОД

Затянулась ряской
Гладь воды у берега,
Словно алей краской
Выкрашено дерево.

Загляделась в омут я
Тихого потока,
Утонуло облако
В зареве востока.

Мир на время замер,
Начиная сутки.
Синими слезами
Плачут незабудки.
И уже напевный
Голос птиц повсюду.
Этот мир волшебный
Жизни не забуду.

■

И ощущима жизнь, и призрачна,
Сладка, горька — и не понять,
Что тут отвергнуто, что признано,
Как жить и как в ней умирать.

Пусть все обдумано, все пригнано,
Срифмовано с моей строкой.
Лесчинка. Море. Лодка. Пригород.
Все остальное — за тобой.

Я не могу ступить уверенно
И быть с тобой всегда на «ты».
И не могу поймать мгновение,
Чтобы понять ее черты.

АРЛЕКИН

Я надел свою маску.
Вышел в зал.
Зал
Призываю звучал
Голосами.
Я был мертв.
Я стоял и молчал.
Я был стар. И устал...
Подходили прохожие —
Руку мне жали.

Юрий Голубевский — главные режиссеры театра-студии на Красной Пресне.

ВОКЗАЛ ВСЕХ ВРЕМЕН

Нина ЧУГУНОВА

Фото
Евгения
СТЕЦКО

—...Я вот сейчас ехал и подумал о «Лесе»: ну, хорошо, очень хорошо, что делать хочу. А то все репетириую с пятого на десятое... Я ведь давно ставлю, с семидесятого года регулярно. И все спектакли помню... Те, первые, что касается формы, то форма была, и даже скажу, не чтоб хвастаться, а чтоб слова не искать — изощренная, лишь, возможно, не так отделанная. Так что один критик, которому показали спектакль — в пустом зале, без меня — трудные были времена,— он заявил, мол, спектакль простой, что «небыично для этого режиссера», и так он хотел меня выручить, такие были времена... А в дей-

Идет репетиция... (артисты Татьяна Токарева и Алексей Никульников)

Артистка Елена Соловьева

ствительности те первоначальные спектакли отличались тем, что были сделаны и шли на такой... оголтелой эмоциональности. Не такой, что вот «ура», «даешь угля», а на слезах, на рыданиях, когда нет ни фабулы, ни сюжета, а «слезы и рыданья» вызваны движением к некоему результату... Ведь ясно было, что впереди у нашего поколения ничего нет.

Юрий Погребничко, десять лет назад поставивший на Таганке «Трех сестер», вернулся в Москву. Закончились годы, прямо сказать, изгнания.

Все эти годы он жил по своим правилам и не погиб. Как жил? Почему не погиб?.. Опыт, необходимый и в добрые времена, а какие сейчас идут — знаем? Словом, он получил театр. Нет, не правильно. Его позвала, пригласила к себе труппа — вот как он пришел в театр-студию на Красной Пресне. Да-да, в тот самый театр, который на исходе печально-славных времен «рухнул» при драматических обстоятельствах. (Это напоминало внезапное падение занавеса во время действия, так, во всяком случае, казалось со стороны.)

Название театра после замятого скандала осталось прежним, как если бы остался стоять фасад упавшего здания. Но то, что

всегда следовало за названием как бы в скобках, читаясь значительнее — «театр Спесивцева», было вычеркнуто. Но, конечно, формально, потому что даже и представленный другим режиссерам (их сменилось несколько), театр продолжал оставаться детищем и созданием бывшего «любимого руководителя».

Повзрослевшие дети общими усилиями выбросили вон диван, долго украшавший кабинет человека, облику которого поползшие по театральной Москве слухи придавали прямо-таки странные черты...

Вот вам семидесятые годы в полном расцвете сил: семидесятые, начавшиеся раньше и закончившиеся позже календарного срока.

Ну, а режиссер Погребничко все ставил и ставил свои спектакли вдали от Москвы (пребывая в последнюю пору в должности главного режиссера драматического театра в Петропавловске-Камчатском), и им владела идея «поражения» — излюбленная им!

Вот мысль, преследующая меня, вот тайная цель фрагментных записей: как должно жить в трудные да и во всякие времена, чтобы себя не упустить? Как добиваться успеха и как сопротивляться ему? Насколько доверять времени?

МОНОЛОГ АКТРИСЫ

«Я училась в дурацкой школе... Два последних года почти не училась, жила по инерции. Совершенно случайно увидела объявление о приеме в театр, прочла басню, стихи, прозу — приняли.

Постепенно я растеряла подруг и друзей, и остался один театр. Помню, репетировали политический «фарс-памфлет», потом делали ужасный спектакль ко Дню рождения комсомола... Кроме того, у меня сразу начался крутой роман с моим будущим мужем, патонический, мама была тревогу, вот почему, видно, Вячеслав Михайлович Спесивцев на меня глаз не клал. Я дождалась роли Ребекки в спектакле по Маркесу «Сто лет одиночества», потом прошел год, и Вячеслав Михайлович ушел.

Он был очень талантливым человеком! Он умел дать такую уверенность в себе, мог легко внушить, что мы гениальны.

Он был очень сильным. И играть в театре для нас стало не главным в жизни, а собственно жизнью. Мы не умели ходить в театры, не умели читать книги. Каждый день начинался с общего сбора, где он по два часа рассказывал нам о том, что видел или читал. И я привыкла к... накалу страсти. Даже когда я говорила нормально, казалось со стороны, что я произношу роль. Мы слишком долго так жили. Я думаю: а что я за человек? И я ничего не знаю!..»

ПРОСПЕКТ СВАЛКИ В г. КРАСНОЯРСКЕ

—... Это если сейчас начать анализировать, становится ясно, что те спектакли на оголтелой эмоциональности были таковыми, потому что то было самое начало поражения. Шел шестьдесят седьмой год, все рухнуло, и ясно, что впереди ничего нет, у нашего поколения впереди ничего нет... Вот от чего шла эмоция.

— Это остро ощущалось?

— Остро! Очень! Но: в кайф было, в кайф.

Приглашенный в Красноярск поставить «как бы» детский спектакль, но, конечно, и «понтовый», Погребничко взял пьесу Алексина «Обратный адрес», пьесу, в которой восемьдесят страниц, то есть минимум сто шестьдесят минут на сцене.

Все имеет отношение к спектаклю! Жили гостиничные для цирка. В магазинах ничего, одни банки с солеными помидорами. Их покупали «ради рассола». Гостиница стояла на краю проспекта из снесенных домов, и «это не моя метафора, не преувеличение!» — рядом была огромная, шириной метров в четыреста, свалка, где бродили беспризорные дети, жгли кости. А Москва была не поймешь где.

Юрий Кононенко, художник и близкий друг Погребничко, только в прошлом году получивший возможность персональной выставки в столице (в ответ на восторженные поздравления он, подойдя к микрофону, под умиленное ожидание тех, кто так долго верил в него, сказал: ну... вот... есть такое ощущение, что все нормально).

— Так вот Кононенко сделал тогда такой макет к спектаклю, будто это вокзальчик, причем дальние поезда вообще не идут — тупик, а по перрону бродят странные люди — то милиционер, то псих, то полууголовники, и «есть такое ощущение», что их сейчас и возьмут. И кружка на цепи у бака с водой, и гудки..., вокзал тех времен. В каком смысле тех? Да это вокзал всех времен, где тоска, и Москва кошмарно далека, и что толку, если сил кошмарно много.

А история, на восьмидесяти страницах изложенная в пьесе, на скорую руку пересказывалась друг другу временными обитателями вокзальчика в тупике.

За десять лет Погребничко поставил тридцать спектаклей.

«Я ТОЖЕ БЫЛ ТАМ»

— Вы Толю Кабакова не знаете? Это тоже мое поколение. Он «наш советский авангард», но дело не в этом. Он тогда на меня производил сильное впечатление вот такими картинами. На листке в клеточку он, разлиновывая листок, писал каллиграфически: НИ-ЧЕ-ГО. И на другой стороне, разлиновав: «ничего». Такой это человек и такой это художник, нас судьба всегда случайно сводила, и я его хорошо помню и хорошо к нему отношусь. Хотя сейчас я почти забыл, как он на меня действовал...

Просто я тоже был там. И была вся эта ахинея, это истерическое, но не депрессивное состояние, когда понимаешь, что тебе диктуют все, но слов таких никто не произносит...

ЕЩЕ ОДИН МОНОЛОГ АКТРИСЫ

«Мы все его очень любили. Однажды мне было поручено стирать полотенце, он подошел, посмотрел, чисто ли выстирано... ну, и я получила мокрым полотенцем по морде. Когда я пришла в себя, вошла в его кабинет. Он сразу потянулся за сигаретами, а я вдруг заговорила о том, что собираюсь поступать в институт. Так мы поговорили, и, только уходя, я собралась с силами и выговорила: «Вячеслав Михайлович, не надо меня бить». И то были действия еще свободного человека!

Я помню: мы сидели и выпрямляли гвозди. Он не особенно жаловал меня. Но тут прошел мимо и — ПОГЛАДИЛ ПО ГОЛОВЕ.

Приходили в театр, полные сил и счастья. Всегда ждали его долго, часа по два...

В восемьдесят втором году я ушла из театра. Уходила смешно. Я должна была дежурить в театре на телефоне. Дома оставались больной муж и ребенок, малыш. Со Славкой моим пересидели все девочки, с трехмесячным. (Оставить театр ради ребенка хоть на час!!!)

Я взяла в тот день Славку с собой в театр. И вот я укладывала его спать в репетиционном зале и слышу Его голос, разносимый динамиками, и думаю: ЭТОМУ ЧЕЛОВЕКУ Я ДОВЕРЯЮ СОБСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ И ЖИЗНЬ СЫНА. Хватай Славку и бе-гу!

После окончания института я увидела его в другой студии... театр уже погиб. Я вошла — и немедленно ощутила ту, знакомую, зудящую, звенящую атмосферу. Мне стало страшно, хотя я понимала: передо мной близкий, родной человек, когда-то сильно любимый...

Странно, но мне все чаще приходит в голову, что наша жизнь в театре тогда во многом напоминала вообще атмосферу Советского Союза...

ДРУГИМИ СЛОВАМИ

Другими словами: были дети, наделенные природой и обделенные ею. Они были наделены даром — все в разной степени, в иных, возможно, был и талант, в иных только способности, в иных — только поры.

«Страшная вещь», ударившая по поколению Погребничко в пору, когда это полное сил поколение вступило в жизнь, ударила и по ним. Но как бы прежде рождения. И они были кровными детьми времени, в которое с готовностью к «поражению» вступил поневоле Погребничко. Придя в театр, Погребничко будто бы сказал: то, чем вы занимались, не есть предмет искусства.

Если говорить совсем прямо, театр для них прежде всего был выходом из тупика, в который их не загоняла жизнь, а в котором они как бы и родились. Помните: здесь нет проходящих поездов, но просто поезда дальше не

идут... вокзальчикпомните? Вокзальчик всех времен?

Рабство и «накал страсти». Успех был. Театра не было.

ИТАК, С САМОГО НАЧАЛА

Правду сказать, фигура Погребничко интереснее, потому что он из калеченого, но выжившего поколения, приходящего к нам сейчас с накопленными сильными работами и сильными замыслами. Они, протащенные сквозь строй семидесятых, являются сейчас нам молодыми режиссерами, художниками, скульпторами, актерами и поэтами, словно из чудовищного зарубежья: они творили, мы их не знали, не слышали, не учились у них. В этом смысле следующее поколение, конечно, обделено — но многим удалось общаться с гениальными, большинство слышало и видело то, что лезло в уши и в глаза открыто, под аплодисменты, с наглостью официально одобренного и разрешенного к публикации.

Итак, о Погребничко с самого начала. Из Ленинграда его пригласил к себе Любимов — взял актером. Через полгода Погребничко ушел. Через одиннадцать лет Погребничко «вернулся» и репетировал на Таганке «Преступление и наказание», а следом были и «Три сестры», спектакль, который мог стать шикарным! шикарным спектаклем... а мог и не стать, а спустя время таким спектаклем мог стать «Старший сын», спектакль, сыгранный несколько раз... а потом ни по чьему велению остановленный, такие были времена, вот такие! Но тут важно и парадоксально другое — то, что обязательно мог и желательно должен был состояться конфликт между Любимовым и Погребничко, и вот такому конфликту проклятые «времена» не дали ни вырваться, ни расцвести на пользу обществу, публики и высокого искусства. И вместо ослепительного противостояния, вместо того, скажем, что Любимов просто заявлял бы Погребничко: да не нравится мне твой спектакль, не нравится совсем! — вместо этого чего-то не понимавший Погребничко видел своими глазами, что, сыгранный несколько раз, его родной спектакль исчез из репертуара, и он шел к Юрию Петровичу, и Юрий Петрович пожимал плечами и говорил: почему, играйте... — а спектакля уже как бы и не было. А между тем одно время шло для обоих, и сейчас «вернувшийся» Любимов спросил, что, мол, можно посмотреть в Москве, ему ответили, вот это и то, есть такой Погребничко, студия на Красной Пресне, и Любимов ответил живо, что он «всегда верил» или что-то в этом роде. Но это другая драма, я на нее набрела случайно...

Погребничко должен был пытаться реализовать себя, тем более в таком театре, но, кажется, Любимов за все время позволил это лишь Эфросу с его «Вишневым садом». Погребничко был вроде бы вне и против коллектива — он был самостоятелен с самого начала, и его учить не надо было, и, вероятно, поэзия и стихия коллектива во главе с «гением коллектива» его не захватывали. Он все знал, а кроме того, и был выучен: в Ленинграде Роза Сирота научила его работать с актерами (та Роза Сирота, что у Товстоногова, по общему мнению, воспитала, сделала всю труппу, в том числе Смоктуновского, Стрельчика; в Институте театра, музыки и кино она, совместно с режиссером Андрюшкевичем, вела курс, на котором и был Погребничко).

Всё знаяший, он ушел в московский ТЮЗ ставить дипломный спектакль (забавно, что недавно к нему пришел дипломник с Таганки, и он сказал ему: понимаешь, мне ведь безразлично... давай поставь, что ли, «Чао!» — мне такую пьесу надо, а то мы рискуем остаться без денег, ясно ведь, что ни в Казани, ни в Твери на всю эту ахинею, что я делаю, никто не пойдет).

Тогда в ТЮЗе ему сказали примерно то же, и вот он искренне начал... Он взял пьесу очень известных в ту пору авторов Зака и Кузнецова «Приключе-

ния Витторио», пьеса была написана про итальянский фашизм.

— Я совсем забыл этот спектакль! — сказал он сейчас.

Для спектакля он взял подлинные записи речей Муссолини, Геббельса, Гитлера. Лучше всех в темноте звучал Муссолини, неподдельный темперамент, он был артист великий, и пленка трофейная хорошая. (Через несколько лет он попытался снова прокрутить эти ленты в своем другом спектакле — куда там! Да, он тогда в Киеве ставил «Манон Леско», и эти пленки пригодились бы — но они уже были взаперти, под арестом, и самый пробивной его человек не смог до них добраться.)

Много хорошего было в этом неподешевом спектакле. Был Пушкин. Но — времена! времена были такие: 1968 год. Чехословакия, правительственные комиссии... спектакли закрыли, не дождаясь, когда его закроют «сверху», закрыли, упреждая гнев повелителей, закрыли сами, вот такое было время. Директором театра был товарищ Коган, он самолично забрал страшные пленки — не может быть, чтобы они могли вызвать какие-то ассоциации с настоящим?! — забрал, прежде чем пленки потребовали те, кто их давал, забрал и проверил, не переписаны ли. У главного режиссера с Погребничко были общие знакомые, и было стыдно, когда он говорил: сам доведу спектакль, что ж, это всего лишь дипломник... А Погребничко — Погребничко проявил слабость, и так у него в судьбе появился спектакль, который не играли НИ РАЗУ! Если его вспомнить, говорит сейчас Погребничко, то становится ясно, какой был затянутый спектакль, даже и просмотр был утомительный, ну, да ничего, «я этому научился сразу, мгновенно... я научился профессии — вскочил сразу!»

ЕЩЕ НЕ ХУДШИЕ ВРЕМЕНА

Погребничко ушел из ТЮЗа и попытался вернуться на Таганку. Онставил... пытался ставить что-то на телевидении, точнее: предложили ставить Гамзатова, он мучился, читая «Горянку», недели две, потом пришел и предложил поставить... Ивилина Во, «Незавидную».

Вы ЧТО? Так сказали ему.

Два года он перебивался. Потом оказался в городе Шахты в попытке все же поставить дипломный спектакль. Он взял пьесу Рязанова «Однажды в новогоднюю ночь» и поставил шлягер прямо по пьесе, один к одному, и публика не уходила, а от себя ничего не прибавил, сейчас бы кто увидел, не узнали бы его в этом спектакле, сказали бы, небось: «Это профессионал какой-то поставил, но и только!». Правда, там все говорили одну и ту же фразу:

У НЕГО БОЛЬШАЯ ДОРОГА, У НЕГО БОЛЬШАЯ ДОРОГА.

Он работал, он не слышал намеков, он не понимал вопросов типа: ну, и как вы думаете дальше работать с такими взглядами, он все думал про одиночество, так был наивен...

Когда его в очередной раз «прикрывали» в Новокузнецке, приезжало четыре комиссии, и говорили: это гениально! но это для своих!

ЛУЧШИЕ ВРЕМЕНА (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Он, молодой и талантливый человек, не мог высказаться о себе, допустим, так: я, молодой и талантливый, выброшен на помойку, на свалку, в дорожную грязь, под ноги топочущей танцплощадке.

Если бы он так постыдно выразился, неминуемо начал бы ломаться, поскольку таланту должно изъясняться лишь на своем языке, а язык изложния собственного ощущения вполне доступен лишь граffiti.

Но он чувствовал именно это! Он с похожим ощущением, с похожим напряжением делал эти спектакли, а потом приходила комиссия и понимала, «что он хотел сказать».

А дальше? А «дальше» следовало в том, что он пытался втолковать вко-

лачивающим его: «...а жизнь умнее».

ПОРАЖЕНИЕ

Слабость и великолепие тех первых спектаклей заключались в том огромном запасе эмоций, на котором только они и должны были играться на сцене.

После Красноярска был Калинин (пограбов недели, он уволился), потом позвали в Брянск, где он поставил три спектакля, «один из них хороший, другой как бы людской» — его начали отчасти реабилитировать... спектакль по Островскому был награжден дипломом; он ставил в Казани, ставил и ставил «как бы» одно и то же. Прочтя «Острова в океане», он поразился, насколько у Хемингуэя точно выражено все то, что чувствовал он, чем жил и что ставил.

Потом, во Владимире, он задался целью поставить спектакль «лучше, чем у Любимова» и поставил, и взял успех, но спектакль роковым образом не действовал... через год только он снова поставил хороший спектакль, по Вампилову. (Они оба из одного времени, из одного города, и одно поражение выплеснуло их.)

У Вампилова герой выходит и говорит:

— ЖИЗНЬ В СУЩНОСТИ, ПРОИГРАНА.

Жизнь невозможно выиграть по причине предварительного ее поражения. Надо, надо ее выиграть! О, это из другого времени. Жизнь, в сущности, проиграна, и это поражение выплеснуло сейчас к нам лучших. О, ужас, если бы они там проходили под гром единодушного...

Спектакль по Вампилову на Таганке был им поставлен в декорациях «Трех сестер». Да, прямо в этих декорациях. И действительно, если вдуматься. Жизнь, в сущности...

Затем он поставил спектакль по Островскому в литературном театре. И наконец был Киев, «Манон Леско», спектакль, который принимали десять раз, пока не было объяснено или не стало ясно, почему в спектакле вдруг возникают герои в эсэсовских костюмах посреди истории, рассказанной Прево.

Потом он уехал в Петропавловск-Камчатский. Потом позвонили; а в Москве он бывал часто, Москвы как бы и не покидал... и ему в неожиданном предложении понравилось прежде всего то, что студия.

СТУДИЯ

В студии, пережившей уже нескольких режиссеров, он поставил «Лес» Островского, под другим названием, «Старшего сына» Вампилова, под другим названием, «Чайку» Чехова, под другим названием, и пьесу английского драматурга Пинтера «Сторож», где сыграл сам одну из трех ролей. В связи с первыми постановками было высказано суждение о возобновленной жизни русского национального театра. ...но продолжалась, шла драма, первая реплика которой могла бы прозвучать так: «Мы все ранулись к нему», а вторая, если вам интересно, так: «А знаете, мы бы не были особенно поражены, если бы о н вдруг начал вести себя примерно так же, как Вячеслав Михайлович» (а он начал репетировать с ними «Чайку»...) — а третья, если и вам, Юрий Николаевич Погребников, интересно, звучала бы так: «О, неужели он нас бросит».

Я ничего не знаю об этой драме, кроме этих сдавленных реплик и кроме того, что она идет. Идет, пока вы смотрите «Чайку» и пока вы смотрите спектакль «Нужна трагическая актриса» по «Лесу», где вдову Гурмыжскую играет Валерий Прохоров (он же Аркашку Счастливцева).

И вот вдова, разнежась при словах, дай бог памяти: кого же вы любите? луну? родственников? — отвечает: тебя, дурак, тебя! И от невидимой для нас драмы зависит судьба реплики по меньшей мере.

...А я думаю: как раскидала нас всех судьба!

Окончание. Начало на 8-й стр.

Любе. — Небось, гражданка Алалыкина будет?

— Алалыкина!

— Честь имею. — Младший дух приложил руку к «пустой» голове, круто, на каблуке развернулся и исчез. С ним исчезли старший собрат и две красненькие...

— Дела-а, — потрясенно вздохнула Люба, засучила на кофте один рукав и коротко, не делая замаха, врезала по затылку Саньке. Тот окнулся, потрясенный не меньше матери, и скорчился. Люба, чтобы не было обидно второму «подсолнуху», отвесила затреину и Веньке. Все «прянники» делились поровну...

День пошел на убыль, свету стало меньше. Вдруг на берегу ржавой лагуны, как раз рядом с их разнесчастной палаткой, которую надо бы снести для убирающихся воясами в город Южно-Сахалинск, появились еще двое духов. Эта пара, как две капли воды, была похожа на первую, только, может, поразговорчивее.

— О-о, берег голубой лагуны становится обжитым, — добродушно молвил один из них, пробуя босой ногой застойную глинистую воду. — Добрый вечер!

Ни Люба, ни «подсолнухи» на приветствие не отозвались, но это не обескуражило духа, он довольно скзал масличистые глаза, стрельнул взглядом в глинистый залив, ловя плавающую раскладушку. Между прибывшими состоялся следующий диалог:

— Ну, что, флантирует?

— Хоть и далеко начатому делу до совершенства, а, убей меня бог, я прав: плавает.

— Нам повезло, мы сделали то, что другие только собирались сделать. Усердие награждено.

— Усердие наказуемо.

— Наказание досталось другим. Ты видел рыболовов?

— Шли весьма довольные.

— Торопились в магазин. До закрытия.

— Значит, наказание кого-то постигло.

— Кого? Не детишек же этих!

— Тогда кого? Покажи!

— А-а-а, да простит нас небо, — закряхтел один из новоприбывших духов, снимая с себя брюки и залезая в лагуну. Второй попробовал воду пальцем, по-ребячому поджался, ойкнул, скользнув испуганным взором по палатке и усталой молчаливой Любе, по белоголовым отпрыскам человека, разызывающего тревожным храпом палаточную ткань, засмыщался и скрещонько понесся за своим товарищем, только глинистая вода заклубилась. Духи соединились около раскладушки, переглянулись и счастливо засмеялись.

— Ха-ха-ха! Кто это утверждал, ха-ха-ха, что из ничего должно получиться ничего, из дырки дырка, из пустоты пустота, из воздуха воздух, из воды вода? Лукреций? — спросил один дух, продолжая счастливо похващивать и косить глазами на берег, где в горестно-застывшей позе сидела Люба. Похоже, она обратилась в статую, какими украшали знатные водоемы, статуи эти часто вызывают сочувствие и душевное впечатление своим задумчивым видом.

— Врешь, небось, Крылов в какой-нибудь малоизвестной басенке. Или тот самый, про лису, которая любила хавать виноград.

— Эзоп, что ли?

Духи, оказывается, были интеллектуалами, употребляли знатные имена, словно салат на закуску.

— Да хоть Матвей Пупкин или Иван Мелкосююкин, плевать! Главное то, что получилось... А ты говорил, не выйдет, только раскладушку сгубим. А чего губить-то? Все равно дырявая.

— Не передергивай. Раскладушка — больше по части науки и изобретений.

— Эйнштейн!

— Холодно!

— Эдисон!

— Уже теплее.

— Попов!

— Еще теплее, — закряхтел дух, поднимая одно крыло раскладушки, — взлетели, голуби, взлетели! — Тряхнул крылом так, что весь запашистый заливчики взволновался, пошел железней рябью, сквозь которую, бурча, начали выметываться на поверхность пузыри.

Духи вели непонятный высокий разговор, трясли плавающую раскладушку за продавленные алюминиевые скобы, крякали, вязли в донном слое, слабо поругивались. Закончив разговор, они разом замочдали и сноровисто, сильно поволокли ее к берегу. К концам раскладушки была привязана легкая японская сеть — ее не всякий зоркий глаз в воде различит. Сетка странно шевелилась, взбрыкивала, рябила: она была битком набита крупным чилимом. Креветки на подбор — одна больше другой, за один заход ползали вязли. Покрякивая и деловито сопя, духи упаковали чилимов в мешок, кинули туда несколько мокрых водорослей, выбрав почище, без черной пахучей гнили, завязали зеленой японской веревкой и, разложив на песке два мешка — тару для будущего улова, снова полезли в лагуну.

Люба почувствовала, как от напряжения звонко и громко начали постукивать зубы, и слезливо, жалея себя, зашептала:

— Г-господи! Что же они делают! Залив целиком вычерпали! Тут не только ни одной креветки — ни одной водоросли, ни одной каменюки не останется,

г-господи... Как трактора работают! Ну, где же вы, рыбинспектора, штрафовальщики?! Невинных штрафуют, а на виновных не обращают внимания! Куда же власть смотрит, а, г-господи! Детишек оштрафовали, а эти пашут и пашут — море скоро пустое станет, г-господи! Высокие фамилии, видать, у их начальства! Эзоп. Да кто ж такой Эзоп, г-господи?! — Слова высказывали из нее одно за другим, горячие, шипучие; она призывала духов-штрафовальщиков, вооруженных пистолетами. — Раскупорьте, духи, свою бутылку вновь, взнимитесь над песком и водой, остановите чилимчиков, г-господи!

Она кинулась в палатку и растолкала хранившего Алалыкина. Тот протер кулаками глаза — лицо его сделалось испуганным, щеки примялись, глаза уменьшились до размеров голубичек — и обреченно мигнули:

— Что, опять?

Люба с силой вытащила его из палатки: вот он, долгожданный ход чилима, вот оно, открытие сезона, торжественная приподнятость минуты, первая добыча...

— Останови их! Ты видишь, что они делают?

— Вижу. Злостные браконьеры.

— Останови их!

— А как?

— Крики им, чтобы прекратили!

— Они рассмеются в ответ, — горько прошептал Алалыкин, застучал, как и Люба, зубами, звонко, замысловато, с перебором, и разозлился.

— Чего впласту зубами стучим?

— Представляешь, сколько червонцев с этих ловцов можно содрать? Г-господи, где же те, с пистолетами и штрафными книжками?

— Опустела планета!

В это время на них налетели Санька с Венькой — «подсолнухи» пробовали отыскать бутылку, в которой прятались рыбинспектора-штрафовальщики.

— И вы тут! — крикнул в сердцах Алалыкин, отвесив Саньке звонкую затреину. Зубной звук стал тройным, в семейном ансамбле не хватало только одного исполнителя, но папа Алалыкин подключил и последнего лодыря к общей музыке...

— За что? — захныкал было лодырь.

— За два червонца я тебе, знаешь, сколько затреин надаю? — подвел под Венькино хныканье серьезную экономическую базу Алалыкин.

— Да не я это-о-о... Санька.

— А нам с матерью все едино, что Санька, что Венька, оба хороши. Награды поровну...

Под аккомпанемент алалыкинского ансамбля духи выграбили все, что было в лагуне, упаковали добычу в оставшиеся мешки, перетянули немокнутой веревкой, зачарованно прослушали ударный квартет и расстрогались:

— Мы вам должны заплатить гонорарий. Какое высококлассовое исполнение! Нет слов — душат слезы!

На песок был положен мясистый, с томным взором медвежатник, подле медвежатника была посажена нежнотелая усатенькая самочка, за ними забились на песке два чилима — разбойные, в ссадинах и ломинах, с обрызнутыми усами и сбитыми набок хвостами.

— Спасибо, — скромно потупился «руководитель оркестра».

— Наше вашим — все еще впереди! — бодро произнесли духи, откланялись и исчезли.

— Наше вашим — тыфу! Гонорарий — тыфу! — взъярился Алалыкин, подбил ногой медвежатника в воздух, развернулся и ловко саданул его пяткой, отправив в родную стихию, в лагуну. — Плевать я хотел на «наше с вашим»! Плевать, плевать! — следом за раскорячившимся медвежатником полетела нежнотелая самочка, а потом и разбойные чилимы. — Не надо нам никакого гонорария, сами проживем, сами, сами! Я только хотел увидеть ход чилима, убедиться, что не вывелся еще чилим, а меня... а меня... Скажите, за что-о?

Затих Алалыкин, плечи его дрогнули, поползли вверх, стало пусто и тоскливо на свете...

Алалыкины вернулись домой поздно вечером, а в понедельник утром, когда глава семьи еще сидел на кухне и пил сладкий чай, с почты принесли квитанцию о штрафе. Под расписку.

Взяв квитанцию, Алалыкин затрясся. В ней была проставлена сумма — тридцать рублей, два раза по пятнадцать, за каждого лопуха по полтора червонца: указано, за что взимается тридцать — «за хранение и использование незаконных, браконьерских орудий лова». Так и было написано: «незаконных, браконьерских», через запятую — видать, дух в своем подразделении хоттабычей был спецом по части знаков препинания и вообще литературы. Алалыкин ударили кулаком по столу, стакан с недопитым чаем взвился, как футбольный мячик, но Люба, поймав стакан цепким вратарским движением, помешала второму удару Алалыкина. Алалыкин скис, безвольно опустился на стул: была бы его воля, он порушил бы всю мебель на кухне. Только зачем? Нет ведь в этом проку. Совсем запутался Алалыкин.

— Не надо, — попросила его Люба, — не расстраивайся, Алалыкин. Ты еще молодой, мы переживем. Все перемелется, и это тоже, — попыталась улыбнуться, но из ее улыбки ничего не получилось...

Надежда ТАИРОВА

Опять звучит романс Чайковского на слова Гейне: «Хотел бы в единое слово я слить свою грусть и печаль...» И мы привычно не удивляемся, уловив русскую речевую основу романса — кто-то перевел Гейне с немецкого на русский язык. Кто? Ах, не все ли равно, скажет иной слушатель, отдаваясь пленительному союзу поэзии и музыки: «...и бросить это слово на ветер, чтоб ветер унес его в даль». Все выше щемящий душу полет светлого желания... В безупречное изящество стиха оправлены мысли и чувства, свойственные лучшим образцам русской любовной лирики. Не странно ли, что бесплотной, почти безымянной тенью стал для нас автор этого перевода стихотворения Гейне?

А между тем он был не только блестящим переводчиком, познакомившим русскую читающую публику со многими поэтами самых разных времен, среди

заставляла зрителей рыдать над горькими женскими судьбами, где царствала изяществом ума, красоты и виртуозного мастерства обольстительная Александровская премьерша Савина...

Век двадцатый оказался менее милосерден к Мейу. Поначалу, правда, еще издаются собрания его сочинений. Но, как знать, появился бы они, если бы

которых Анакреон, Теский, Феокрит, Шиллер, Гете, Мицкевич, Беранже, Мильтон, Гюго, Байрон. Его перу принадлежат исторические драмы, оригинальные стихи — глубокий лиризм, их искренность и ясность слога привлекали внимание Глинки, Мусоргского, Бородина, Чайковского, Направника, Рахманинова, а далеко не каждому поэту суждено быть причастным к рождению шедевров музыкального искусства. Пожалуй, нет другого поэта, чьи драмы почти без изменений легли в основу либретто опер, по сей день украшающих репертуар многих оперных театров, — это «Псковитянка» и «Царская невеста» Римского-Корсакова. Не странно ли, что такого творческого наследия оказалось мало для благодарной людской памяти о Льве Александровиче Мее, который и при жизни не был оценен по достоинству ни как поэт, ни как драматург. Мей не современен, — уверяли его современники — даже архаичен. Основательно забытое всеми имя Мей вспыхнуло невиданным светом четверть века спустя, в 80-х годах прошлого века. Выходит полное собрание сочинений Мея в пяти томах, постановки его драм сопровождаются восторженными рецензиями. Впрочем, эти похвалы можно отнести на счет самих спектаклей, где великая Стрепетова

не личный энтузиазм их редактора П. В. Быкова, понимавшего Мея, как, может быть, никто другой. «Мей — тонко чувствующий поэт, оригинальный, не похожий на других, по чистоте, образности и выразительности языка едва ли не выше всех современных ему писателей. Мей — страстный патриот в благородном и обширном значении слова, обожавший родину, глубоко веровавший в ее великую будущность, в силы нашего народа», — писал Быков в предисловии к собранию сочинений Мея, вышедшему в 1911 году. Ах, Петр Васильевич, благородная, добрейшая душа!

И ныне еще не дождался Лев Александрович Мей той оценки, о которой мечталось его немногочисленным почитателям на заре нашего столетия. В 1947 году к 125-летию со дня рожде-

ния поэта выходит скромный однотомник. Затем, в той же серии «Библиотека поэта», небольшим тиражом выходит его «Избранное», а три года назад «Советская Россия» издает небольшой сборничек. Это все, чего удостоился Лев Александрович Мей, судьба которого являет нам пример едва ли не самый горестный того, как мы нелюбопытны и расточительны безмерно, оставляя невостребованными целые духовные миры и естественную поучительность судеб талантливых людей...

Мей родился в Москве 13 февраля 1822 года. Он рано потерял отца — обстоятельство, сыгравшее впоследствии роль более значительную, чем предполагал этот не столь уж исключительный житейский факт. Один из современников поэта вспоминал о нем: «Как человек, Мей был необыкновенно сим-

патичен. Он соединял в себе замечательную мягкость характера с сердечной добротой». Представим себе жизнь типичного московского дворянского семейства, обитающего в Хамовниках и состоящего из одних женщин — бабушки, мать, тетки, свояченицы, нежно привязанные друг к другу, а к сиротам — особенно. Левушка Мей род в убеждении, что основу человеческих отношений составляют любовь и доброта. Каким необходимым было бы влияние отца, храброго участника Бородинского сражения, сумевшего бы, наверное, привить сыну качества истинно мужского характера. Возможно, судьба Льва Александровича сложилась бы по-иному. Начало этой жизни обещало так много, было таким светлым...

В 1831 году, девятнадцати лет от роду, Мей поступает в Московский дворянский ин-

ститут, где обнаруживает блестящие способности. Пять лет спустя его переводят для завершения образования в Царскосельский лицей.

Осень 1836 года стала первой лицейской осенью Мая. В тот год Лицей праздновал свое 25-летие. Еще служили здесь некоторые из наставников лицеистов пушкинского выпуска, открывшего биографию этого славного учебного заведения: географию и историю по-прежнему преподавал И. К. Кайданов, российскую и латинскую словесность — П. Г. Георгиевский, рисование — С. Г. Чирков.

Но первая лицейская осень Мая была последней в жизни Пушкина...

В то зимнее утро уже кончались занятия, лицеисты поглядывали в окна, предвкушая после чая шумную потеху на замерзшем пруду, как вдруг в класс быстрыми шагами вошел профессор Кайданов. Лицо добрейшего Ивана Кузьмича было бледно.

— Господа, — сказал он, — вчера около трех часов пополудни скончался от дуэльной раны Пушкин. Нет более Пушкина, господа!..

Май сильно переменился. И прежде не отличавшийся смиренiem, он стал непременным участником всяких лицейских шалостей; все, что запрещалось предписаниями, «нарушалось им с особым увлечением». Поэтому при знаниях, достойных золотой медали, Май выпущен из Лицей с весьма невысоким чином IX класса. Как и Пушкин, и по той же причине. Еще одно обстоятельство связало на выпуск имени этих двух лицеистов: по существовавшей в Лицее традиции выбирать на каждом курсе наследника Пушкина на XI курсе таковым был признан Лев Май. Но он не связывал с поэзией своего будущего, надо было думать о твердом заработке, о куске хлеба для матери и младшего брата — навсегда отозвели «лета беспечности недавней».

Май уезжал из Царского с грустным предчувствием, что лучше и светлей в его жизни уже ничего не будет. «Ах, милая маменька, сколь прекрасно Царское село!..»

Возвратившись в Москву, Май поступает младшим чиновником в канцелярию московского генерал-губернатора. Восемь лет спустя выходит в отставку, так и не продвинувшись по служебной лестнице. Причина неудачи в чиновниччьей карьере и самой отставки одна — поэзия. Отныне Май намеревается жить литературным трудом. Ему кажется, что время начала новой жизни выбрано необыкновенно удачно: в 1849 году журнал «Москвитянин» печатает его стихотворную драму «Царская невеста», тогда же поставленную на сцене московского театра, а годом позже — и петербургского. Задумана другая историческая драма. Май изучает летописи, «Историю государства Российского», послания Грозного, его переписку с Курбским. В летописях поэт обнаружил рассказ о третьем браке царя, ставший основой сюжета «Царской невесты», и о помиловании Пскова после разгрома Новгорода, претворенный в «Псковитянку». Задача перед поэтом стояла нелегкая. «В наших летописях, — писал Май, — одни голые факты, одни описания местничества бояр, царских опал, пиршеств и т. п. и очень мало о внутренней жизни народа». Май нашел живой, неиссякаемый и достоверный источник: народные песни. В образование поэта дорисовало остальное, и многие сцены его драм поднимаются до высот истинной народности.

Освободившись от постылой службы у генерал-губернатора, Май все более сближается с журналом «Москвитянин» на почве общих славянофильских взглядов. Вместе с Аполлоном Григорьевым, Майковым и Александром Николаевичем Островским он входит в состав так называемой «молодой редакции» журнала. «Москвитянин» становится популярным изданием, в котором

публикуются реалистические произведения Григоровича, Михайлова, Острожского. Однако торжество «молодой редакции» оказалось недолгим: издатели журнала Погодин и Шевырев, убежденные консерваторы, не могли сочувствовать новому направлению.

Надежды Мая на литературные заработки рассеялись быстро. Гонорары писателям «Москвитянин» платили грошевые. Задуманная драма из древнерусской жизни подвигалась медленно, да и стихи написаны немного. В основном это цикл, обращенный к Софье Григорьевне Полянской, девице с развитым музыкальным и независимым литературным вкусом. Поэт встретил ее в 1844 году на вечере у Е. П. Растворческой, поэтессы и хозяйки модного салона, где бывали Тургенев, Тютчев, Григорьев, Вяземский, Плетнев, Островский, Щепкин...

То не была любовь с первого взгляда, еще не любовь — лишь предчувствие, неясное самому поэту, что счастья грядущая страсть не принесет. Между тем Софья умна и не склонна к простой болтовне, чудо как хороша собой и в светлом взоре — сочувственное понимание.

Написанные для альбома Софии прозаические «Октыбы» — попытка Мая разобраться в своем отношении к ней. Портрет души не закончен, штрихи осторожны и лаконичны. И вдруг — как озарение — в более поздних стихах: «Беги ее: она любила страстно и любит страстно — самое себя...» Добрый, сердечный Май и здесь не изменил своей натуре, сострадая неумению любить самоутвержденно: «Беги ее, но... пожалей о ней».

Он и пожалел, когда шесть лет спустя после знакомства женился на Софье Григорьевне, которую светская молва причислила к старым девам. Пора успехов в обществе девицы Полянской и впрямь миновала; Май — ныне не мелкий чиновник, а автор «Царской невесты» — представлялся видной партией.

Положение семейного человека заставило Льва Александровича вновь искать службы. Он получает место инспектора 2-й московской гимназии. То, что он увидел, вступив в должность, потрясло его. В гимназии открыто притесняли даровитых учеников единственно по причине их бедности, в ходу были постыдные экзекуции, эконом оказался нечист на руку, многие из учителей невежественны. Новый инспектор попытался действовать в соответствии со своими должностными обязанностями — против него сразу же состоялась враждебная группа во главе с директором. Через год безуспешной борьбы пришлося оставить не только гимназию, но и родную Москву. Утешал себя мыслью, что покидает златоглавую только на время, но Май уже не суждено было вернуться в нежно любимую старую столицу. Да и жизни оставалось всего девять лет — полугодовой жизни поденщика от литературы.

Неудачи начались едва ли не с первых дней проживания в Петербурге. Стихотворную драму «Сервиллия» к постановке не разрешили, а в «Отечественных записках» ее удалось опубликовать более чем через год. Впрочем, принял Май литературным обществом довольно благожелательно, чему способствовал лицейский товарищ Владимир Зотов.

Разыскал Льва Александровича и другой лицеист — некогда тщедушный, болезненный мальчик, с обожанием взирающий на признанного лицейского поэта Мая, последний отрылся двух исторических фамилий, граф Кушелев-Безбородко. Единственный наследник огромного состояния, он известен в Петербурге кутежами, тщеславием и дурным, неуравновешенным характером. Граф обожал Мая как прежде и был счастлив помочь ему в бедственном положении, а взамен просил ока-

зать честь дому Кушелевых-Безбородко и украсить своим присутствием званный вечер. Граф мнил себя просвещенным покровителем искусств, но окружение его составляли большей частью второстепенные литераторы и музыканты, ведущие беспорядочный и беспечный образ жизни. Меценатствующий сумасброд становился все менее церемонным в обращении и уже постоянно требовал Льва Александровича на свои пишества. В петербургской литературной среде пошли пересуды, что граф Кушелев держит своего поэта «в слишком черном теле». Лев Александрович старается сохранить хотя бы видимость личной и творческой независимости. Он пишет издателю «Энциклопедического словаря» Старчевскому: «Отношения мои к графу Кушелеву основываются единственно на смене умственного труда на вещественный капитал». Искренне расположенный к поэту, Старчевский поручил ему писать статьи для «Энциклопедического словаря» и оплачивал их часто вперед, однако по завершении подготовки словаря к изданию этот источник дохода иссяк. Случались заказы на срочную переводческую работу: Май владел французским, английским, немецким, итальянским, греческим, латинским, польским и чешским языками. Впрочем, качество переводов не учитывалось, и за изысканные, тонко передающие стилевые особенности оригинала миниатюры поэт получал гроши. Основной заработок давали журналы и газеты. По свидетельству современника, «не было журнала, большого или маленького, не было самого ничтожного листка, где бы не являлись произведения Мая. Но он ссыпал их кому попало и как попало, не дорожа ни своим именем, ни даже присмом платой».

Одна из зим выдалась особенно морозной. Словно злая насышка судьбы, сопровождала тогда Мая полоса жестокого безденежья. Потерявший всякое терпение лавочник закрыл кредит и грозил долговой ямой. Достать дров в долг не удалось. В квартире стоял такой холод, что вода в клетке у птичек промерзла до дна плошки. Лев Александрович объехал несколько редакций, прежде чем у «Сына отечества» взял авансом небольшую сумму. Но, поднимаясь по лестнице к себе домой, встретил соседа — незадачливого издателя «Семейного круга», газеты без подписчиков, который, рыдая, поведал о своих несчастиях: дома ни копейки, не на что купить лекарство больным жене и детям. Май отдал ему с таким трудом добытые деньги — он презирал бы себя, если бы не помог человеку, еще более несчастному, чем он сам...

Вся жизнь поэта в Петербурге — печальный перечень отчаянных попыток вырваться из тисков нужды. Предприятия эти терпят крах одно за другим, чего в общем-то и следовало ожидать: Лев Александрович был начисто лишен практической сметки и не умел устраивать свои дела, все более запутываясь в неоплатных долгах. Нет ни времени, ни сил завершить начатую еще в Москве «Псковитянку»!

Май поступает на службу в Археографическую комиссию при ведомстве народного просвещения. Должность делопроизводителя была невелика, но искупалась в глазах поэта предметом будущих занятий — древнерусской историей. Однако тот же предмет оказался причиной вынужденной отставки Мая. Точнее сказать, письмо, с которым он обратился к генерал-адъютанту Ростовцеву, опекавшему по долгам службы в числе прочих комиссий и Археографической: «...я почти не имею служебных занятий, за исключением кабинетного разбора древних документов и летописей. Между тем довольно близкое знакомство с русской стариной, с народным бытом и отечественным языком осмеливает меня на более деятельное

служебное поприще. Подобное притязание оправдывается искренним желанием — принести посильную общественную пользу».

Ростовцев не соизволил ответить на письмо, но инициатива ретивого делопроизводителя, дерзнувшего отправить прошение на имя особы, приближенной к императору, безнаказанной не осталась. Рассчитывать на «более деятельное служебное поприще» теперь и вовсе не приходилось. Не драматурга Мая это дело — чиновничья карьера...

И вновь обольщали надежды, и сладко думалось о предстоящей премьере дипломированной, наконец, «Псковитянки». Она непременно состоится, поскольку о ней хлопочет сам Самойлов — первый артист Александринского театра, загоревшийся желанием сыграть главную роль в будущем спектакле по драме Мая: что за роль, мечта всякого актера, истинный праздник, редкостный ныне на российской сцене. Как многоизвестен царь Иоанн у Мая, как притягателен в справедливости общечеловеческих устремлений и страшен в жестокой необузданности нрава! Попушкин высок в «Псковитянке» трагизм неразрешимости противоречий того времени — схватки интересов личных и государственных, накала гибельных страстей, обреченности борьбы псковской вольницы против Иоанна Грозного, движимого идеей объединения вокруг Москвы всех русских городов. Самойлов громово перекатывал полюбившуюся фразу из монолога царя Иоанна: «...в едином стаде единый пастырь» — и одаривал автора признанием, что-то после «Бориса Годунова» не было исторической драмы лучше, чем «Псковитянка»...

Однако хлопоты премьера Александрины не увенчались успехом. Цenzура не разрешила постановку, мотивируя запрет «Псковитянки» слишком верным описанием в ней эпохи царствования Иоанна Грозного и слишком живым изображением псковского веча и его буйной вольницы.

Май так и не увидит на сцене самое любимое выстраданное детище. Знал, что не увидит, что рухнуло последнее, еще соединявшее с жизнью прибежище пустых его мечтаний. Сердце чует: к нему не воротится Все, с чего обмарило оно... Все далеко теперь... Но далекую Пережил бы я ночь звездоокую — При надежде... А то — все темно.

В стихотворениях последних лет Май говорил о себе с горьким уничижением: «питерщик», «городская мышь», «пит чердака». Еле теплился на том чердаке готовый вот-вот погаснуть не грекий душу огонь семейного очага. Живым укором рядом — отстраненное бытие Софьи Григорьевны, презрительная жалость к нему, непризнанному стихотворцу, несостоятельному должнику, безалаберному нерадивцу, не умевшему доставить жене сколько-нибудь порядочных средств к существованию. Лишился самом излече, когда оставил «шаг до вечного покою» и не было уже ни сил, ни смисла таить неизбывную боль, вырвалось у Мая отчаянное: «поблюши ли меня, хотя в гробу, и, не кляня мой тленный труп, любовно взглянешь на крышку гроба?.. Да?.. Обманешь!» Может быть, не к одной жене обращался в этих строках Лев Александрович Май, а ко всей читающей Россию: «...поблюши ли меня?»

Все сильнее захлестывала петля холдного одиночества. Оставшаяся часть жизненного пути сужалась до никемной суетности повседневных забот о куске хлеба и охале дров — более ничего не виделось Май впереди...

Не принесла Льву Александровичу счастья Северная Пальмира. Старые знакомцы из числа московских литераторов полагали, что сие естественно, что истинный поэт не может быть счастлив в граде Петровом, подавляющем

всякое вдохновение, кроме казенного. Ведь и Пушкин мучился под этим белесым небом и рвался прочь: «Давно, усталый раб, замыслил я побег...» Льву Александровичу со временем завершения работы над «Псковитянкой» уже не писалось с бытым наслаждением. Прежняя радость и жажда творить являлась редкой гостью вместе с мечтами, уносившими в Москву, где все, решительно все — контраст холодно-официальному Петербургу... Видения прошлого оживали с пронзительной силой. Родные Хамовники, опоясанные синей лентой Москвы-реки; заливные луга и череда думяных огородов, зеленые переулки, весело сбегавшиеся к чугунной резной ограде, за которой высилась, дивно сияя пятью золотыми куполами, церковь Николы; родительский, удобный для жизни дом, а подле него неотлучно — Чур, беспородный невзрачный пес, объект постоянных насмешек гостей, единственный свидетель бессонных ночей любимого хозяина, «одинокого, упорного труда» позата...

Воспоминания были живее происхо-

дящего в действительности. Стихами становились розовые сны о минувших веснах, томительные грезы о чужих поместьях, где Мей доводилось гостить у добрых московских знакомых. Он еще вспомнил, словно по инерции, прежнее существование, обходя редакции в поисках заработка, но уже не помышлял о перемене участия. Вполне равнодушно отнесся к решению жены самой издавать журнал «Модный магазин» — Софья Григорьевна пожелала лично распорядиться деньгами, полученными под залог смоленского имения отца. И дела у нее — не в пример супругу — пошли хорошо. С начала 1862 года в семье Мей наступило относительное материальное благополучие. Да и граф Кушлев-Безбородко сдержал слово: начало выходить трехтомное собрание сочинений Мей.

Но судьба опоздала с милостями. «Никогда не берег себя», — писал впоследствии о друге Владимир Зотов, — не принимал никаких предосторожностей и, едва оправившись от болезни, потрясшей весь его организм, простудился и умер неожиданно». Возвращаясь

из редакции, Мей простудился, и 16 мая 1862 года его не стало. Кончина поэта осталась почти незамеченной, и число пришедших проводить его в последний путь до Митрофаньевского кладбища было весьма невелико. В петербургской литературной среде мало-людье траурной процесии отнесли на счет небывало холодной весны, напоминавшей позднюю осень с ее заморозками и мокрым снегом...

Когда-то, при первом знакомстве с жизнью и творчеством Льва Александровича Мея, мне показалось, что стечье печальных обстоятельств играет главенствующую роль в его судьбе. Так ли уж непредсказуемо и независимо от самого человека течение его судьбы, как это заметил мудрец Омар Хайям: «Небрежен ветер: в вечной книге жизни мог и не той страницей шевельнуть»? Не той — и безвременно обрывалась так много обещавшая жизнь...

Тогда же увиделась и пугающая закономерность, по которой уходили до срока лучшие поэты и писатели России и которую не объяснить было всего

лишь роковой небрежностью ветра, шевелящего «не той страницей». Кровавым пунктиром прочерчена история российской литературы. В череде невосполнимых утрат допушкинской поры едва ли не самая тяжелая — смерть гениального юноши Андрея Тургенева. Поэты падали, сраженные если не пулей, то «недугом бытия». Баратынский, Пушкин, Лермонтов, Блок, Есенин, Маяковский, а после них — чудовищный разгул сталинских репрессий, не оставивший даже могил «властителей дум»... До дна испили чаши страданий Ахматова и Пастернака, чаши, уготованную поэту на Руси. Истинный талант по природе раним, беззащитен и лишен житейской наступательной энергии. Поэтому и сегодня доли общества — защищать незащищенное свое художественное достояние нынешних ли, давно ли минувших лет, с рачительностью благодарного наследника высвобождала забытые имена из плена времени. Прислушайтесь: и сегодня летит к нам по ветру то единое слово, в котором слиты грусть и печаль, любовь, вера и надежда поэта Мея...

Лев МЕЙ

Не знаю, отчего так грустно мне при ней?
Я не влюблен в нее: кто любит, тот тоскует,
Он болен, изнурен любовию своей.
Он день и ночь в огне — он плачет и ревнует...
Я не влюблен... при ней бывает грустно мне —
И только... Отчего — не знаю. Оттого ли,
Что дума и у ней такой же просит воли,
Что сердце и у ней в таком же дремлет сне?
Иль от предчувствия, что некогда напрасно,
Но пылко мне ее придется полюбить?
Бог весть! А полюбить я не хотел бы страстно:
Мне лучше нравится — по-своему грустить.
Взгляните, вот она: небрежно локон выется,
Спокойно дышит грудь, ясна лазурь очей —
Она так хороша, так весело смеется...
Не знаю, отчего так грустно мне при ней?

1844

БАРКАРОЛА

Стихнул говор карнавала,
На поля роса упала,
Месяц землю серебрит,
Все спокойно, море спит.
Волны нянчают гондолу...
«Спой, синьора, баркаролу!
Маску черную долой,
Обойми меня и пой!..»
— «Нет, синьор, не скину маски,
Не до песен, не до ласки:
Мне зловещий снится сон,
Тяготит мне сердце он».
— «Сон приснился, что ж такое?
Снам не верь ты, все пустое;
Вот гитара, не тоскуй,
Спой, сыграй и поцелуй!..»
— «Нет, синьор, не до гитары:
Снилось мне, что муж мой старый
Ночью тихо с ложа встал,
Тихо вышел на канал,
Завернув стилет свой в полю
И в закрытую гондолу,—
Вон, как эта, там вдали —
Шесть немых гребцов вошли...»

1850

О ты, чье имя мрет на трепетных устах,
Чьи электрически-ореховые косы
Трещат и искрятся, скользя из рук впопыхах,
Ты, душечка моя, ответь мне на вопросы:
Не на вопросы, нет, а только на вопрос:
Скажи мне, отчего у сердца моего
Я сердце услыхал, не слыша своего?

Конец 1840-х или начало 1850-х

ЗНАЕШЬ ЛИ, ЮЛЕНЬКА

(Ю. И. Л(ити)ной)

Знаешь ли, Юленька, что мне недавно
приснился...
Будто живется опять мне, как смолоду жилося;
Будто мне на сердце веет бывальмы веснами:
Просекой, дачкой, подснежником, хмурьми
соснами,
Талыми зорьками, пеночкой, Невкой, березами,
Нашиими детскими... нет! — уж не детскими грезами!
Нет!.. уже что-то тревожно в груди колотилось...
Знаешь ли, Юленька?.. Глупо!.. А все же
приснился...

1860

В АЛЬБОМ

(Гр. Е. П. Растропчиной)

Я не хочу для новоселья
Желать вам нового веселья
И всех известных вам обнов,
Когда-то сшитых от безделья

Из красных слов.

Но дай вам бог под новым кровом
Стереть следы старинных слез,
Сломать шипы в венце терновом
И оградиться божиим словом

От старых гроз.

А если новые печали
На долю вам в грядущем пали,
Как встарь, покорствуйте творцу
И встретьте их, как встарь встречали,—

Лицом к лицу.

Пусть вера старая основой
Надежде старой будет вновь,
И, перезрев в беде суровой,
Пускай войдет к вам гостьей новой

Одна любовь.

Да: вечером пришло
Приписывать к былому полустишью;
Но сколько лет меж нами пронеслось,
Но как давно покровскому затишью
Я стал чужой, и как давно мы врозь?..
Не сельской я, а городской мышью,
По чердакам, не в зелени полей,
Гложу листы... печатанных статей.

Конечно, пища вовсе не дурная,
И много пользы от нее подчас;
Но все-таки, о прежнем вспоминая,
Я умственно не отводил бы глаз
От оных мест потерянного рая,
Где услаждали молодость не книги,
(Не Мильтона — могу уверить вас!),
А лес да луг с живою змейкой Скниги.

И точно: речка чудно хороша
По вечерам... Тогда жара отхлынет,
И, полной грудью на воду дыша,
Зеленый берег понемногу стынет;
То ветвь сосны, то стрелку камыша
Прозрачной тенью в воду опрокинет,
И тень за тенью — стройны и легки —
Лениво тонут в пурпуре реки.

Как весело тогда по косогору,
Промоиной песчаной, на коне
Взбираться вверх к темнеющему бору
И кланяться то ели, то сосне,
Чтоб веткою колючей, без разбору,
Не наклонялись, сонные, оне...
Но вот и гребень глинистый обрыва,
Багровый весь от зорного отлива.

И что за вид оттуда за рекой!
Не знаю — вам, а мне тоска скимала
Всю внутренность рукою ледяной,
Когда с обрыва я глядел, бывало,
Вниз на реку... Зато, о боже мой!
Рвалась вон душа и ликовала,
И призраком казалася печаль,
Когда смотрел я за реку, в ту даль...

В ту даль, где я оставил много-много
И радостей, и жизни молодой,
Куда вилась знакомая дорога...
Но я боюсь вам надеяться собой,—
Забылся я: простите, ради бога!
Мы с вами на обрывах за рекой...
Уже темно. Огни зажглись в избушках,
Заря погасла на лесных верхушках.

Под нами сетка из цветов и трав,
Весною опрокинутый стаканчик,
Льет запах ландыш, под кустом припав,
И мотыльком порхает одуванчик;
И, к холке ухо левое прижал,
Мотает мордой ваш гнедой Буянчик,
Упрямится — нельзя ль щипнуть травы,
Да не дают: его упрямей вы...

Хотя несколько боитесь, если ухо
Прижмет он к холке... А домой пора,
Пока росы нет на поле и сухо...
Вот лай собак с господского двора
И стук колес донесся нам до слуха:
К вам гости — и, наверно, до утра!
В галоп, Буянчик! право, опоздаем:
Чу! десять бьет — все общество за чаем...

1848 — конец 1850-х

ДЕРЕВНЯ

Посвящается
Надежде Дмитриевне П(оловце)вой

1

Они прошли, прошли, былье дни
Спокойствия вдали от шума света!
Когда ж опять вернутся к нам они?
Конечно, мы дождемся снова лета
И двадцати трех градусов в тени,
Но эта лень, невозмутимость эта —
Не верится, что вновь когда-нибудь
Мы усладим ей жизненный наш путь.

Я восставал на жизнь тех домоседов —
Помещиков, которые, как ай
В своем дупле, в углу отцов и дедов
Сидят весь век, чем их ни вызывай.
Теперь их лень я понял... Грибоедов
Давно сказал: «Деревня летом — рай!»
Да! в хорошо устроенных именьях
Блаженна жизнь, как в праведных селеньях.

Вы помните?.. Бывало, мы в саду
Сидим в тени; по листьям ветер жаркий
Лепечет что-то, как больной в бреду;
Над нами вяз темно-зеленой аркой
Спускается; луч солнца по пруду
Бежит струей чешуйчатой и яркой;
Рой пчел журчит на полевых цветах,
И воробы чирикают в кустах.

Сидим... В руках дымятся папиросы,
А лень курить — лениво ищет взор
Знакомых мест: вот нива, вот покосы,
Дорожка на зеленый косогор...
С малиной и клубникою подносы
Нетронуты стоят, и разговор
Чуть вяжется... не худо б прогуляться,
Да как с скамьей дерновою расстаться?
Вот вечером...

КАВЕРНЫ

столица 80

SOS!

В "ЗЕЛЕНЫХ ЛЕГКИХ"

Все мы знаем: зеленый пояс необходим городу, как легкие — человеку. Он формирует микроклимат, служит для отдыха, регулирует состояние воздушного бассейна. Сравнительно недавно представитель Госстроя СССР Г. Долгих сообщил в газете «Труд»: «В пределах защитной зеленой зоны запрещено строить жилые массивы и предприятия».

На словах все правильно. А что же на деле? Сегодня зеленый пояс Москвы относительно площади застройки **втрое меньше**, чем, например, у такого же гиганта, как Нью-Йорк. И продолжает уменьшаться!

Все экологические беды и проблемы сфокусировались сейчас в Солнцевском районе столицы. Он был создан в 1984 году на основе города Солнцева и прилегающих к нему земель. Создан волевым решением, без учета общественного мнения, несмотря на возражения Минздрава РСФСР и Госстроя РСФСР. В черте Москвы оказался массив между Боровским шоссе и Киевской железной дорогой — утопающие в зелени поселки и деревни Ново-Переделкино, Чоботы, Лазенки, Орлово и другие. Это решение было объяснено заместителем начальника ГлавАПУ Москвы О. А. Заленским следующим образом: «В Солнцеве и прилегающих к нему населенных пунктах расположены **целый ряд** (выделено нами. — А. Т. и И. И.) московских предприятий, где уже долгое время трудятся местные жители».

Но, во-первых, из этого объяснения ровным счетом ничего не следует. А во-вторых, если бы у нас присуждали призы за дезинформацию, то О. А. Заленский смело мог бы претендовать на Гран-при. Никаких предприятий в называемых поселках нет и никогда не было. Как нет их и рядом — в городке писателей. Зато здесь расположены интернат деятелей международного революционного движения, кардиологический детский пульмонологический санаторий.

Каков же смысл включения поселков в Солнцевский район? Удивительно прихотливо прошла граница нового района. Похоже, ответственный товарищ в Солнцевском райисполкоме, сидя с линеекой и калькулятором, просто подсчитывал количество жителей будущего района: для того, чтобы стать районом Москвы, необходимо набрать определенный минимум.

А в Солнцевском районе происходят трагедии. И общественные, и личные. Здешние леса и деревни зоны поселков принадлежат к первой категории — согласно Лесному кодексу РСФСР, они не могут быть уничтожены ни при каких обстоятельствах. Дома в поселках окружены великолепно разросшимися садами. Но разрушение природы продолжается! Над «регионом Переделкино» нависла угроза, которая становится серьезнейшей угрозой и для здоровья миллионов москвичей. Разрушение этой важнейшей части зеленого пояса уже начало. И если его не остановить, то эта часть «легких Москвы» будет уничтожена полностью. Тяжесть последствий ляжет на весь город, вызвав необратимые изменения. Зеленая зона на Юго-Западе — источник чистого воздуха для города. Район особенно важен для Москвы из-за господствующей розы ветров — они направлены с юго-запада. К тому же район этот расположен выше уровня Ленинских гор.

Однако именно «регион Переделкино» избрали проектировщики и строите-

ли как наилучшее (с их, конечно, позиций) место для гигантской стройки. Они, правда, обещали «уделить большое внимание мероприятиям, обеспечивающим охрану окружающей среды». Минуло пять лет. Поселок Новое Переделкино, деревни Терешково, Суково уже снесены. На огромной площади вместе с тенистых аллей, многолетних сосен и берез, ухоженных садов и цветников, аккуратных грядок с зеленью и овощами, ягодников, зеленых улиц — исковерканная бульдозерами безжизненная пустыня и голые коробки домов. На полутора тысячах гектаров строится целый город с населением 350 тысяч человек.

Вместо снесенного поселка Ново-Переделкино стоят многоэтажные дома, в которых жителям этого же поселка предоставлено 800 квартир. Им же выплачено 6 миллионов рублей компенсации. Это при том, что они протестовали, требовали, писали во все инстанции, просили их не трогать...

Сейчас строители ведут подобное «освоение территории» справа от Боровского шоссе. Какая злая ирония: именно там в далеком 1945 году школьники из поселка Чоботы вышли на массовые субботники — тогда на всю страну прозвучал их призыв «Украсим Родину садами!». Сразу же за зданием Чоботовской средней школы, вплотную к Боровскому шоссе еще растет лесок, посаженный их руками. Близ шоссе он уже задел строителями. Кстати, здешние столетние деревья в годы войны, когда в печках сгорали мебель и библиотеки, не пошли на дрова. Люди пощадили их. Неужели сейчас мы уничтожим то, что было сохранено?

И все же, почему именно здесь решено развернуть строительство?

Жилые кварталы Солнцева могли бы вырасти в других местах — на пустырях у Московской кольцевой дороги, близ Востряковского кладбища, севернее от станции Солнечная и т. д. Почему избрано Переделкино?

Возникают и крайне сложные экономические проблемы. Расползание города приведет к резкому удорожанию строительства: увеличивается протяженность инженерных коммуникаций, дорог, увеличивается парк общественного автотранспорта. По мнению специалистов, Солнцево не принадлежит к районам, перспективным для массовой застройки. А транспортную проблему для строящегося района решить, в сущности, невозможно: ни Юго-Западный, ни Кунцевский радиусы метро, ни Киевская железная дорога принять огромный дополнительный поток пассажиров просто не в состоянии — их пропускные способности исчерпаны.

Некоторые товарищи предлагают нашиговать «легкие Москвы» промышленными предприятиями, превратив тем самым оторванный от города «спальный» район в индустриальный. Смеем достаточно квалифицированно заверить: нет «экологически чистых» предприятий, которые можно размещать в зеленом поясе. Будь то бензоколонка или совместное полиграфическое предприятие «Бурда-Моден», которое намечено возвести в Солнцевском районе около деревни Орлово. Любое

Александр ТАМБИЕВ,
кандидат биологических наук,

Иван ИВАНОВ

производство, даже просто строительство, необратимо воздействует на природу. Единственный выход — искать площади внутри кольцевой автодороги. Каждый москвич наверняка не раз видел огромные пустыри и свалки в столице, растянувшиеся на многие километры гигантские базы и склады в однотажном исполнении, чистые поля между новыми микрорайонами.

Расползание города в сторону аэропорта Внуково противоречит шумовым нормам и приводит к необходимости цепного ряда дорогостоящих мероприятий.

Но в Главмосстроем об этом, видимо, и не думают. Там торопят строительство, проявляя ведомственное рвение. Торопят, не понимая (еще хуже, если понимают!), какие последствия вызовет уничтожение зеленого пояса. Ведомственные амбиции вновь оказываются сильнее здравого смысла, сильнее просьб учёных, писателей, широкой общественности.

И цели, и логика строителей не представляют секрета. Застройку сплошным фронтом в поле вести гораздо проще, нежели строить и реконструировать жилье в самом городе. Потому едва прорываются работы по реконструкции в центре Москвы, где многие дома стоят необитаемыми по пять — семь лет. И это при острой нехватке жилья!

Тактика такая: пока не утвержден Генеральный план развития Москвы, пока его еще обсуждают, — построить как можно больше, поставив всех перед свершившимся фактом. Мол, вложено энное число миллионов; повернуть уже поздно, надо продолжать.

Все делается так, будто не существует известных всем архитекторам и строителям «Строительных норм и правил», в которых говорится: «расположенные в пределах зеленой зоны населенные пункты не подлежат дальнейшему территориальному развитию». Как будто не существует Земельного кодекса РСФСР, по которому «земли зеленых зон подлежат особой охране», на них можно строить лишь то, что защищает зону.

Уже закончился самый зловещий этап строительства: механизаторы содрали природный слой земли на полях совхоза «Московский» вплотную к поселкам Чоботы, Здоровый отдых. Здесь должны встать четыре микрорайона величиной с рабочий город. И два уже почти возведены, а два следующих строятся.

Лесопарковый защитный пояс перестанет существовать, потому что его разрежут дороги, коммуникации, искромсят различные вспомогательные службы. Обесценятся находящиеся здесь детские сады, пионерлагеря, санатории, пансионаты, больницы. Переделкино перестанет быть подмосковным курортом.

А Моссовет занял, мягко говоря, одностороннюю позицию. Он учитывает только выполнение программы массо-

вого жилищного строительства, но совершенно игнорирует то, какими средствами эти цели достигаются. А в данном случае в жертву приносится зеленый пояс. И это несмотря на то, что даже архитекторы признают факт совершившейся в Переделкине еще одной градостроительной ошибки! (См. журнал «Архитектура и строительство», ноябрь 1988 г., статья «Переделкино. Еще один спальный район».)

Нынешнее строительство в Переделкине серьезно нарушит и водный режим этого района, загрязнит реку Сетунь, которая впадает в Москву-реку выше Лужников. Планируется построить ряд опасных в экологическом отношении объектов. Зaproектированные водохранилища не решают проблемы, так как в период весеннего половодья и при сильных ливнях часть стоков все равно будет попадать в реку. О реальности и последствиях подобной опасности свидетельствует не столь давнее загрязнение питьевых вод Рублевского водохранилища, нанесшее ущерб здоровью миллионов москвичей.

Сетунь и так уже загрязнена отходами животноводческих ферм, нефтепродуктами солнцевской автобазы. Положение усугубят канализационный коллектор, который прокладывается вдоль исключительно живописной поймы Сетуни около станции Переделкино: вблизи русла уже построены шахты, подъездные дороги и многое другое. Сетунь окажется окруженной многоэтажными домами. Огромная концентрация людей и транспорта создаст перенагрузку на природу. Нужна дополнительная буферная зона шириной не менее 500 метров. Роль такой зоны могут выполнить расположенные там утопающие в зелени поселки Чоботы и Здоровый отдых. Иначе судьба Сетуни предрешена.

Проект застройки сохраняет сам городок писателей, но полностью уничтожает живописные окрестности, весь регион. Сегодня, в условиях перестройки, нельзя келейно, без учета мнения учёных и общественности, создавать и осуществлять проекты, разрушающие экологическое равновесие. И поэтому учёные-экологи, журналисты, многие писатели, широкая общественность предлагаются, требуют остановить строительство в Солнцевском районе с правой стороны Боровского шоссе. Это еще не поздно сделать в отношении 12-го и 13-го микрорайонов.

Оставшуюся пока не тронутой часть зеленого пояса еще можно сохранить. Ее спасет только статус комплексного ландшафтно-исторического и бальнеологического заказника. С подобным предложением выступили недавно и специалисты из «Моспроекта-3».

Зеленый Юго-Запад — залог экологически здоровой столицы. Наша жизнь, жизнь наших потомков должна перевесить сиюминутные и весьма сомнительные выгоды.

Хотя солнечную погоду я безоговорочно предпочитаю ненастной, выходить на улицу приходится, увы, в любую. Так и в этот дождливый вторник у меня было дело, и, нацепив на плечи чужой плащ, который предстояло отдать владельцу, я покинул дом Ниро Вульфа на Вест-стрит, 35, Барроу, Манхэттен, и направился вниз по Гринвич Виллидж к Арбор-стрит.

По обеим сторонам Арбор-стрит тянулись кирпичные дома, в основном четырехэтажные. Номер 29 ничем из них не выделялся.

Я приблизился к нему, но внутрь не вошел. У подъезда стояла полицейская машина, и страж порядка с важным лицом спрашивал у собравшихся зевак:

— Чья это собака?

Он, очевидно, имел в виду стоявшее рядом с ним животное с влажной черной шерстью. Я не слышал, чтобы кто-нибудь заявлял свои права на собаку — возможно, потому, что в этот момент мое внимание отвлекла подъехавшая машина, из которой вылез мужчина в штатском. Он небрежно кинул полицейскому и скрылся за дверью дома № 29.

Сказать, что я знал этого человека, было бы мало. Присутствие сержанта Пурли Стеббиса недвусмысленно указывало на наличие в доме покойника. Представляю, что последовало бы, попроси я разрешения войти и обменяться плащами с одним типом, который здесь жил и, уходя от Вульфа, прихватил по ошибке мой. Мое появление на месте происшествия пробудило бы самые худшие инстинкты Пурли, и я мог запросто не попасть домой к обеду.

Когда я проходил мимо полицейского по узкой мостовой, он метнул на меня строгий взгляд и спросил:

— Это ваша собака?

Пес потерся о мое колено. Я остановился, погладил его по влажной черной голове, а затем, заверив полицейского, что собака не моя, двинулся дальше.

Порядком отмахав, я вновь заметил ту собаку. Моя рука машинально потянулась к ее голове, но вовремя остановилась. Досадно. Она явно признала во мне друга и, судя по всему, намеревалась идти за мной. Только я решил отвести пса в общество собаководов, чтобы там по ошейнику установили владельца, как из-за угла налетел смерч и сорвал с меня шляпу.

Я не люблю рискованных цирковых номеров, но на эту собаку стоило посмотреть. Она прошмыгнула перед большим грузовиком, смахнув хвостом пыль с бампера, выскочила буквально из-под колес легковой машины, искусственным маневром ушла от другой и оказалась на противоположной стороне улицы, где выхватила шляпу прямо из-под ног какого-то толстяка. Обратный переход хоть и не сопровождался скрежетом тормозов и руганью водителей, но был таким же впечатляющим. Через минуту она стояла передо мной, гордо подняв голову и виляя хвостом. Шляпа выглядела довольно

— Сию минуту, сэр. Большую часть времени я могу держать ее у себя в комнате, но она, конечно, будет проходить по лестнице через холл, когда я буду выводить ее гулять. Зовут ее Ниро, что, как известно, означает «черный». Но если вам не нравится, имя можно изменить. Например, Эбон, или Джет, или Черныш, или...

— Вздор!

— Простите, сэр. Я ведь так одинок, особенно в те часы, которые вы проводите в оранжереи. У вас есть орхидеи, у Фрица — супы из морских черепах, у Теодора — его длиннохвостые попугаи... Так почему бы мне не завести собаку? Правда, кличу придется изменить, сейчас она зарегистрирована как Чемпион Ниро из Бантискута.

Я ожидал всего, но только не того, что произошло. Вульф покинул свое излюбленное кресло и склонился над псом с выражением, которое он никогда не дарил кому-нибудь из человеческих существ, включая меня.

— Это лабрадор, — изрек он.

— Да, сэр. Я считаю, что частный детектив без собаки — уже не детектив.

— У лабрадора, — поучительно продолжал Вульф, — череп шире, чем у любой другой собаки, и мозг крупнее. Похищена эта создание, ты учить, какие беспорядки повлечет оно в доме?

Я узнал кое-что новое об этом большом толстом гении: он бы не возражал против собаки, но только при условии, что ответственность за нее беру на себя я. Таким образом, он останется в стороне и при соответствующем настроении может брюзжать и проявлять недовольство — мною...

Я дал задний ход.

— Пожалуй, нет. Что ж, придется отказаться...

— Но я не хочу противоречить твоему желанию, — настаивал Вульф. — Лучше мириться с собакой в доме, чем с твоей кислой физиономией... Откуда пес?

Я сел за стол и описал все как можно более подробно. К концу повествования Вульф знал, что Ниро действительно мною похищен, но промолчал.

— Назовем его Джет, — произнес он после долгой паузы.

Рекс СТАУТ

"Всех, кроме нас, в полицию!"

грязной и, мягко выражаясь, влажной, но я решил не обижать пса и надел ее. Это решило исход дела. Я подозвал такси, посадил рядом с собой собаку и дал водителю адрес Ниро Вульфа.

— Где тебя черти носили? — брюзгливо спросил Вульф. — Мы собирались в шесть начать работать, а сейчас уже четверть седьмого.

Его глаза, наконец, оторвались от книги.

— Что это? — гробовым голосом произнес он, указывая на моего компаньона.

— Собака.

— Вижу. Немедленно убери ее! Я не расположен шутить.

Я потянулся к телефону.

— Позвоню в общество собаководов, пускай забирают.

— Нет. Есть вариант получше. Позвони кому-нибудь приятелю в полицию, дай номер ошейника и попроси установить владельца. С ним и свяжешься напрямую.

Он тянул время. Могло случиться, что владелец мертв, или сидит в тюрьме, или не хочет брать собаку обратно, и тогда Вульф сможет оставить ее себе. Не желая спорить, я позвонил знакомому сержанту, и тот пообещал сообщить, когда что-нибудь узнает. Вошел Фриц и пригласил нас обедать.

Обед был, как всегда, восхитительным, однако события последующей пары часов оказались не столь приятны.

Мы с Вульфом сидели в кабинете над списками любителей орхидей, когда в десять тридцать раздался дверной звонок. Я прошел в холл, включил свет и, заглянув в глазок, увидел знакомую фигуру инспектора Крамера.

Приотворив дверь, я вежливо осведомился:

— Ну, чего?

— Я хочу видеть Вульфа.

— Уже поздно. По какому поводу?

— По поводу собаки.

Ни один гость, особенно блюститель порядка, не может пройти в кабинет без предварительного позваления Вульфа. Но этот случай казался исключительным. Секунды две я раздумывал, потом широко распахнул дверь и сердечно пригласил:

— Заходите.

— Выражаясь точнее, — сказал Крамер, во всем любивший ясность и определенность, — информацию я бы хотел получить от Гудвина.

— Зачем ты привел его сюда?! — вознегодовал Вульф.

За меня ответил Крамер:

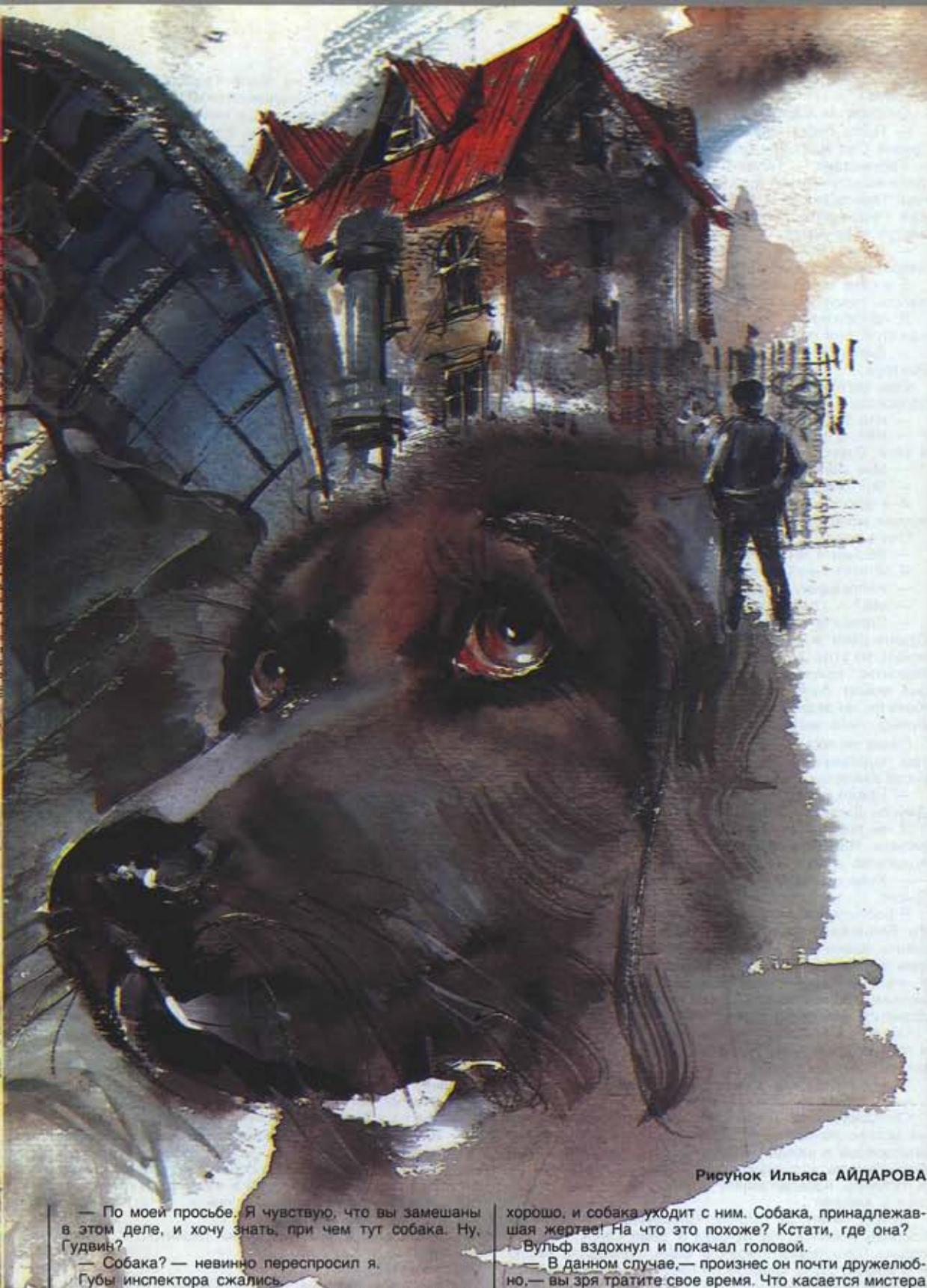

Рисунок Ильяса АЙДАРОВА

— По моей просьбе. Я чувствую, что вы замешаны в этом деле, и хочу знать, при чем тут собака. Ну, Гудвин?

— Собака? — невинно переспросил я.

Губы инспектора скривились.

— Хорошо, объясню. Вы звонили в полицейский участок, дали номер и просили выяснить владельца собаки. Когда сержант узнал, что владельцем был некий Филипп Кампф, убитый сегодня днем в доме № 29 по Арбор-стрит, он сообщил об этом нам, в бригаду по расследованию убийств. Стоявший на посту у дома полисмен доложил: пес ушел за человеком, заявившим, что не имеет на него никаких прав. После звонка из участка полисмену показали вашу фотокарточку, и он вас опознал. Сейчас он ждет в машине. Позвать?

— Нет, спасибо, не настаиваю.

Собака ушла за вами.

Я скромно потупил глаза.

— За мной ходят собаки, за мной ходят девушки, иногда за мной ходят даже ваши филеры. Что поделешь...

— Не ломайте комедию. Собака принадлежит убийству, а вы увели ее с места преступления. Где она?

Тут вмешался Вульф. Его голос был спокоен, но тверд.

— Вы обвиняете мистера Гудвина совершенно беспочвенно. Он вовсе не «увел» пса. Рекомендую вам сменить тон.

Вульф проявляет снисходительность — чудеса, да и только!

— Я знаю одно. — упорно гнул свое Крамер. — Человек по имени Ричард Миган, проживающий в том доме, уверяет, что утром был у вас и что вы отказались заниматься его делом. — Крамер поскреб подбородок. — Чуть ли не свидетель преступления признает, что обращался к вам!.. Дальше. Через полчаса после убийства на месте появляется Гудвин и похищает... Ну,

она может ответить на ваши вопросы. К тому же я не желаю, чтобы она ревнивала в моем кабинете.

— Я тоже.

— Так зачем она здесь нужна?

— Я ее забираю. Нам нужно кое-что проверить.

Вульф поджал губы.

— Вряд ли это возможно. Мистер Гудвин, подобрав собаку без хозяина и, предположительно, без кровя, взял на себя определенные обязанности и должен их выполнить. Ее придется держать у нас, пока мистер Гудвин не удостоверится в ее будущем благополучии. Разве не так, Арчи?

Будь мы одни, я бы, разумеется, высказался, однако присутствие Крамера меня стесняло.

— Совершенно верно, — согласился я.

— Вот видите, — с прискорбием обратился Вульф к инспектору, — собаке придется остаться у нас.

— Чепуха. Я забираю пса.

— Неужели? У вас есть предписание? Ордер на арест, как важного свидетеля?

Крамер сначала открыл рот, потом закрыл, сплевав пальцы перед собой и подался вперед.

— Послушайте. Кампф — человек, которого убили, — жил на Перри, неподалеку от Арбор-стрит. Он пришел в дом № 29, держа свою собаку на поводке, в 5.20 вечера. Дворник Олсен — он живет внизу — в то время смотрел в окно и видел, как десять минут спустя собака выбежала уже без поводка, а вслед за ней появился человек. Его имя — Виктор Таленто, адвокат, хозяин квартиры на втором этаже. Таленто утверждает, что направлялся на деловую встречу и, обнаружив в холле собаку, выгнал ее, приняв за бездомную. Таленто ушел, а собака осталась на улице.

Крамер расцепил пальцы и откинулся на спинку кресла.

— Еще через двадцать минут Олсен услышал, что кто-то выкрикивает его имя, и вышел в холл. Там были двое — живой и мертвый. Живой — это Росс Шеффи, художник, он снимает студию на пятом этаже. А мертвый — человек, пришедший туда с собакой. Его удалили поводком. Шеффи говорит, что обнаружил труп случайно, когда спускался по лестнице, и ничего больше знать не знает. Он оставался там, пока Олсен ходил звонить. Патрульная машина приехала в 5.58. Сержант Стеббинс — в 6.10. Гудвин — в 6.10. Исключительное совпадение, не правда ли?

Вульф хмыкнул.

Крамер продолжал:

— Поводок лежал у Кампфа в кармане плаща. В лаборатории установили, что Кампфа им и задушили. Все четверо квартиросящиков в то время находились у себя: Виктор Таленто, адвокат, второй этаж; Ричард Миган, ваш знакомый, третий этаж; Джером Алан, актер ночного клуба, четвертый этаж; и Росс Шеффи, художник, пятый. Алан утверждает, что спокойно спал, пока мы до него не добрались. Миган говорит, что ничего не слышал и ничего не знает.

Крамер вновь наклонился вперед.

— Так что же произошло? Кампф пришел к кому-то из этих четырех. Возможно, войдя в дом, он снял поводок с собаки и оставил ее в холле, хотя лично я в этом сомневаюсь. Скорее, собака присутствовала при убийстве. Нам следует отвести пса в дом и посмотреть, к какой двери он подойдет. Что мы сейчас и сделаем. В моей машине сидит проводник.

Крамер поднялся.

Вульф покачал головой.

— Вы упомянули, что мистер Кампф жил на Перри-стрит. Вместе с семьей?

— Нет. Он — холостяк, писатель; был неплохо обеспечен и мог позволить себе не искать заработка.

— Итак, собака осталась без хозяина. Она у тебя, Арчи?

— Да, сэр.

Я поднялся и направился к двери, однако Вульф остановил меня.

— Поднимись к себе в комнату, запри дверь и оставайся там, пока я тебя не позову. Иди!

Я вышел. Ничего другого не оставалось: мне еще рано уходить в отставку. Кроме того, Вульф поступал очень мудро, раз уж решил не отдавать собаку. Одно дело, если я физически остановлю Крамера, и совсем другое, если он будет ломиться в запертую дверь.

Тяжелый топот Крамера раздался в холле, и хлопнула наружная дверь.

Я крикнул:

— Все в порядке?

— Нет! — Донесся в ответ звериный рык. — Подожди, пока я запру! Вот теперь все.

Когда я спустился, Вульф уже сидел в своем кресле за столом.

— Хорошенько дельце! Назло мне притаскиваешь в дом собаку, и вот вам результат!

Я сел и спокойно произнес:

— Во-первых, кашу заварили вы. И вы же отрезали путь к отступлению, поругавшись с Крамером, когда узнали, что собака осталась без хозяина и, следовательно, ее можно не отдавать... А если завтра полиция явится за ней с предписанием?

Он обмяк в кресле и закрыл глаза.

— Исходя из информации Крамера, — изрек он, — дело не представляет особой трудности.

Я молчал.

— Если его быстро закончить,— размышлял он,— интерес к собаке у полиции пропадет. Значит, простейший способ решить проблему — найти убийцу мистера Кампфа. Надо немедленно этим заняться. К счастью, у нас есть предлог — ты можешь пойти к Мигану обменяться плащами. Впрочем, тут я целиком полагаюсь на тебя.

— Польщен и покорно благодарен,— едко бросил я.— Клиента нет, денег нет... Ничего нет, кроме собаки с хорошо развитым черепом.

Отпустил такси на угол Арбор-стрит, я направился к дому № 29, держа плащ в руке. Дом был погружен во тьму, лишь сквозь занавески на втором этаже пробивался свет. Решил не заходить к Виктору Таленто, жившему на втором этаже, я прислонился к пожарному гидранту и стал ждать.

Не успел я пару раз сменить позу, как свет за занавесками погас, и из подъезда вышел мужчина. Он искаса взглянула на меня и зашагал по улице.

Вряд ли кому-нибудь из обитателей дома позволят сегодня гулять по городу без присмотра. И точно. Едва мой знакомый отошел на тридцать шагов, как из подворотни напротив возникла фигура и направилась вслед за ним. Я неодобрительно покачал головой. Надо было выждать по меньшей мере еще шагов десять. Сол Пензэр дал бы и двадцать, но Сол — самый лучший «хвост» в мире.

Пока я критически наблюдал за событиями, ко мне пришла одна мысль. Ведь Мигана могли задержать в полиции еще на час или на два, а может быть, он уже спит. Во всяком случае, мне представляется возможность за что-то ухватиться. На следующем перекрестке я догнал своего подопечного и, не обращая внимания на филера, околачивающегося на противоположной стороне, спросил:

— Виктор Таленто?

— никаких интервью,— сказал он, не замедляя шага.

— Спасибо за комплимент,— ответил я,— но я не из газеты. Меня зовут Арчи Гудвин, я работаю на Ниро Вульфа. Если вы на секунду остановитесь, я покажу вам свои документы.

— Меня не интересуют ваши документы.

— Ну, хорошо. Если, конечно, вы вышли подышать свежим воздухом, они вас не интересуют. В ином случае... Пожалуйста, не обращайтесь, полиция установила за вами слежку.

— Очень любопытно,— признал он, не меняя темпа.— Теперь вы выполнили свою норму добрых дел на сутки?

— Видите ли, именно сейчас добрые дела творят мистер Вульф: исключительно ради практики он расследует убийство. Я подумал, что моя помощь могла бы вызвать у вас взаимное теплее чувство. Если хотите сохранить в тайне цель прогулки, вам мог бы пригодиться совет специалиста.

Мы остановились под фонарем, и я вытащил бумажник.

— Разумеется, я понимал, что за мной могут следить,— произнес мистер Таленто,— и собирался принять меры предосторожности. Но, к сожалению, у меня нет опыта. На кого работает Вульф?

— Не знаю. Он говорит, что нуждается в практике.

В свете уличного фонаря я мог хорошо видеть своего собеседника: на дюйм ниже меня, чуть постарше, и уже с наметившимся брюшком.

— У меня встреча,— сообщил Таленто.

Я ждал.

— Мне позвонила женщина, и мы договорились. Телефон, наверное, прослушивался.

— Сомневаюсь. Вряд ли до этого дошло.

— Будем надеяться. Женщина никак не связана с убийством, так же, впрочем, как и я, но каждый, с кем я встречаюсь, автоматически включается в круг подозреваемых. Я не имею права ставить ее в затруднительное положение. И не уверен, что сумею избавиться от филера.

Я ухмыльнулся.

— И от меня.

— Как, вы тоже хотите следить за мной?

— Разумеется. Для практики.

Он не принял моей шутки.

— Вижу, вы заслужили свою репутацию, Гудвин... Эря потратите время. Эта женщина не имеет никакого отношения к преступлению. Но я сам виноват, назначив встречу в трех кварталах отсюда. Вероятно, вы желаете передать ей, что я не приду, так?

— Почему бы и нет, раз уж так близко. Если вы в благодарность заглянете потолковать к Ниро Вульфу. Вот что я имел в виду под взаимной признательностью.

Он задумался.

— Не сегодня.

— Тогда завтра в одиннадцать?

— Пожалуй.

— Отлично.— Я дал ему адрес.— Теперь посвятите меня в детали.

Таленто вытащил из кармана солидную пачку банкнот и сунул мне двадцать.

— Раз вы действуете как мой агент, то имеете право на вознаграждение.

Я снова улыбнулся.

— Блестящая идея для адвоката. Увы, я оказываю

вам услугу и взамен ожидаю услуги от вас. Так где встреча?

Он спрятал купюру.

— Пусть будет по-вашему. Женщину зовут Джузель Джонс. Она ждет или будет ждать на углу Кристофер и Гроув-стрит.— Таленто взглянул на часы.— Мы должны встретиться в полночь. Среднего роста, изящная, темноволосая и темноглазая и очень хорошенькая. Расскажите, почему я не пришел, передайте, что завтра я ее найду.

— Ладно. Вы бы, пожалуй, прогулялись в другом направлении... И не оглядывайтесь.

В восемь минут первого на углу Гроув-стрит остановилось такси, и из него вышла женщина.

Я приблизился. Свет мог бы быть и пурпурный, но, кажется, она подходила под описание.

— Джонс?— Она вздрогнула, и я добавил:— От Виктора.

Она взглянула мне в лицо и немного испуганно спросила:

— Кто вы?

— Нет, сперва вы. Я ведь могу досчитать до десяти и уйти. Один, два, три...

— Мое имя Джузель Джонс. Его — Виктор Таленто.

— Вот теперь правильно.

И я рассказал ей все, включая, конечно, полную версию моей встречи с Таленто, мое имя и положение.

Она шевельнулась и опустила руку на мой локоть.

— Возьмите мне такси.

Я остался непоколебим.

— Непременно, сударыня. Мы едем к Ниро Вульфу.

— Мы?— Она убрала руку.— Вы с ума сошли!

— Спросите любого, и вряд ли с вами согласятся. Судите сами, вы с Таленто договариваетесь о встрече ночью, на углу, как будто опасаетесь, что вас увидят. Вероятно, причина тому очень веская. Признаю, что она может быть не связана с убийством Филиппа Кампфа, но ведь и отрицать этого нельзя. Итак, либо Вульф, либо милый сержант Стеббинс.

Глаза ее вспыхнули, словно острый кинжал, но затем подобрались, и в них засияла нежность. Она снова взяла меня за локоть, на сей раз обеими руками.

— Предпочитаю иметь дело с вами,— прошептала Джузель Джонс.— Отведите меня куда-нибудь.

И мы пошли, причем убрать руку она, естественно, забыла. На Седьмой авеню я поймал такси и сказал водителю адрес.

— Куда мы едем?— требовательно спросила мисс Джонс.

Я растолковал, что мы направляемся к Ниро Вульфу. Бедняжка не знала, что делать. Ругаться бессмысленно. Кричать? Я просто отвезу ее в полицию. Лучшим вариантом было бы соблазнить меня, и, если бы у нее было время для настоящей кампании — часа, скажем, три или четыре, — она определенно могла бы добиться успеха. Для этого у нее были все данные.

Но времени просто не хватило. Такси подкатило к тротуару, я вышел, подал ей руку и проводил к двери. Нам отворил Фриц.

— Мистер Вульф у себя?— спросил я.

— В кабинете.

Он одарил мисс Джонс взглядом, которым смотрел на всякую женщину, попадавшую в наш дом, смутно подозревая в каждой из них ведьму, способную подбить Вульфа к супружеству. Я попросил отвести ее в гостиную, повесил шляпу и плащ на вешалку и прошел в кабинет.

Вульф читал за столом. Свернувшись калачиком посреди комнаты, на лучшем в доме ковре, лежала собака. Она приветствовала меня, приподняв морду и усиленно стуча хвостом об пол. Вульф ограничился невнятным мычанием.

— У нас гость,— сообщил я ему.— Прежде чем представить ее...

— Ее? Но в том доме живут одни мужчины!.. Только ты мог выкопать там женщину.

— Что ж, если вам угодно, отпустим... Вот как она мне попалась.— И я рассказал все без лишних подробностей, но и не упуская ничего важного.— Я, конечно, мог бы побеседовать и сам, но это чрезесчур рискованно. За каких-то шесть минут поездки в такси она заставила почувствовать к ней... братское расположение.

— Ладно, давай ее сюда.

Я открыл дверь в гостиную и пригласил:

— Пожалуйста, мисс Джонс.

Она вошла и, проходя мимо, одарила меня грустной улыбкой, которая разбила бы мое сердце, если бы не одно обстоятельство: пес внезапно вскочил на ноги и с явной радостью бросился к ней, размахивая хвостом, как пропеллером.

— В самом деле...— заметил Вульф.— Здравствуйте, мисс Джонс. Я — Ниро Вульф. Как зовут собаку?

Надо отдать ей должное. Присутствие пса явилось для нее полной неожиданностью, но без всяких признаков волнения она потрепала его по загривку и усилась в красное кресло.

— Забавный вопрос,— сказала она.— Спрашиваете меня, как зовут вашу собаку?

— Фе,— Вульф был разочарован.— Из того, что сообщил мне мистер Гудвин, я полагал, что вы займете следующую позицию: заявите, что причиной вашей встречи с мистером Таленто является личное дело

и что вы либо совсем не знали Кампфа, либо знали только понаслышке. Поведение собаки это исключило. Пес, как видно, узнал вас, а ведь он принадлежал покойному. Значит, и вам был знаком мистер Кампф. Если вы попытаетесь отрицать это, мистер Гудвин и другие опытные люди начнут копаться в вашем прошлом и настоящем, а это, согласитесь, в высшей степени нежелательно... Как зовут собаку?

Она пристально посмотрела на меня, я ответил ей тем же. Здесь, при ярком свете, я удивился сдержанности Таленто, назвавшего ее просто «очень хорошенькой». Причем надо учсть, что думала она сейчас вовсе не о своей внешности.

Колебания длились несколько секунд.

— Черныш.

Собака у ее ног вскинула голову и завиляла хвостом.

— О, боже...— пробормотал Вульф.— Неужели нельзя было придумать ничего пооригинальнее?

— Другого имени я не знаю.

— Вас зовут Джузель Джонс?

— Да. Вообще я пою в ночном клубе, но сейчас не работаю.— Она сделала очень милый жест, но, обращенный к Вульфу, он пропал зря.— Поверьте, мистер Вульф, об убийстве мне ничего не известно, иначе я с радостью бы все рассказал.

— Мистера Кампфа вы знали интимно?— сухо спросил Вульф.

— Да,— она улыбнулась.— Некоторое время. Кроме последних двух месяцев.

— Поскориесь?

— О, нет. Просто перестала с ним встречаться. У меня появились другие... интересы.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Около двух недель назад, в клубе.

— Кто, по-вашему, мог его убить?

— Понятия не имею.

Вульф откинулся на спинку кресла.

— С мистером Таленто вы близко знакомы?

— Нет, если вы имеете в виду... Конечно, мы были друзьями. Я раньше жила там, на третьем этаже.

— Долго?

— Около года. Я съехала... минутку... три месяца назад. У меня маленькая квартирка на Сорок девятой.

— В таком случае вы знаете остальных — мистера Мигана, мистера Шеффи, мистера Аланда?

— Я знаю Росса Шеффи и Джерри Аланда, но не Мигана. Кто это?

— Он живет на третьем этаже.

Она кивнула.

— А, мои бывшие владения... Надеюсь, он укрепил тот вечно шатающийся стол... Вот одна из причин, почему я съехала,— не люблю меблированных комнат. А вы?

Вульф поморщился.

— В принципе тоже. Итак, насколько я понимаю, теперь у вас собственная мебель. Помощь мистера Кампфа?

Мисс Джонс рассмеялась, в глазах ее запрыгали искры.

— Я вижу, вы плохо знаете Фила.

— Мистера Шеффи? Мистера Аланда?

— Нет и нет.— Она продолжала очень искренне.— Послушайте, мистер Вульф. Это подарок одного хорошего друга. Мистер Гудвин сообщил мне, что вас интересует убийство, а не копание в куче грязного белья, так давайте оставим мебель в покое.

Вульф не стал настаивать.

— Ваше сидение с мистером Таленто... С какой целью?

Она кивнула.

— Я думала об этом, то есть думала, что ответить на такой вопрос. Я позвонила ему, услышав по радио об убийстве Фила.

— Зачем такая таинственность... перекресток?

Мисс Джонс рассмеялась.

— Ну, мистер Вульф... Вы ведь спрашивали о мебели? Так зачем, чтобы меня видели с Виком Таленто?

Вульф поддержал ее до двух: он не уличил ее и не загнал в угол. На Арбор-стрит она не была два месяца. Давно не встречалась с Шеффи, Аланом, Таленто, не говоря уже о Мигане, которого вообще не знала. Она даже предположить не могла, кто убил Кампфа. Единственное, что могло заинтересовать Вульфа,— сообщение, что не осталось ни одного человека, способного предъявить права на Черныша. О наследниках Джузель ничего не слышала.

Когда она встала с кресла, собака тоже поднялась. Я проводил мисс Джонс, усадил ее в такси и вернулся.

— Где Черныш? — поинтересовался я.

— Внизу у Фрица. Он будет спать там. Ты его не любишь.

— Это неправда, но как вам будет угодно. Теперь уж вы не сможете винить меня. Так или иначе, завтра его все равно заберет полиция.

— Они не придут.

— Ставлю двадцать против одного, что они будут здесь еще до полудня.

Вульф кивнул.

— Приблизительно так рассуждал и я, поэтому, пока тебя не было, я позвонил Крамеру, и мы с ним заключили договор. В девять утра ты вместе с собакой должен быть на Арбор-стрит. К полудню приве-

зешь собаку обратно. Полиция обязуется не трогать ее в течение следующих суток. В том доме ты сможешь найти кого-нибудь более разговорчивого, чем обворожительная Джузель Джонс...

Было прекрасное солнечное утро. Я не захватил с собой плащ Мигана: на сей раз никакого предлога не требовалось, да и вряд ли бы мне представилась возможность обменяться.

Блюстители порядка уже ждали. Я сказал проводнику — коренастому, средних лет мужчине в штатском, — что пса зовут Черныш, и предупредил, передавая поводок:

— Если он вас укусит, пеняйте на себя.

— Не укусит. Так, Черныш? — Проводник похлопал собаку и начал с ней знакомиться.

Зычный рев потряс мои барабанные перепонки. Вмешался сержант Пурли Стеббингс:

— Ему следовало укусить тебя, когда ты его крал.

Я повернулся. Пурли был на полдюйма выше и на два дюйма шире меня.

— Ты все перепутал, — заметил я. — Укусы мне наносят только женщины. Зато интересно, какая муха кусает тебя то и дело.

Мы продолжали обмен любезностями, а проводник — его звали Ларкин — устанавливал дружеские отношения с Чернышом. Скоро он объявил, что можно приступить.

Пурли разъяснил обстановку.

— Судя по всему, вот как это происходило. Зайдя в дом, Кампф снял с собаки поводок и держал его в руке, подходя к двери одной из квартир. Хозяин впустил его, а потом схватил сзади и придушил поводком, который сунул затем в карман плаща. Собака была уже на улице, когда тело вытащили в холл. Это Таленто прогнал ее.

— В таком случае, — заметил Ларкин, — он невиновен.

— Нет, подозрения с него снять нельзя. Таленто мог убить Кампфа, вынести тело и, выходя, прогнать собаку на улицу. Может ли собака при таких обстоятельствах вести себя спокойно?

— Вообще да. Это зависит от ее близости с хозяином. Да и крови не было... Вы зайдете первым?

— Вперед, Гудвин.

Пурли направился к двери, но я возразил:

— Я останусь с собакой.

Стеббингс был явно недоволен.

— Тогда держись позади Ларкина.

Однако мне не нравилось наблюдать из-за спины. И я зашел в вестибюль вместе с Пурли. Через минуту там появился Ларкин с собакой.

Сделав два шага, Ларкин остановился, собака тоже.

Никто не произносил ни слова. Черныш оглянулся на Ларкина. Тот снял ошейник и чуть подтолкнул пса, чтобы показать ему: он свободен. Черныш подошел ко мне и, задрав голову, дружелюбно завилял хвостом.

— Ерунда, — с отвращением скрипнул Пурли.

— Знаете, — произнес Ларкин, — я и не рассчитывал, что он покажет нам, куда вчера пошел Кампф. В лучшем случае можно было надеяться, что он подойдет к лестнице, где лежало тело, и, может быть, поднимется на площадку, откуда вынесли убитого. Гудвин, подведите пса к лестнице.

Я подчинился. Он шел охотно, но явно не выраживал особого интереса к этому месту.

— Прекрасно, — съязвил Пурли. — Просто прекрасно. Что ж, продолжайте.

Ларкин надел на собаку ошейник с поводком, провел Черныша через холл и позвонил в дверь. Через мгновение дверь открылась, и появился Виктор Таленто.

— Привет, Черныш, — сказал он и нагнулся к собаке.

— Я же предупреждал вас — ни слова! — взревел Стеббингс.

Таленто выпрямился.

— Простите, забыл. В его голосе звучало искреннее сожаление. — Хотите еще раз?

— Нет. Это все.

Таленто шагнул назад и закрыл дверь.

— Вы должны понять, — втолковывал Ларкин сержанту. — Лабрадор не вцепится в горло врагу, не такая это собака. Самое большое, что мы можем ожидать, — это недружелюбное поведение или, скажем, рычание.

— Стоит продолжать? — спросил Пурли.

— Непременно. Идите лучше вы первым.

Пурли стал подниматься по лестнице, я за ним.

Площадка была узкой и не слишком ярко освещенной. Ларкин постучал. Через десять секунд раздались шаги, и на пороге появилась личность, два дня назад изгнанная из дома Вульфа и забравшая мой плащ.

— Это сержант Ларкин, мистер Миган, — представил Пурли. — Взгляните на собаку. Вы видели ее когда-нибудь? Поглядьте ее.

Миган фыркнул.

— Сами гладьте.

— Вы видели ее прежде?

— Нет.

— Ну, хорошо, спасибо. Идем, Ларкин.

Дверь хлопнула громко и резко.

— Ну? — бросил Пурли через плечо.

— Собаке он не нравится, — ответил Ларкин.

Правда, на свете много людей, которых собаки недолюбливают.

На следующем этаже все повторилось. Мы отошли в сторону, а проводник постучал в дверь. Никто не открывал. Он постучал снова, и вскоре дверь чуть-чуть приоткрылась. Скрипучий голос произнес:

— Вы с собакой.

— Да, — подтвердил Ларкин.

— Сержант здесь?

— Здесь, — отозвался Стеббингс.

— Я же говорил, собака меня не любит. Однажды у Фила Кампфа... Словом, она на меня обиделась. Вы что, издеваетесь?

— Откройте дверь. Собака на поводке.

— Нет! Сказал вам, не открою!

Пурли решился. Он неожиданно толкнул дверь, и та распахнулась настежь. На пороге, держась за косяк, стоял костлявый тип в красной полосатой пижаме. Собака зарычала и попятилась.

— Мы обходим всех, мистер Аланд, — сказал Пурли. — Вы не исключение. Теперь можете идти спать. Что касается издевательства... — Он замолчал, потому что дверь захлопнулась.

— А вы не говорили, что Аланд вас предупреждал, — пожаловался Ларкин.

— Мне хотелось посмотреть... Ну, остался последний.

О верхней площадке явно заботились. Аккуратно выкрашенные стены были украшены небольшими картинами. Шаги за дверью раздались сразу же после стука. На пороге появился Росс Шеффи, художник, одетый в старый коричневый смокинг. Он был, несомненно, самым красивым из обитателей дома.

Черныш вел себя совершенно спокойно. Когда стало ясно, что кровь не прольется, Пурли спросил:

— Вы знаете эту собаку, мистер Шеффи?

— Разумеется. Чудесный пес.

— Поглядьте его.

— С удовольствием, — Шеффи грациозно нагнулся. — Черныш, ты знаешь, что своего хозяина больше нет? — Он почесал за ушами и выпрямился. — Что-нибудь еще? Я работаю — люблю утренний свет.

— Все, спасибо. — Пурли повернулся.

Спускаясь, мы не проронили ни слова. На втором этаже нас перехватил Виктор Таленто.

— Звонили от прокурора. Меня вызывают на службу. Я свободен?

— Да, — сказал Пурли. — Можем вас подвезти.

Таленто обрадовался и попросил минутку подождать. Стеббингс велел отдать мне собаку, и я взял поводок.

На улице стояла такая же чудесная погода. Мы остановили первое свободное такси. Я вытащил из бумажника пять долларов и протянул водителю.

— Спасибо, — произнес он с чувством. — За красивые глаза?

— Тебе придется отработать их, браток, — заверил я. — Здесь можно где-нибудь остановиться и подождать — от тридцати минут до трех часов?

— Три часа за пятерку?

— Конечно, нет. — Я добавил еще одну. — Вряд ли придется ждать долго.

— Неподалеку есть стоянка. На улице без пассажира ко мне могут сесть.

— У тебя будет пассажир — собака. Давай-ка поимечь местечко.

Мы изрядно покрутились, прежде чем смогли припарковаться на Корт-стрит, в двух кварталах от Арбор.

Толпа у дома № 29 уже разошлась. Меня это устраивало. Миган на мой звонок не ответил, и я постучался к Аланду.

Из-за двери донесся скрипучий голос:

— Кто там?

— Гудвин. Я был здесь с полицией. Собаки нет. Дверь приоткрылась. Джером Аланд все еще щеголял в своей полосатой пижаме.

— Чего вам надо? Я хочу спать!

— Я собирался задать вам несколько вопросов, но помешала собака. Это не заетит много времени.

Так как он не был настолько вежлив, чтобы пригласить меня зайти, мне пришлось попросту отодвинуть его в сторону.

Я оказался в комнате, обставленной мебелью, которая и привила Джузель Джонс ненависть к подобным домам. Аланд присел на край хлипкого стула и потребовал:

— Спрашивайте!

Щекотливое положение. Ведь он предполагал, что я из полиции. И Джузель Джонс упоминать рискованно — до нее могли еще не докопаться.

— Давно Ричард Миган занимает квартиру под вами?

— Я говорил вам уже десять раз.

— Не мне. Я перепроверяю. Давно?

— Девять дней. Он въехал во вторник на той неделе.

— А кто занимал квартиру раньше?

— Никто.

— То есть при вас она пустовала?

— Нет. Я же объяснял: там жила девушка, съехавшая три месяца назад. Ее зовут Джузель Джонс, артистка. Именно она нашла мне работу в ночном клубе. — Он изменил тон. — Я знаю, чего вы добываетесь. Вы

хотите, чтобы я все перепутал. Привели сюда эту собаку — ну, что мне делать, если я не люблю собак?!

Он взъерошил волосы и взмахнул рукой как комедиант, каким, в сущности, и был.

— Умер, как собака! — воскликнул он. — Вот как умер Фил, как собака!

— Вы говорили, — осмелел я, — что дружили с ним...

Его голова дернулась.

— Я этого не говорил!

— Может быть, в других словах...

— У меня нет друзей.

— Вы только что сказали, что жившая здесь раньше девушка нашла вам работу. Это похоже на дружескую услугу. Или она вам чем-то обязана?

— Конечно, нет. Почему вы все время ее упоминаете?

— Не я упоминаю ее, а вы. Я лишь спросил, кто жил внизу раньше. Вы предпочли бы ее не впутывать?..

— Джузель тут совершенно ни при чем.

— Она знала Филиппа Кампфа?

— Пожалуй. Да, разумеется.

— Близко?

Он покачал головой.

— Это надо спрашивать у Фила.

Я улыбнулся.

— Любопытно, мистер Аланд. Один из жильцов дома — убийца. А вы увиливае от вопросов касательно Кампфа и девушки. Подумайте, что это может означать. Предположим, Кампф отбил ее у вас и вы его задушили.

— Она никогда не была моей подружкой!

— Угу. Или, например, Кампф плохо с ней обращался, она хотела от него избавиться, а вы в знак признательности повиновались.

— Вздор, — процедил он. — Вам бы писать киносценарии.

Везти его к Вульфу я не мог, долго разговаривать с ним — тоже, так как в любой момент ему вдруг могли позвонить из полиции. И я ушел.

Спустился еще на этаж и постучал. Послушались шаги, и дверь отворилась. Миган все еще был нечесан и не одет.

— Ну? — прорычал он.

— Мне нужно задать вам несколько вопросов. Не возражаете? — вежливо, но твердо произнес я.

— Определенно возражают.

— Мистера Таленто вызвали к прокурору. Наш разговор поможет вам сэкономить время.

Он молча повернулся, и я пошел вслед за ним.

— Где-то я вас видел... — пробормотал Миган.

— Конечно, мы приходили с собакой.

— Нет, раньше. Вы не были вчера у Ниро Вульфа?

— Верно.

— Так как же?..

Я удивленно поднял брови.

— Неужели не ясно, мистер Миган? Я пришел, чтобы задавать вопросы, а не отвечать на них. Я был у Вульфа по делам. Мне часто приходится туда заходить. А теперь...

— Жирный заносчивый полуумок!

— Возможно, вы правы... Но приступим, пожалуй, к делу. — Я достал записную книжку и карандаш. — Вы переехали девять дней назад. Пожалуйста, расскажите подробно, каким образом вы сюда попали.

Его глаза сверкнули.

— Я рассказывал по крайней мере три раза!

— Знаю, так и делается. Я не стараюсь поймать вас на какой-нибудь неточности, но вы могли упустить важную деталь. Предположим, что мне ничего не известно. Ну!

Он простонал и уронил голову на руки.

— Я профессиональный фотограф, работаю в Питтсбурге. Два года назад женился на девушке по имени Маргарет Райан. Через семь месяцев она меня бросила и уехала из Питтсбурга; во всяком случае, я не мог ее там найти. Примерно год назад один мой клиент вернулся из Нью-Йорка и рассказал, что видел Маргарет в театре с мужчиной. Он заговорил с ней, но она сделала вид, будто его не знает. Я поехал в Нью-Йорк, однако за несколько недель поисков ничего не добился. В полицию не обращался — не хотел, пусть это и покажется вам неубедительным.

— Ладно, — махнул я. — Продолжайте.

— Две недели назад в картинной галерее в Питтсбурге мне бросилось в глаза большое полотно, написанное маслом. «Три кобылицы на пастбище». На нем была изображена комната с тремя женщинами. Одна из них сидела на диване, две — на ковре, ели яблоки. Сидевшая на диване — моя жена. В этом нет никакого сомнения.

— Мы и не сомневаемся, — заверил я. — Что же вы сделали?

— Картину написал Росс Шеффи. Я навел о нем справки у администрации и, закончив неотложную работу, вновь отправился в Нью-Йорк.

Адрес Шеффи нашелся проще простого — в телефонной книге. Я встретился с ним здесь, в его студии. Сперва я сказал, что заинтересовался одной из женщин на картине, как возможной натурщицей для съемки. Но Шеффи ответил: его мнение о фотографии, как об искусстве, таково, что он и разговаривать не желает на эту тему. Пришлось открыть ему правду. Его поведение сразу изменилось. Он выразил мне сочув-

ствие и сказал, что с удовольствием бы помог, но написал картину больше года назад и просто не помнит, где брал натурщицу.

Миган замолчал, и я оторвался от записей.

— Повторю, мне это показалось очень подозрительным,— сказал он агрессивно.

— Продолжайте, продолжайте, я слушаю.

— Я говорю, это подозрительно. Может забыть фотограф, через которого проходят сотни моделей, но не художник. Поэтому я немного вспылил, но, впрочем, потом извинился. Он обещал вспомнить имена натурщиц и попросил ему звонить. Вместо этого я пришел сам. На мой вопрос Шеффи ответил, что ни одного имени не вспомнил и вряд ли вспомнит вообще. На сей раз я сдержался. Поднимаясь, я видел объявление о сдаче квартиры и решил переехать. Для картины позировала моя жена, и, чтобы найти ее, мне не мешало жить поближе к Шеффи и его посетителям.

У Мигана, вероятно, была фотография жены, но, разумеется, просить ее я не осмелился — она либо давно в полиции, либо ее нет. Поэтому я просто спросил:

— Чего же вы добились?

— Пока немного. Пытался сблизиться с Шеффи, не получилось. Познакомился с двумя другими жильцами, Таленто и Аланом, но это ничего не дало. Наконец, я понял, что нуждаюсь в помощи специалиста, и сразу обратился к Ниро Вульфу. Вы видели, чем все это кончилось.

Я кивнул.

— У него потрясающее самомнение. А чего вы, собственно, хотели?

— Чтобы он прослушивал телефон Шеффи.

— Это незаконно,— сурово отчеканил я.

— Так ведь ничего и не получилось.

Я пролистал записную книжку.

— Давайте вернемся немного назад. В течение этой недели вы встречали друзей и знакомых Шеффи?

— Только двоих. Молодую женщину, натурщицу, не помню ее имени, и человека, который, по словам Шеффи, покупает картины. Его фамилия Бронштейн.

— Вы не упомянули Филиппа Кампфа.

Миган поднялся вперед и опустил на стол кулак.

— И не собираюсь. Никогда его не видел.

— А что бы вы сказали, если бы я заявил, что вас видели вместе?

— Я бы сказал, что вы гнусный лжец! — Его глаза еще больше покраснели. — У меня и так хватает забот, а тут вы обвиняете в убийстве совершенно незнакомого человека, а потом приводите собаку и заставляете ее гладить!

Я соболезнующе кивнул.

— Что поделаешь, мистер Миган. Не вы первый, не вы последний, кто против своей воли оказывается замешанным в преступлении. — Я закрыл книжку и положил ее в карман. — Прошу никуда не уезжать. Вы можете снова понадобиться.

Когда я поднимался на верхний этаж, стрелки моих часов показывали двадцать восемь минут одиннадцатого.

— Понимаю: при данных обстоятельствах жаловаться на то, что меня отрывают от работы, бесполезно,— сказал Росс Шеффи, указывая мне на стул и садясь напротив.

— Только не слишком долго,— попросил он.

— Необходимо прояснить некоторые моменты,— начал я. — Конечно, то, что Ричард Миган приехал в город в поисках жены и снял здесь квартиру за девять дней до убийства Кампфа, может оказаться простым совпадением, хотя над таким совпадением стоит задуматься. Честно говоря, мистер Шеффи, есть люди, — и я среди них, — которым трудно поверить, будто вы не в состоянии вспомнить, кто позировал вам для большой картины.

Шеффи улыбнулся.

— Вы думаете, я лгу.

— Я этого не утверждаю.

— Но, разумеется, так считаете.— Он пожал плечами. — С какой целью? Какой тайный замысел я вынашивала?

— Не знаю. Вы сказали Мигану, что попробуете помочь ему разыскать жену.

— Он ужасно действовал мне на нервы...

— Стоило немного пошевелиться, лишь бы избавиться от докучливого посетителя? Ну и что же вы сделали?

— Я объяснял в своем письменном заявлении, больше мне добавить нечего... Пытался вспомнить. Один из ваших коллег посоветовал съездить в Питтсбург и взглянуть на картину, чтобы освежить память. Помимо этого, это смешно.

— Послушайте, мистер Шеффи,— сказал я проникновенно,— вся эта история дурно пахнет. Вы, живущие здесь, многое знаете друг о друге, но о чем-то, связанном с Кампфом, похоже, умалчиваете. Я не ожидаю, что человек, подобный вам, станет копаться в грязи, но так или иначе вся грязь, связанная с убийством, неминуемо выплынет наружу. Если вы пытаетесь что-то скрыть, это не самая умная линия поведения.

— Ого, целая речь,— он опять улыбнулся.

— Спасибо. Теперь ваша очередь.

— Я не столь красноречив.— Шеффи покачал головой.— Нет, вряд ли я вам чем-нибудь смогу помочь. Не-

скажу, что не сталкиваюсь с грязью, это было бы неправдой. Но с тем, что вас интересует, нет. Вы знаете мое мнение о Кампфе. В некотором отношении им можно было восхищаться, однако и недостатков у него хватало. Примерно то же самое я бы сказал о Таленто. Аланда знаю лишь поверхностно. С Миганом едва знаком. И даже не догадываюсь, зачем кому-то из них убивать Филиппа Кампфа. Если вы ожидаете...

Зазвонил телефон. Шеффи подошел к столику у дивана и поднял трубку. Раза два он повторил «да», затем сказал:

— Но один из ваших людей у меня... Не знаю, не спрашивал... Возможно. Хорошо, к прокурору...

Он повесил трубку и повернулся ко мне. Я поднялся и заговорил первым:

— Итак, вас вызывают к прокурору. Им лишь бы тянули волокиту да соблюдать формальности, никогда не дадут полиции спокойно работать...

И скромно удалился.

К счастью, такси оказалось на месте; его пассажир любовался окрестностями. Черный обрадованно ткнулся мордой мне в колени. Счетчик набил шесть долларов, но я не стал брать сдачу с десятка: если уж Вульф заставляет меня расследовать убийство из-за своего увлечения собакой, пускай расплачиваются за удовольствие.

Когда мы вошли в кабинет, пес полез к Вульфу без всяких колебаний, смело и уверенно. Это доказывало, что вчера, во время моего отсутствия, шеф искал к нему ходы. Возможно, подкорнил или даже погладил. Мне в голову пришли кое-какие мысли, но я предположил оставить их при себе.

— Ну? — буркнул Вульф.

Я доложил. Ситуация требовала полного и детального отчета, и я вкладывал изо всех сил, пока Вульф, закрыв глаза, блаженствовал в своем любимом кресле. Вопросов не последовало; вместо этого он открыл глаза и начал: — Необходимо...

— Минуточку. По-моему, такой тяжелой работой я заслужил право высказать идею: необходимо связаться с галереей в Питтсбурге, где выставлялась картина Шеффи.

— Это выстрел наугад!

— Все равно.

Я потянулся к телефону и через каких-то четверть часа, переговорив с тремя разными людьми, узнал все, что мне было нужно.

— Выставка кончилась неделю назад. В Питтсбург ехать не придется — картина приобретена мистером Германом Бронштейном из Нью-Йорка. Адреса не дали.

— Телефонную книгу.

Я уже листал страницы.

— Вот. Герман только один.

— Звони.

— Пожалуй, не стоит. Это может занять весь день. Почему бы мне не подъехать? Картина наверняка там, и, если я не сумею взглянуть на нее, можете меня уволить. Я все равно подумываю об отставке.

Разумеется, Вульф был не в восторге — это же моя идея! — но все же сдался. Немного поразмыслив, я спустился вниз, достал сумку с камерой и перекинул ее через плечо.

Такси привезло меня не к дому, а ко дворцу с неизвестным швейцаром, мимо которого я прошел, не поднимая глаз.

— К Бронштейну, фотографировать, опаздываю, — пробормотал я, не замедляя шага, пересек роскошный холл, бросил лифттеру, по счастью оказавшемуся здесь, «Бронштейн», и мы поехали. Выйдя на двенадцатом этаже, я уверенно двинулся направо, полагаясь на свое везение.

Дверь открыла великан женского пола в переднике. Через пару минут вышла высокая почтенная дама с благообразным лицом и осведомилась, что мне угодно. Я извинился за беспокойство и пообещал свою величайшую признательность, если мне позволят снять снимок картины, недавно экспонированной в Питтсбурге, а ныне принадлежащей мистеру Бронштейну. Мой клиент — пittsburghский меценат — увы, упустил возможность лицезреть ее в подлиннике. Дама поинтересовалась именем и адресом моего клиента, которые я без запинки продиктовал, и провела меня в комнату, размером чуть поменьше концертного зала.

То была чудная картина. Я почему-то ожидал увидеть «кобылиц» голыми, но они оказались при полном параде. Я сделал несколько снимков под разными ракурсами, со вспышками и тому подобной дребеденью, стараясь выглядеть и действовать профессионально. Затем тепло поблагодарил даму от имени клиента, пообещал прислать парочку фотографий и ретировался.

На улице я зашел в первую попавшуюся аптеку и набрал номер.

— Да? Кого вам надо? — раздался голос Вульфа.

— Вас, — признался я. — Только что видел картину. Она искрится красками и жизнью: кажется, под теплой кожей пульсирует кровь. Очень выразительные тени, плавно переходящие друг в друга. Обращает на себя внимание...

— Заткнись! Да или нет?

— Да. Вы уже встречались с миссис Миган. Желаете снова увидеть ее?

— Да. Тащи.

— Есть, сэр.

Адрес был у меня выписан заранее. Я покинул аптеку и остановил такси...

В этом старом кирпичном доме не существовало проблем швейцара, но пробраться внутрь оказалось сложнее. В ответ на нажатие кнопки с табличкой «Джуэль Джонс» из динамика проскрипел голос:

— Да?

— Мисс Джонс?

— Кто это?

— Арчи Гудвин. Нельзя ли вас повидать?

— Чего вам надо?

— Впустите, я объясню.

— Нет, говорите сейчас.

— Дело сугубо конфиденциальное. Если не верите, я могу привести Ричарда Мигана, он подтвердит. Посыпалось сдавленное всхлипание.

— Но я же сказала вам, что не знаю Мигана.

— Зря стараетесь. Я только что видел шедевр изобразительного искусства. «Три кобылицы на пастище». Впустите меня.

Раздалось кликанье, и дверь открылась. Я пересек маленький вестибюль, вошел в лифт и нажал на кнопку пятого этажа. Мисс Джонс ждала меня на пороге в более чем легкомысленном неглиже. Она начала что-то тараторить, но я невежливо прервал ее.

— Прекратите. Прошлой ночью вам пришлоось выбирать между мистером Вульфом и сержантом Стеббинсом. Сейчас — либо Вульф, либо Миган. Думаю, вы предпочтете мистера Вульфа — ведь он из тех, кто все понимает, не так ли? Я подожду, пока вы переоденетесь. Не советую кому-нибудь звонить. Сперва поговорите с мистером Вульфом и узнайте, на каком вы свете. Кроме того, телефон могут подслушивать.

Она шагнула ко мне и положила руку на плечо.

— Арчи, где вы видели картину?

— Расскажу по дороге. Одевайтесь.

Она слегка скользила мою руку.

— Вам вовсе незачем ждать здесь. Проходите.

Я погладил ее пальцы, не желая прослыть грубым.

— Простите, но я боюсь молодых кобылиц. Одна меня как-то раз лягнула.

Мисс Джонс медленно повернулась и исчезла в квартире, оставив, однако, дверь открытой.

— ...Не называйте меня миссис Миган! — выкрикнула Джуэль Джонс.

Вульф пребывал в таком же дурном настроении, как и она. Да, действительно ее загнали в угол и обезоружили. Зато он вынужден был отложить трапезу на неопределенный срок.

— Я лишь подчеркиваю тот факт, — сухо произнес Вульф, — что ваша личность не оставляет никаких сомнений. Формально вы миссис Ричард Миган. Установив это, я могу звать вас, как вам будет угодно. Мисс Джонс?

— Да.

Она расположилась в красном кожаном кресле.

— Очень хорошо. Вы, похоже, не отдаете себе отчета, мадам, что все ваши сказанное воспринимается скептически. Вчерашнее импровизированное отрижение знакомства с мистером Миганом просто превосходно. Вы умелый лжец. Когда мистер Шеффи сообщил вам, что ваш муж в городе и разыскивает вас?

— Я этого не говорила.

— Мне сказали. Неважно, кто. Так когда?

Она цепко держалась за свое..

— Откуда вы знаете?

Вульф покачал сосискообразным пальцем.

— Умоляю, мисс Джонс, осознайте, в каком вы положении. Вряд ли мистер Шеффи мог забыть, что позировал ему для картины. Полиция в это не верит, а они еще не знают, что это были вы, что вы жили в этом доме на протяжении года и все еще встречаетесь с мистером Шеффи. Смотрите: приезжает ваш муж, и, несмотря на плохую память мистера Шеффи, снимает квартиру внизу, ясно показывая, что не собирается отступать. Нелепо думать, будто мистер Шеффи ни о чем вас не известил. Я вам не позавидую, когда полиции станет все известно.

— Но ведь не обязательно они узнают, правда?

— Фу. Я удивлен, что они еще не добрались до вас, хотя прошло уже восемнадцать часов. Это неминуемо даже без моей помощи.

Она задумалась. Ее лобик сморщился, а глаза смотрели прямо на Вульфа.

— Вы знаете, — проговорила она, — что, на мой взгляд, было бы лучше всего? Не понимаю, как это не пришло мне в голову раньше... Вы детектив, специалист по помощи людям, а я нахожусь в беде. Я заплачу вам. Могу немного заплатить даже сейчас.

— Ни сейчас, ни после, мисс Джонс, — прорычал Вульф. — Когда мистер Шеффи сообщил, что вас ищет муж?

— Вы не слышите меня, — пожаловалась она.

— Говорите дело, и я буду слушать. Так когда?

Джуэль заерзала в кресле.

— Вы не знаете моего мужа. Он ревновал меня еще до свадьбы, и чем дальше, тем больше. Я не могла этого вынести и ушла от него. Если бы я осталась в Питтсбурге, он нашел бы меня и убил, поэтому

я приехала в Нью-Йорк. Мне удалось получить работу натурачицы; на жизнь хватало, встречалась с разными людьми. Росс Шеффи был одним из них. Он хотел, чтобы я позировала для картины. Конечно, он платил, но это было не так важно, потому что вскоре я познакомилась с Филипом Кампфом. Он устроил меня в ночной клуб, и я не испытывала материальных затруднений. Потом однажды я испугалась: в театре меня встретил один питтсбургский знакомый.

— Год назад, — пробормотал Вульф.

— Да. И вот недавно позвонил Росс Шеффи и сказал, что приходил муж и интересовался картиной. Я умоляла ничего не говорить. Вы не знаете моего мужа. Он бы убил меня.

— Вы повторили это дважды. Он что, уже убивал кого-нибудь?

— Я сказала не «кого-нибудь», а «меня». Говорят, я действую на мужчин...

Она сделала выразительный жест.

— Они просто сходят с ума. А Дик — я его знаю. Я бросила его полтора года назад, а он все еще меня ищет. Вот он каков. После звонка Росса я перепугалась. Бросила работу в клубе, потому что Дик мог туда зайти, и до вчерашней ночи носу из квартиры не показывала.

Вульф кивнул.

— Встреча с мистером Таленто. Для чего?

— Я же говорила.

— Да, но тогда вы были мисс Джонс... Так для чего?

— Я услышала по радио об убийстве Фила и решила узнать подробнее. Позвонила Россу Шеффи и Джерри Аланду, но у них никто не отвечал! Тогда я набрала номер Вика Таленто. Он назначил мне встречу.

— Мистер Аланд и мистер Таленто знали, что вы позировали для картины?

— Конечно.

— И мистер Миган опознал вас на ней?

— Да, они знали все. Росс вынужден был сказать им, он опасался, что их начнет расспрашивать Дик. Они обещали не выдавать меня и не выдали. Они все мои хорошие друзья. — Джузель остановилась, чтобы открыть черную кожаную сумочку, достала кошелек и пересчитала содержимое. — Я могу заплатить вам для начала сорок долларов. Я не просто в беде — в опасности моей жизни! Вы не можете мне отказать... Да вы не слушаете!

Действительно, он не слушал. Сердито скваж губы, Вульф изучал ноготь своего большого пальца, не обращая никакого внимания на ее слова. Через секунду он перевел взгляд на меня и резко приказал: — Приведи Шеффи.

— Нет! — закричала она. — Я не хочу, чтобы...

— Чепуха! — рявкнул Вульф. — Все равно все узнают, чего тянуть? Давай, Арчи. Я желаю поговорить с ним.

Я набрал номер Шеффи. К моему удивлению, он оказался дома. Я понизил голос до неузнаваемости и сообщил, что с ним хочет побеседовать Ниро Вульф.

— Мистер Шеффи? Это Ниро Вульф. Я заинтересовалась убийством Филиппа Кампфа и предприняла некоторые шаги... Пожалуйста, не вешайте трубку. У меня в кабинете сидит миссис Миган, то есть мисс Джузель Джонс... Прошу вас, дайте мне закончить. Разумеется, я буду вынужден задержать ее и передать полиции как свидетельницу по делу, но прежде мне бы хотелось обсудить ситуацию с вами и остальными, кто живет в вашем доме. Вы бы не взялись привезти их сюда как можно скорее?.. Нет, по телефону я ничего больше не скажу. Вы мне нужны здесь, вы все. Если мистер Миган заупрямится, передайте, что его ждет жена...

Она вырвала трубку в прыжке, которому позавидовала бы любая кобылица.

— Не говори ему, Росс! Не привози его! Не...

Мой рывок к столу тоже был неплох. Я схватил Джузель с таким рвением, что очутился в красном кресле, держа ее на коленях. Мисс Джонс не могла двигаться, лишь била по моим ногам каблуками. Она продолжала пинаться, пока Вульф разговаривал с Шеффи. Когда он положил трубку, Джузель внезапно обмякла и безвольно поникла в моих объятиях.

Вульф ухмыльнулся.

— Трогательное зрелище, — фыркнул он.

...У нас была масса трудностей. Например, трапеза. Для Вульфа просто немыслимо иметь дома посетителей в обеденное время и не накормить их. Но он определенно не собирался сидеть за одним столом с женщиной, которая к тому же только что устроила ему сцену. Решение оказалось незамысловатым: нам с ней подали в столовой, а Вульф с Фрицем ели на кухне. Впрочем, до еды мисс Джонс почти не дотронулась, хотя я и обещала позаботиться, чтобы сегодня муж ее не убил.

Нежелательной могла оказаться и реакция трех обитателей дома на мою истинную личность. Поэтому, встречая их на пороге, я сказал, что с удовольствием объясню все чудеса любому из них или всем вместе позже. А пока, при Вульфе, им надо помолчать.

Мне пришлось улаживать еще один вопрос. Налицо слова мисс Джонс, что муж убьет ее, как только увидит. Кроме того, убийца Филиппа Кампфа, припертый к стенке, может пойти на крайности... Я принял меры предосторожности — показал гостям свою пушку

тридцать восьмого калибра и предупредил, что она заряжена, простучал их от плеч до голеней и продержал мисс Джонс в столовой, пока не рассадил всех в кабинете напротив стола Вульфа. Потом вышел в холл и ввел ее.

Миган рванулась к нам. Я остановил ее по-своему и сделал это неплохо. Таленто и Аланд вскочили, вероятно, чтобы помочь мне. Миган кричала, они тоже. Я провел Джузель через комнату и усадил рядом с собой. Таленто и Аланд оттащили Мигана на место, и он уставился на законную супругу.

— Прекратите гвалт, — сказал Вульф. — Я хочу удостовериться, что никого не перепутал. Его взгляд двигался слева направо. — Таленто, Миган, Аланд, Шеффи. Верно?

Я подтвердил.

— В таком случае начнем.

Он посмотрел на часы.

— Почти сутки назад в доме, где вы, господа, живете, был убит Филипп Кампф. Обстоятельства указывают на то, что его убил один из вас. Я не буду вдаваться в детали, которые вы, безусловно, уже не раз обсуждали в полиции. Меня никто не просил заниматься расследованием — единственным клиентом является собака, да и та попала ко мне совершенно случайно. Тем не менее...

Прозвенел дверной звонок. Я спросил себя, не забыл ли я надеть цепочку, и через открытую дверь в холле увидел Фрица, идущего открывать. Вульф заговорил, было сноса, но, раздраженный звуком голосов, замолчал.

Затем на пороге появился Фриц и объявил:

— Инспектор Крамер, сэр.

Глаза Вульфа широко раскрылись.

— Чего он хочет?

— Я сказал ему, что вы заняты. Он ответил, что, по его сведениям, у вас находятся четверо мужчин. Он говорит, что с самого начала подозревал, будто вы оставили собаку не зря, и теперь он желает знать, что тут происходит. С ним сержант Стеббинс.

Вульф хмыкнул.

— Арчи, скажи... Нет, оставайся на месте. Фриц, передай инспектору, что они могут присутствовать, если пообещают в течение тридцати минут ни во что не вмешиваться.

— Минутку! — Поднялся Росс Шеффи. — Вы обещали связаться с полицией после нашей беседы.

— Я им не звонил. Они пришли сами.

— Вы пригласили их?

— Нет. Я бы предпочел сперва разобраться с вами, но мы опоздали.

Фриц удалился. Шеффи собирался еще кое-что добавить, передумал и сел. Ему зашептал на ухо Таленто, и он покачал головой. Джерри Аланд, изрядно похорошивший с тех пор, как причесался и оделся, не отрывал глаз от Вульфа. Для Мигана, кроме жены, в комнате явно никого не существовало.

Вошли Крамер и Стеббинс, остановились в трех шагах от двери и огляделись.

— Садитесь, — пригласил Вульф. — К счастью, мистер Крамер, ваше любимое кресло свободно.

— Где собака? — строго спросил Крамер.

— На кухне. Только мы договорились: тридцать минут вы будете просто зрителем. Вам, естественно, знакомы эти джентльмены, но не дама. Она называет себя мисс Джонс. Ее настоящее имя миссис Ричард Миган.

— Миган?! — вытаращился Крамер. — Та, что на картине Шеффи?

— Именно. Пожалуйста, садитесь.

Крамер опустился в красное кресло. Стеббинс плюхнулся в одно из желтых позади Шеффи и Аланда. Вульф дождался тишины.

— Я собирался сказать, господа, что на убийцу мне указала собака. Но прежде...

— Что она сделала? — вмешался Крамер.

— Если вы еще раз перебьете, — холодно произнес Вульф, — клянусь небом, забирайте их всех, — кроме вас, в полицию и расхлебывайте кашу сами!

Он глубоко вздохнул.

— Но, перед тем как перейти к собаке, скажу еще одно. Вы обманывали мистера Мигана. Не стану это комментировать. Вы были друзьями мисс Джонс и отказывались выдать ее мужу, которого она бросила и смертельно боялась. Я даже признаю в вашем поведении некоторую галантность. Но пытаться все утаить после убийства Кампфа было просто идиотизмом. Я оказался первым лишь благодаря восхитительной предприимчивости мистера Гудвина.

Он многозначительно покачал головой.

— Так же глупо было впускать мистера Гудвина и отвечать на его вопросы, причисляя его к полиции лишь потому, что он присутствовал при бесплодном эксперименте с собакой. Вам следовало проверить его документы. Замечу это, дабы предупредить возможные претензии.

Вульф усилился поудобнее.

— Вчера утром мистер Миган обратился ко мне с просьбой о помощи. Из первых же слов я понял, что дело касается его жены. Такими вопросами я не занимаюсь и сразу отказал ему. Он обиделся и выскошил в запальчивости, оставив на вешалке свой плащ и налевав по ошибке плащ мистера Гудвина. Днем мистер

Гудвин отправился на Арбор-стрит, чтобы обменяться плащами. И увидел у дома № 29 две полицейские машины, толпу и собаку. Он решил отложить визит и, погладив собаку, повернулся обратно. Он уже прошел около двух миль, когда заметил, что собака бежит следом. Так пес попал сюда.

Вульф постучал ладонью по столу.

— Далее. Почему в водовороте города собака сопровождала мистера Гудвина? Предположение инспектора Крамера, что ее приманивали, нелепо. Мистеру Гудвину, как и многим мужчинам, хотелось верить, что он неотразим для собак и женщин. Тщеславие отшибло ему мозги, иначе он давно бы пришел к тому же выводу, что и я. Собака следовала не за ним — за плащом! Вы спросите, с чего это собака мистера Кампфа так привязалась к плащу мистера Мигана? Так вот — и это не предположение, а почти уверенность — это был плащ мистера Кампфа!

Взгляд Вульфа остановился на покинутом муже.

— Мистер Миган, несколько часов назад вы уверяли, что никогда не видели мистера Кампфа. Тогда ваши слова показались мне вполне убедительными. Но теперь я хочу услышать еще раз — вы не встречали Филиппа Кампфа живым?

— Нет.

— Откуда же у вас его плащ?

Челость Мигана дрогнула.

— Это не его плащ, а если и его, то я об этом не знал.

— Не пойдет. Предупреждаю, вы попали в смертельно опасный переплет. Плащ, который вы принесли в этот дом и оставили в холле, сейчас висит на вешалке. Можно легко установить, кому он принадлежит. Ну?

— Грязная клевета! Как вы докажете, что плащ оставил я?

В голосе Вульфа зазвучали металлические ноты.

— Даю вам последнюю возможность. Вы в состоянии объяснить, как к вам попал плащ Кампфа?

— Нет, мне это не нужно.

— Тогда все ясно, — отрезал Вульф. — Где-то же должен быть ваш собственный плащ, и мне кажется, я знаю где. В полицейской лаборатории. Вы надели его на мистера Кампфа, когда убили и столкнули с лестницами. Если не можете объяснить, как на трупе оказался плащ покойного, то не объясните ли, как на трупе оказался ваш? Или это тоже клевета?

Вульф обличающе вытянул руку.

— Я вижу проблеск надежды в ваших глазах и понимаю, что это значит. После убийства Кампфа вы сняли с него свой плащ и надели тот, который считали его, — это вам не поможет. Ибо в таком случае плащ на теле покойного принадлежит мистеру Гудвину, что легко можно доказать. Ваша песенка спета...

Миган взмыл в воздух, но большие руки Пурли опустились ему на плечи и вдавили в кресло.

А Джузель Джонс запричитала навзрыд.

— Я говорила, что он убьет меня! Я знала! Он убил Фила!

— Откуда вы знаете? — рявкнул Вульф.

— Потому что Фил сказал мне... Он сказал, что меня ищет Дик, — выдавила она сквозь слезы. — Фил предупредил, если я не вернусь к нему, он... он скажет Дику, где я. Я думала, что он не скажет, я думала, что он не таковой, и не согласилась. Но вчера утром он позвонил мне снова, угрожая днем увидеться с Дику и выдать меня. Тогда я дала слово. Я хотела выиграть время... Но Фил все равно пошел к Дику.

— Где они встретились?

— В квартире Фила, он мне сам сказал. И еще добавил, — вот почему я знаю, что его убил Дик, — добавил, что Дик ушел в его плаще. Он смеялся над этим и шутил, что раз уж он получает жену Дику, пусть Дику пользуется его плащом. — Джузель затряслась в истерике. — Он так и сказал Дику! Наверняка он заявил, что я возвращаюсь к нему и что это недурной обмен — плащ на жену! Так похоже на Фила!

Она хихикнула. Началось с хихиканья, а затем клапаны не выдержали. Когда в этой комнате у женщины сдаются нервы — а такое случалось не раз, успокаивать обычно приходится мне. Но сейчас к услугам было сразу три джентльмена во главе с Россом Шеффи, и я с радостью предоставил Джузель Джонс их попечению.

Что касается Вульфа, — он страшно мучился. Если и существует на свете вещь, которую он не в состоянии невозмутимо терпеть, так это плачущая женщина. Поэтому он просто поднялся и вышел. О Мигане побеспокоились Крамер и Стеббинс.

Собаку они не забрали. Относительно плаща Вульф был прав: Кампф надел плащ Мигана, и, конечно, это никуда не годилось. Поэтому, задувши Кампфа, Миган снял с него плащ и надел тот, который, по его мнению, принадлежал Кампфу. Только это был мой плащ. Мне пришлоось побывать у прокурора и опознать его. Такая маленькая деталь помогла судьям решить, что Миган заслуживает самой тяжкой казни.

После окончания дела я, вероятно, мог бы потребовать плащ назад. Но эта идея пришла мне не по душе. Я предпочел купить новый.

Перевел с английского
Владимир БАКАНОВ.

Игорь ВАСИЛЬЕВ

ЖИСИКЮР

— Алло! — голос вынырнул из телефонного дырка и обрел четкость, столь нехарактерную для междугородной связи.

— Я решил обратиться к вашему журналу с предложением, которое вас должно заинтересовать. Правда, я сомневаюсь, что разговор состоится, если я назову свою профессию. Дело в том, что я — контрабандист...

(Неизвестные пути, приводящие в журнал самых разных людей, ищущих помощи, справедливости, просто сочувствия: от спившихся люмпенов до непонятых гениев, от бывших чиновников до невинно осужденных. Но контрабандист!)

— ...Называйте меня Вадимом, фамилия, думаю, ни к чему. Откуда звоню? Какая разница... Буду краток. Ходим за кордон, в Афганистан. Бизнес как бизнес: мы — им, они — нам. Занятие прибыльное, но опасное, конечно. Нет, война нам в общем-то не мешает, это ведь вы воюете, мы — торгуем. У нас старые дела с одним человеком там, так вот сейчас он во главе отряда моджахедов — это те, кого вы душманами называете. Были мы у него в последний раз месяц назад. И вот тогда я узнал, что у них в плену четверо советских солдат. Одного я видел своими глазами. Что мне вам рассказывать — сами, наверно, знаете, как им там живется. Никому не пожелаю на их месте оказаться. Они нужны моджахедам для обмена на оружие, продовольствие. Но могут и убить, особенно, когда ваши наседают...

Я боялся пропустить слово, до боли прижимая к уху телефонную трубку. Бред сумасшедшего? Тогда я сам сумасшедший, потому что голос с другого конца звучал неторопливо и уверенно, собеседник мой взвешивал каждое слово, строго вычленяя главное, опуская детали. Нет, не бред. Шутка? Не укладывалось в голове — шутить такими вещами?.. Да и какой смысл? Тогда что, правда? Боже, какие контрабандисты в наше время? Граница на замке...

— Я не альтруист, но мне стало ужасно жалко этих ребят. В чем они виноваты? Знаете, никогда не занимался благотворительностью, но в тот раз я предложил за них выкуп. Просто захотелось спасти этих мальчиков. Мне назвали цифру — 120 тысяч долларов: по 30 тысяч за каждого. Впервые, у меня нет такой суммы, во вторых, у меня нет долларов. И самое главное: я знаю, что в том районе скоро начнутся бои, и тогда будет поздно. Поэтому я обращаюсь к вам.

— Чем мы можем помочь?

— Нужны деньги...

— Какие у вас гарантии, что ваш рассказ — не плод воспаленной фантазии?

— Резонный вопрос. Гарантии такие: вы, как корреспондент журнала, отправляйтесь с нами за кордон и все видите своими глазами. Берете с собой фотоаппарат, диктофон...

Я вообразил себя ползущим через контурно-следовую полосу, представил, как я даю показания Там, Где Надо, и энтузиазма заметно поубавилось.

Стоп! Это чушь! Нелегально я границу пересечь не смогу. Значит...

— Если вы обратитесь в органы — все закончится, не начавшись, — продолжал таинственный Вадим. — Я понимаю ваши трудности. Давайте так: за кордон пойду я и буду вести переговоры от вашего имени. Я принесу запись разговоров с пленными, их фото и письма — достаточно до-

казательств, по-моему. После этого мы обговорим условия передачи денег. Кстати, завтра буду в Москве по своим делам, позвоню...

Прессинг собеседникаставил меня в жесточайший цейтнот.

Сутки я боролся с собой, разрываясь между двумя желаниями: позвонить Куда Надо и довести дело до конца самому. Пусть принесет доказательства, уговаривал я себя, а там будет видно.

...Встретиться договорились в метро, на «Академической», в центре зала. Узнал я его сразу — интуиция что ли сработала? В классическое представление о контрабандисте он никак не вписывался: щуплая фигура, очки, неуверенная походка. Я заранее настраивал себя на недоверие.

Вадим начертал на листке бумаги участок границы, обозначил места дислокации наших войск, расположение погранзастав; подробно рассказал о душманах, действующих на территории Афганистана — все, вплоть до биографий их командиров; о том, как контрабандисты переходят границу, скрываясь в зарослях камыша, и, бывает, жгут этот камыш, чтобы оторваться от погони. Когда о таких веяниях рассказывают спокойно, даже чуть скучновато, в них веришь.

— Уйти туда я должен не позднее конца этой недели...

Я обещал прилететь, тем более что в Душанбе меня ждала еще одна необычная встреча.

В один из сентябрьских дней 1988 года в Управление КГБ по Ленинградской области поступило срочное сообщение: неизвестными бандитами захвачена группа заложников.

Один из заложников обратился по телефону в корпункт «Известий» и передал ультиматум: предоставление в трехдневный срок самолета и возможности бесприданного вылета за границу, в Лондон. Более того, дабы удостовериться в том, что условия приняты, бандиты потребовали сначала отправить в Лондон того самого заложника, который сообщил обо всем собкору «Известий». На следующий день в определенное время по программе Би-би-си нужно передать соответствующее сообщение, и тогда наступит второй этап — переправка основной группы. В передаче по Би-би-си британское правительство должно гарантировать преступникам неприкосновенность, и те, в свою очередь, гарантируют неприкосновенность оставшимся у них заложникам. Такова была ситуация.

Здравомыслящий человек, прочитав это, скажет: «Бред! Почему бандиты отпустили заложника, почему вместо него в Лондон не мог лететь один из них, ничем практически не рискуя? С какой стати Би-би-си станет передавать сообщение для бандитов, а британское правительство гарантировать им безопасность?» Все верно. Те, кто участвовал в операции, думали тоже самое. Они были убеждены, что вся эта история — блеф, что никаких бандитов, равно как и заложников, не существует и что этот спектакль понадобился кому-то для... Для чего? Кому?

Немедленно была запущена отложенная машина розыска. Главная трудность заключалась в невозможности установить имена заложников, а значит, проверить истинность сообщения: по словам звонившего, это были транзитные пассажиры с ленинградскими визами, а кто они, пробуй, проверь. Но тут из Душанбе поступила информация о человеке, назвавшем себя заложником. После этого внутрен-

няя убежденность, что история с заложниками — миф, стала реальностью и можно было трубить отбой.

Почти сутки люди, участвовавшие в операции, находились в невероятном напряжении, были задействованы практически все механизмы, в том числе те, которые обеспечили бы контакт с правительством Великобритании. Если переводить эмоции в чисто денежное выражение, то «шутка» обошлась налогоплательщику в весьма круглую сумму.

И главное: блеф этот не повлек никаких санкций в отношении его организатора и исполнителя. Никаких, потому что эта дикая выходка не более чем... административное нарушение, не подлежащее уголовному наказанию, одним словом, шутка!

Я летел в Душанбе еще и с целью встретиться с этим «веселым» человеком, тем более что к тому времени знал кое-что о нем и о событии, которое должно было, наконец, круто изменить его жизнь.

...Когда Борис Паршину едва исполнилось 19 лет, он окончательно понял, что лучшее место на земле там, где его нет, и стал стремиться туда всей душой. Скачочный ареал простирался в его представлении значительно западнее пограничного города Бреста, откуда до солнечного Душанбе долетали заманчивые радиоволны «Свободы», «Голоса Америки» и Би-би-си.

Слушая трогательные истории о заключенных в тюрьмах и томящихся в сибирских ссылках правозащитниках, Борис понял главное: самый простой путь на Запад — стать одиозной личностью в своей стране. Одно упоминание фамилии в передаче «Голоса» — и можно смело собираться в Америку. Как говорил Козьма Протков, «Хочешь стать великим — будь им!». И Боря заявляет оживленную переписку со всеми «голосами» сразу. Один бог и семейный бюджет знают, сколько денег ушло на почтовые марки, но письма остались без ответа. Хотя, по его представлениям, давно уже должны были понесять западные корреспонденты, — так красочно он расписывал ужасы жизни «правозащитника» Паршина. Тогда он решил напомнить о себе другим образом.

Явившись в столицу, он прямо из Домодедова направился на улицу Чайковского, где располагалась единственный, по его мнению, в стране очаг демократии. Но, будучи человеком начитанным и «наслышанным», сам он в американское посольство не пошел, а послал мальчишку, которого соблазнил рассказами о неимоверном количестве кока-колы и жвачки, которые его там ожидают.

Дело, понятно, окончилось полным фиаско.

После беседы в соответствующих органах пыл «правозащитника» несколько угас, но вскоре он неожиданно-негаданно получил роскошный подарок. Во время прохождения медкомиссии на предмет службы в армии все в том же, 1982 году врачи обратили внимание на несколько неадекватное восприятие призывающим Паршиным нашей действительности. Получив направление в психдиспансер, Борис понял, какой шанс он держит в руках, и немедленно лег в стационар. Обследование длилось три дня, после чего был поставлен диагноз: «нормален». От службы в армии его, правда, освободили, но по иной причине — врожденному косоглазию.

Немедленно, по выходе из дурдома, Паршин «откатал» письмо, способное разжалобить и камень, и направил его в редакции радиостанций и в организацию «Международная амнистия». В нем он по-

вествовал о страшных пытках в психбольнице, куда он попал, понятно, за свои политические убеждения. Но ожидания «диссидента» не суждено было сбыться и на этот раз. У «Международной амнистии» оказалось много других забот.

После этого Борис затих на целых три года. В 85-м году он поступил в Ленинградский государственный философский факультет, но его мятущаяся натура не сумела выдержать систематических занятий и жестких требований на экзаменах. Через год его отчислили за банальную академическую неуспеваемость.

А призрачная мечта переселиться подальше от родного Душанбе и вообще подальше от границ страны стала просто навязчивой идеей. Придумываются и отвергаются планы: один авантюрист другого. Наконец, избран самый простой путь: в мае 1988 года на имя Председателя Верховного Совета СССР от гражданина Паршина поступило письмо с просьбой о лишении советского гражданства и высылке за пределы Союза. В качестве ультимата Борис угрожает голодовкой... Время идет, его требование не удовлетворяется. Тогда в сентябре он приезжает в Ленинград...

Мне хотелось увидеться с этим человеком, попытаться понять, какие мотивы движут его поступками; тем более что в день нашей предположительной встречи Борису должны были объявить о том, что Верховный Совет удовлетворил его просьбу и разрешил выехать за границу.

Начальник Душанбинского ОВИРа проводил меня до кабинета, где Паршину только что вручили Указ Верховного Совета. Я открыл дверь, и человек, сидящий за столом, метнулся на меня испуганный, непонимающий взгляд.

— Вадим! Что ты здесь делаешь?..

...Я не могу понять, на что он рассчитывал. Утром, как только я бросил вещи в гостинице, раздался телефонный звонок. Он меня очень быстро вычислил. Разговоршел уже немного в другом ключе. Теперь о безвозмездной ходке за кордон и речи не шло. Вадиму, то бишь Борису, требовалась хотя бы тысяча долларов «на карманные расходы» («на взятки, там очень любят взятки»). Я, еще не веря, что имею дело с Вадимом, засомневалась: не банальное ли это надувательство. Но на что он рассчитывал? Неужели всерьез полагал, что ему дадут просто так тысячу, не то что долларов — рублей?

...Я не знаю, что он найдет на другом берегу. На этом, во всяком случае, он не потеряет ничего. Нельзя потерять того, чего не имел.

Сколько энергии, фантазии потрачено впустую. Чего ради? Чтобы увидеть огни Нью-Йорка или Парижа? Что же, Париж стоит обедни, но все-таки не такой, когда в разменную монету превращаются святые чувства других, когда предметом примитивной спекуляции становятся те, по ком матери уже выплачали глаза.

Париж стоит обедни?..

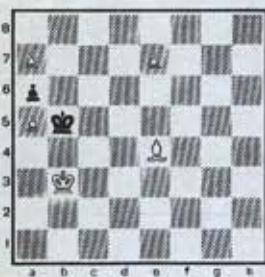
— Если бы мне не дали сейчас уехать, я бы в следующий раз был с теми... в Орджоникидзе, — сказал он на прощание. И здесь я ему поверил.

А может быть, не стоит дожидаться новых Овечкиных, Якшянцов? Ведь цель у них одна — покинуть страну. И невольный вопрос: были бы человеческие жертвы, сожженные самолеты, несостоявшиеся авантуры (а если бы состоялись?), если можно было решить вопрос элементарно: захотел — уехал. И никто не держит. Себе дороже!

31-я шахматная олимпиада
Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ПАРАД МИНИАТЮР
В. ШИНКМАН
1902 г.

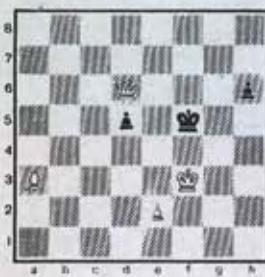

Мат в 3 хода

Сразу две белые пешки — на пороге превращения. Ясно, что они и есть главные действующие лица. 1. e8F+ было бы слишком грубо. Действительно, после 1...Kra5 не видно, как затянуть матовую сеть. Например, 2. a8K приводит к пату. Соль в том, что поле b5 нельзя атаковать. 1.e8!?. Теперь на 1...Kra5 возможно 2.a8K! Krb5 3. Lebх. Во втором варианте на доске появляется и сильнейшая фигура: 1...Krc5 2. a8F Kpd4 3. Fa7x. Обратите внимание: маты в обоих вариантах правильные!

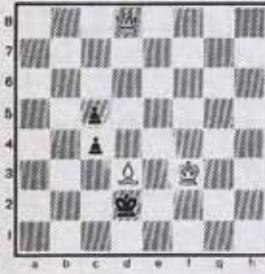
Это одна из лучших миниатюр на тему превращения.

Восьмой тур

Белые: Kpf3, Fd6, Ca3, п.e2 (4)
Черные: Kpf5, пл. d5, h6 (3)
Мат в 3 хода (3 балла)

II

Белые: Kpf3, Fd8, Cd3 (3)
Черные: Kpd2, пл. c4, c5 (3)
Мат в 4 хода (4 балла)

Ответы на задания прсылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «31-я шахматная олимпиада. 8-й тур». Последний срок отправки писем (по почтовому штемпелю) — 1 сентября.

КРОССВОРД

Составил В. Маятин. Краснодар

Пролетарии
всех стран,
соединяйтесь!

СМЕНА/89

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 11 (1489) ИЮНЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН
(заместитель главного редактора)
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Андрей КУЧЕРОВ
Альберт ЛИХАНОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Сергей ПОПОВ
(ответственный секретарь)
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)

Художник
Александр КЛИЩЕНКО
Технический редактор
Елена НАЗАРОВА

Сдано в набор 19.04.89.
Подписано к печати 04.05.89.
А 08843. Формат 70 108/16.
Бумага для глубокой печати.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5.60.
Усл. кр.-отт. 19.60. Уч.-изд. л. 10.26.
Тираж 2 500 000 экз.
Заказ № 512.
Цена 35 коп.

101457, ГСП, Москва.
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки
212-21-38 — коммунистического воспитания.
212-23-79 — фотоочерка.
251-32-84 — военно-спортивные.
251-32-84 — международной жизни.
251-04-10 — литературы и искусства.
212-11-27 — писем и массовой работы.

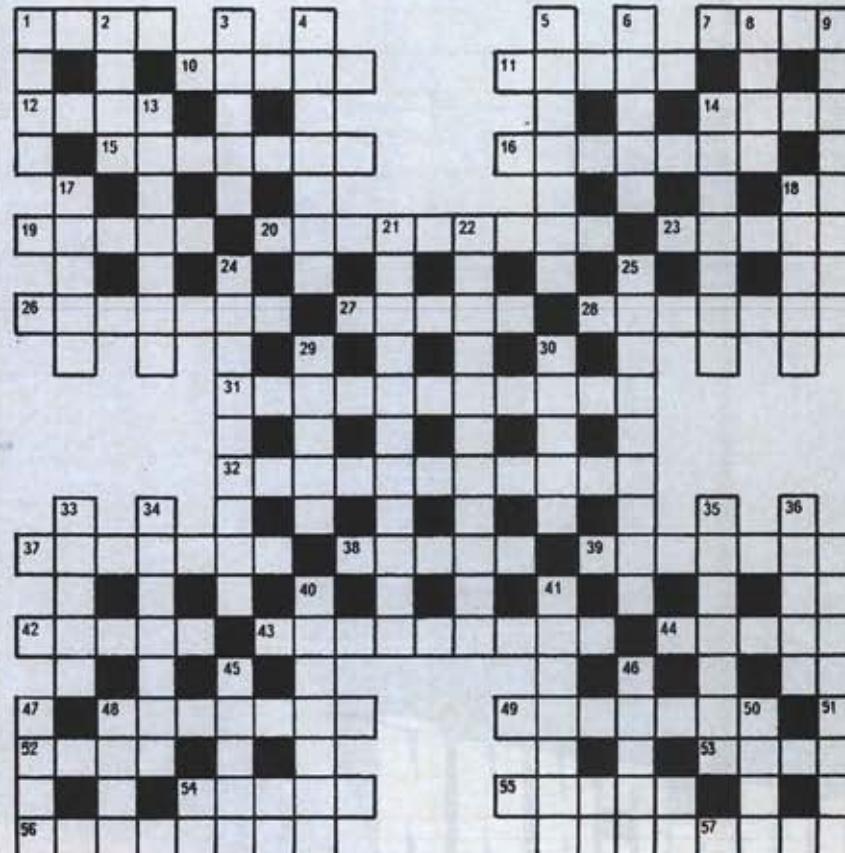
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

- Зверь, «живущий» на Кавказе только в поэме М. Лермонтова «Мцыри». 7. Летучее вещество, похититель сознания. 10. Притворно-добропорядочный человек, лицемер. 11. Традиционная одежда кавказского пастуха. 12. Излюбленный зверь русских сказок. 14. Иранская арфа, самому древнему изображению которой 1400 лет. 15. Древнеримский боевой корабль. 16. Мыс, с которого писатель Плиний Младший видел извержение Везувия и гибель Pompei. 19. Хищная птица, которая отлучаясь из гнезда, прикрывает птенцов свежими ветками с листьями. 20. Древнегреческий ученый, друг Архимеда. 23. Змея, яд которой способен разрушать раковые клетки. 26. Выдающийся деятель на одном из поприщ. 27. Русский физик и электротехник, построивший лодку с электродвигателем. 28. Австралийское животное, одно из самых нервных в мире. 31. Прибор для определения вязкости газов и жидкостей. 32.

Электромагнитные волны, искажающие в приемнике основную передачу. 37. Каждый из сотрясателей груш в поэтии А. Гайдара «Тимур и его команда». 38. Житель Африки, боящийся только льва и человека. 39. Передовик-рационализатор. 42. Столлярный инструмент. 43. Изобретенное в XVI веке стрелковое оружие. 44. Автор балета «Ангара». 48. Самый неустойчивый из природных химических элементов. 49. Углевод, запасаемый растениями. 52. Вратарь сборной футбольной команды, известный в Париже еще и тем, что сочиняет песни на собственные стихи. 53. Участник самого популярного в 60-е годы молодежного ансамбля в Англии. 54. Лучший мед. 55. Героиня известной картины П. Рубенса, на которой в правом нижнем углу изображена охотница собака. 56. Соотечественник Давида, взявшей в руки кисть, когда он писал последние картины. 57. ... ваша (как хотите, как вам угодно).

ПО ВЕРТИКАЛИ:

- Сигнализатор расстройства в организме. 2. Длина человеческого тела. 3. Мать — мадре, отец — ... . 4. Гора заливнее Казбека. 5. Автор картины «Неравный брак». 6. Ансамбль из восьми исполнителей. 8. Норвежское полярное судно, «приплывшее» в музей. 9. Строение, из которого зимой в поэме Н. Гоголя «Мертвые души» перевозят зерно в амбары. 13. Космонавт, бортинженер на «Союзе-14». 14. Город на крупной уральской реке. 17. Больше крепость, чем дворец. 18. Поэт, на мраморном памятнике которому на тобольском кладбище можно прочитать слова «автор народной сказки». 21. Крупный футбольный стадион в Мексике. 22. Зона морского дна, где сосредоточены основные запасы придонных промысловых рыб. 24. Одна из героинь в повести
- Б. Васильева «А зори здесь тихие...». 25. Один из лучших нападающих в истории советского хоккея. 29. Военный способ взять измором. 30. Немецкий композитор, посещавший И. Гете в Веймаре. 33. Брат жены. 34. Вертикальная стойка, опора для судовой палубы. 35. Значение, охват, размах. 36. Самый популярный у запорожских казаков танец. 40. Внутреннее укрепление в средневековом русском городе. 41. Один из двух цветков, почти обязательных в крупных английских аранжировках. 45. Родина «Махабхараты». 46. Романтический парусник. 47. Древнегреческий предок ЭВМ. 48. Элемент, незаменимый в химических лазерах. 50. Говорить в ... (прямо, открыто). 51. Героиня первой оригинальной повести Н. Карамзина.

Уважаемые товарищи!

В течение года вы можете выпустить журнал в любом почтовом отделении, в агентстве Союзпечати до 1-го числа предподписного месяца. В розницу «Смена» поступает в ограниченном количестве.

Мой футбол —
это благодарность
тем, кто приходит
за меня болеть!

Добровольский

ИГОРЬ ДОБРОВОЛЬСКИЙ

У него ласковое прозвище в футбольном мире: «Добрин». И сам он такой мечтательно-воздушный — как маленький принц. На него, по-моему, не должны обижаться даже соперники, которым он доставляет столько неприятностей — он ведь творит игру и для их болельщиков тоже.

Первые его соперники, правда, немного обиделись на щупленького паренька, смешавшего им своим появлением все карты на турнире — официальном! — дворовых команд города Тирасполя. Еще бы — ведь он, гостивший у тетки на каникулах, строго говоря, не имел права играть в этом соревновании со своей немецкой пропиской. И были несказанные рады, когда, отыграв три первые встречи и забив в них девять голов, он отбыл к себе в Одесскую область по случаю начала нового учебного года. И лишь тренер местной спортивной школы Иосиф Кайзер закручинился — такого парня на своем фут-

больном педагогическом веку он еще не видел.

И потому не поленился спуститься в том же сентябре 1970-го по темнокинской лестнице, к городскому автовокзалу. А оттуда в городок Раздольное: «Пойми, малыш, у тебя призвание. Ты для себя еще ничего не решил?..» Родителей уговаривали уже вместе.

В ту пору наш футбол был повально увлечен модой на модельные характеристики своих исполнителей — современных и будущих. И с этой точки зрения фигура любимца тираспольского тренера никакого интереса не представляла — действительно, в чем только душа теплится, сущий скелет. А будущее ведь за работой — мужской, нелегкой. И еще очень жесткой, любовь к ней надо подчас проносить через боль.

Но мальчишка хотел радоваться и радовать. А тренер ему, скажем так, не мешал. И наш футбол получил игрока, про которого просто язык не повернется сказать, что он работает на поле. Он играет.

— В спорте везет сильным. А очень сильным, бывает, и очень везет. Конечно, в 18 лет начать с чемпионства — куда как заманчиво. Но раз не повезло — значит, не заслужили. Выиграй еще, обязательно выиграем.

Партнеры по юношеским и юниорским сборным всегда отмечали в нем эту спокойную уверенность. Словно знает человек, что свое возьмет, а чужого, незаслуженного, ему не надо. Но когда «своим» поставил он «золото» сеульской Олимпиады, поставил задолго до открытия Игр, то даже они, знающие Игоря много лет, замечали.

— Я даже не сильно расстроился, когда на первенство Европы из-за травмы не попал. Мой турнир в 1988-м другим был. Олимпийским. Команда за три года подобралась — водой не разливай. И этой победы мы, честно скажу, уже заслуживали.

Дважды грозила оборваться натянутая до предела нить к успеху в Сеуле. И дважды Добривольский ее восстанавливал. Первый раз, когда изящно пробил брешь в обороне итальянской сборной, собравшейся уже было праздновать победу в по-

луфинале. И второй — когда стотысячный олимпийский стадион вдруг затянул дыхание и, привстав на цыпочки, впился глазами в белую отметину в одиннадцати метрах от ворот. В Раздольном, Москве и Тирасполе в тот миг как никогда ощущалось дыхание далекого Сеула. Двадцатилетнему мальчишке доверили исполнить пенальти в пиковый момент финала! Богатыря бы сюда, с ударом. А Добривольский мягко пустил мяч по стриженой траве, движением корпуса отправив вратаря бразильцев в другой угол. Напомнив миру, что футбол — игра, и выигрывать в ней надо элегантне.

Мне кажется, что даже самые далекие от сантиментов защитники бережно относятся к его легким ногам. Хотя работу свою чутк и при случае готовы по-мужски встретить этого мальчишку. Сам он, правда, иногда облегчает им задачу противодействия — словно уравнивая шансы, постоит, поотдыхает игру-другую. Но чуть взрывается — и жди беды. Впрочем, для кого беды? Мы уже привычно ждем от него радости, как от каждого, кто принес в игру что-то новое. Свое.

Сергей МИКУЛИК
Фото Юрия СОКОЛОВА